

Казанский федеральный
УНИВЕРСИТЕТ

ВЕСТНИК
ГРАЖДАНСКОГО
ПРОЦЕССА

МАТЕРИАЛЫ VII СИМПОЗИУМА ЖУРНАЛА

ВЕСТНИК
ГРАЖДАНСКОГО
ПРОЦЕССА

2020 – СОВРЕМЕННАЯ КОДИФИКАЦИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА:
ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ, ЮРИДИЧЕСКУЮ НАУКУ
И ФОРМИРОВАНИЕ КОМФОРТНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

Казань, 25–26 сентября 2020 г.
Казанский (Приволжский) федеральный университет

*Мероприятие проведено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках реализации научного проекта № 20-011-22043*

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**2020 – СОВРЕМЕННАЯ КОДИФИКАЦИЯ
ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВУЮ
СИСТЕМУ, ЮРИДИЧЕСКУЮ НАУКУ
И ФОРМИРОВАНИЕ КОМФОРТНОЙ ЮРИСДИКЦИИ**

Материалы VII Симпозиума журнала «Вестник гражданского процесса»

Казань, 25–26 сентября 2020 г.

КАЗАНЬ

2020

УДК 34
ББК 67
Д23

*Мероприятие проведено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-011-22043 «VII Симпозиум журнала «Вестник гражданского про-
цесса»: «2020 – Современная кодификация цивилистического процессуального
законодательства: влияние на правовую систему, юридическую науку и форми-
рование комфортной юрисдикции»
(Казань, 25–26 сентября 2020 г.)*

Ответственный редактор

доктор юридических наук, профессор **Д.Х. Валеев**

**2020 – Современная кодификация цивилистического процессуального
Д23 законодательства: влияние на правовую систему, юридическую
науку и формирование комфортной юрисдикции: материалы VII Сим-
позиума журнала «Вестник гражданского процесса» (Казань, 25–26 сен-
тября 2020 г.) / отв. ред. Д.Х. Валеев. – Казань: Издательство Казанского
университета, 2020. – 208 с.**

ISBN 978-5-00130-405-0

Сборник статей составлен по материалам VII Симпозиума журнала «Вестник гражданского процесса»: «2020 – Современная кодификация цивилистического процессуального законодательства: влияние на правовую систему, юридическую науку и формирование комфортной юрисдикции» (Казань, 25–26 сентября 2020 г.).

Предназначен для научных работников, аспирантов и студентов юридических вузов, специалистов-практиков и всех интересующихся современными проблемами права.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-5-00130-405-0

© Издательство Казанского университета, 2020

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Дорогие коллеги!

Данный вступительный очерк посвящен истории становления и развития как самого журнала «Вестник гражданского процесса», так и ряда проектов, реализуемых редакцией, а основной акцент сделан на ретроспективном анализе и рассказе о семилетней истории симпозиумов Журнала.

Редакция журнала «Вестник гражданского процесса» ежегодно собирает в Казани выдающихся ученых и практиков в сфере гражданского процесса, проводя «Симпозиум журнала «Вестник гражданского процесса». Сам симпозиум за 7 лет стал не только настоящей традицией, но и брендовым, якорным мероприятием не только Юридического факультета КФУ, но и всего Казанского федерального университета, который радушно принимает из года в год ведущих цивилистов. Кроме того, Симпозиум обрел ежегодных участников, друзей и слушателей, а также создал площадку для масштабной дискуссии на самом высоком уровне.

Первый и каждый последующий симпозиумы очень похожи друг на друга, но каждый год появляется что-то новое, своего рода изюминка, придающая мероприятию неповторимость, уникальность и импульс для движения вперед, развития, совершенствования и повышения уровня.

История становления журнала и зарождения проектов

В 2011 году был подписан к печати первый номер нового юридического научного журнала – «Вестник гражданского процесса». Появление журнала стало результатом целенаправленной работы Главного редактора совместно с редакционной коллегией и редакционным советом по координации работ представителей юридических школ, занимавшихся исследованиями и разработками в области цивилистического процесса в целом и гражданского процесса в частности.

Учредителями журнала выступили ведущие российские ученые, издатели и практикующие юристы: Владимир Ем (кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова), Кирилл Самойлов (исполнительный директор издательства «Статут»), Александр Долгов (директор издательства «Статут»), Марат Загидуллин (кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета), Марат Фетюхин (кандидат юридических наук, адвокат), и Дамир Валеев (доктор

юридических наук, профессор кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета).

Инициативу создания и развития данного журнала поддержал доктор юридических наук, профессор, председатель Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, Сопредседатель Ассоциации юристов России Павел Крашенинников, который впоследствии стал Председателем редакционного совета Журнала.

Помимо ранееупомянутых лиц, у истоков журнала встали и до сих пор его поддерживают Айдар Султанов (член правления, руководитель юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим»), Ленар Лутфуллин (директор юридической компании «Pravis»), Константин Егоров (директор юридической компании «СтройКапиталКонсалтинг»), Вячеслав Гусяков (заместитель председателя Международного союза юристов) и другие представители юридической науки и практики.

В конце ноября 2011 года, в Москве прошла презентация журнала широкой публике. Пилотный номер был представлен юридическому сообществу России. Итогом первых месяцев существования журнала стало включение его в каталоги периодических изданий Российской Федерации и стран Содружества независимых государств, подписка стала доступна с первого номера 2012 года. Кроме того, в разное время, презентации проводились в Московском государственном институте международных отношений, на конференции приуроченной к юбилею Валерия Мусина, в Санкт-Петербурге, и в Тюменском государственном университете.

Также, с момента создания Журнала и на середину 2020 года, можно с уверенностью сказать, что состав авторов Журнала представлен практикующими юристами и учеными-процессуалистами практически со всего мира.

Кроме того, Редакция журнала реализует ряд крупных проектов связанных с историческим, ретроспективным аспектом, позволяющим оценить влияние права XX века и дореволюционного права на становление и развитие современного цивилистического процессуального права. Именно так сформировалась Библиотека журнала «Вестник гражданского процесса», представленная, на середину 2020 года, более чем 5 книгами, объединенными в серию «Классика гражданского процесса».

Еще одним, относительно молодым, крупным проектом является издание специализированных номеров. Так, за годы существования было создано 4 специализированных номера, один из них был посвящен вопросом медиации, второй затрагивал вопросы взаимосвязи религии и процессуального права,

а третий и четвертый были посвящены итогам симпозиумов и их тематика, перекликалась с тематикой мероприятий: электронное правосудие и доказательства в гражданском процессе.

Предыстория VII симпозиума

С 2014 года, Редакция журнала, совместно с партнерами – представителями юридического сообщества России и зарубежных стран, ежегодно проводит Симпозиум журнала «Вестник гражданского процесса». Каждый год, для Симпозиума избирается специфическая тематика, продиктованная проблемами и вызовами правовой действительности.

Первый симпозиум прошел 28 марта 2014 года на площадке Юридического факультета КФУ, его тематика была обозначена как «Эволюция гражданского процесса: вопросы сравнительного правоведения и национального права». Результатом данного симпозиума стало принятие неписанной резолюции, в которой было отражено совместное решение Редакции журнала, партнеров журнала и ведущих процессуалистов России, о том, что ежегодно, осенью необходимо проводить подобного рода мероприятия под эгидой журнала «Вестник гражданского процесса». Именно 28 марта 2014 года можно считать датой, когда в России был создан национальный союз цивилистического процесса. При этом, нельзя не упомянуть, что его штаб-квартирой стала Казань и Казанский университет. Особое значение при этом имеет история Университета. Ведь становление и развитие Юридического факультета как центра классического юридического образования, колыбели многих талантливых ученых и научных направлений современной юриспруденции во многом обусловлено сохранением научных традиций. Дух свободы, творчества и демократичности преподавания Казанского императорского университета, влияние лучших достижений культур востока и запада до сих пор сохраняют особую атмосферу в стенах факультета. Не случайно фундамент казанской юридической школы изначально сформирован на стыке теории и практики, гармоничном сочетании образовательного процесса, научно-исследовательской работы, и практической деятельности. Совокупность данных факторов и создала благоприятную атмосферу, а впоследствии стала фундаментом для становления Казанского университета в качестве всероссийского центра цивилистического процесса, который объединил все процессуальные школы России.

Второй симпозиум, как и было запланировано, состоялся 9 октября 2015 года. Тема симпозиума была сформулирована следующим образом: «Гражданский процесс 2.0: реформа и современное состояние». Этот

симпозиум ознаменовался презентацией новой книги: «Малинин М.И. «Труды по гражданскому процессу». Книга, презентованная главным редактором журнала, доктором юридических наук, профессором Казанского университета Дамиром Валеевым, стала второй в серии «Классика гражданского процесса» и открыла новую страницу в истории Журнала – создание Библиотеки журнала «Вестник гражданского процесса». Ряд презентаций продолжил доктор юридических наук, профессор Московского государственного университета Дмитрий Малешин, который представил широкой публике книгу «Евразийский гражданский процесс: 25-летию стран СНГ и Балтии». А завершил череду презентаций доктор юридических наук, профессор Всероссийского государственного университета юстиции Владимир Гуреев, рассказавший участникам мероприятия о новом средстве массовой информации – юридическом журнале «Вестник исполнительного производства».

Другим знаковым событием мероприятия стало то, что Симпозиум вышел на международный уровень. А соответственно мероприятие стало площадкой для международной цивилистическо-процессуальной дискуссии. Так, участниками-представителями зарубежных процессуальных школ стали Элизабетта Сильвестри, доктор права, профессор (Университет Павии, Италия), Стюарт Шульц, доктор права, профессор (Университет Юты, США), Уильям Саймонс, главный редактор журнала «Review of Central and East European Law», доктор права, профессор (Университет Тарту, Эстония), и Эфе Дерениза, доктор права, профессор (Университет Едите-пе, Турция). Российская часть участников была представлена как научным, так и судебским сообществами, а также практикующими юристами.

30 сентября 2016 года в зале Попечительского совета Казанского (Приволжского) федерального университета состоялся **третий международный Симпозиум**. Отдавая дань сложившейся традиции, организаторы озаглавили этот праздник цивилистической науки как «Казанский арбитражный день: развитие верховенства права и региональные проблемы». Участниками III Симпозиума стали практикующие юристы России и иностранных государств, известные ученые-цивилисты, сотрудники органов государственной власти, судебной системы. Симпозиум предоставил возможность обсудить наиболее актуальные и волнующие вопросы гражданского процессуального права, ознакомиться с последними российскими и зарубежными научными трудами по данному направлению, предложить дальнейшие пути развития современного цивилистического процесса, а также обменяться опытом и накопленными знаниями.

Отдельно хотелось бы отметить выступления столпов российского цивилистического процесса – Владимира Яркова (Уральский государственный юридический университет) и Александра Боннера (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина), которые выступили хедлайнерами мероприятия. При этом, с каждым годом число зарубежных участников стремительно растет, и в этом году в работе Симпозиума «Вестника гражданского процесса» приняли участие более 100 профессоров права, кандидатов наук, аспирантов и практикующих юристов не только из России, но и из США, Китая, Финляндии и других стран. Все выступающие отметили важность и значимость данного мероприятия для развития цивилистического процесса, решений о применении тех или иных норм права. В ходе III Симпозиума кроме заслушивания докладов была проведена традиционная презентация журналов «Вестник гражданского процесса», «Третейский суд», «Вестник исполнительного производства» и новых книг издательств «Статут», с которым Юридический факультет Казанского университета плодотворно сотрудничает уже более 10 лет.

Нововведением Симпозиума 2016 г. стало проведение конкурса – розыгрыша книги, выбранной Редакцией совместно с партнерами мероприятия, а этой книгой стал труд Артема Карапетова «Экономический анализ права».

IV Симпозиум журнала «Вестник гражданского процесса»: «2017 – Электронное правосудие и информационные технологии в гражданском судопроизводстве» состоялся 29 сентября 2017 года. В этот раз Симпозиум был посвящен не только гражданскому процессу, но и информационным технологиям и электронному правосудию, что позволило пригласить ученых и практиков-юристов, а также специалистов в сфере информационных технологий для участия в мероприятии. Ярким вкладом в Симпозиум стало участие иностранных ученых: Пабло Браво Хуртадо (Нидерланды), Винг Винки Соу (Великобритания), Ярослава Турлуковского (Польша) и Винсента Тихана (США). Их презентации позволили участникам Симпозиума ознакомиться с использованием электронных технологий в гражданском процессе за рубежом и провести сравнение с актуальными проблемами в российском судопроизводстве. Участие в Симпозиуме приняли и известные ученые из России: Александр Боннер, Владимир Ярков, Елена Борисова и др., а также ученые Казанского университета.

Отдавая дань традициям, Кирилл Самойлов, коммерческий директор издательства «Статут» представил недавно вышедшую из печати пятую, юбилейную, книгу из серии «Классика гражданского процесса», посвященную фундаментальному труду Нины Клейн «Встречный иск в суде и арбитраже».

Кирилл Самойлов и Дамир Валеев совместно презентовали новый номер журнала «Вестник гражданского процесса» и молодое федеральное СМИ – перспективный англоязычный журнал «Kazan University Law Review».

«Изюминкой» симпозиума, которая продиктована как требованиями современности, так и духом мероприятия, стала трансляция всего происходящего в режиме online. Подобное новшество позволило всем желающим «принять участие» в мероприятии, а также стало пищей для размышления о том, как подобную технологию использовать в рамках ВКС, не посещая здания суда.

5 октября 2018 года на базе Арбитражного суда Поволжского округа состоялся **V Юбилейный Симпозиум** журнала «Вестник гражданского процесса» «2018 – Доказательственное право в цивилистическом процессе», проведенный Редакцией журнала «Вестник гражданского процесса» совместно с Юридическим факультетом Казанского (Приволжского) федерального университета, Арбитражным судом Поволжского округа и издательством «Статут». Данный симпозиум стал квинтэссенцией накопленного опыта и лучших мировых практик проведения подобного рода мероприятий.

Непосредственное начало симпозиума было ознаменовано вступительным словом организатора этого юридического праздника, главного редактора журнала «Вестник гражданского процесса», доктора юридических наук, профессора Казанского федерального университета, Дамира Валеева. В своем выступлении он приветствовал от имени редакции журнала всех гостей мероприятия, после чего передал слово декану Юридического факультета Казанского федерального университета, Лилии Бакулиной. Приветствуя участников, Лилия Бакулина отдельно подчеркнула вклад Председателя Арбитражного суда Поволжского округа, Юрия Глазова, в проведение этого симпозиума, который впервые в своей истории был проведен вне стен Казанского университета. Следующим участником мероприятия, обратившимся к коллегам с приветствием, стал Председатель Верховного суда Республики Татарстан, Ильгиз Гилязов. Выступая с трибуны, Ильгиз Гилязов не только приветствовал участников, но и представил всем гостям мероприятия свой доклад о значимости, применимости, практикоориентированности, высокой научной ценности избранной тематики симпозиума. Череду приветствий продолжил Научный руководитель Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета Ильдар Тарханов. Свое выступление Ильдар Тарханов построил так, что начал со слов благодарности людям, поддерживающим как сам журнал, так и симпозиум. Первая благодарность была обращена Павлу Владимировичу Крашенинникову, за вклад в развитие

юридической науки, особое внимание и трепетное отношение к праотцам Казанской школы права. Следующие слова благодарности были посвящены Кириллу Самойлову, исполнительному директору издательства «Статут». Говоря о Кирилле Самойлове, Ильдар Тарханов отметил его каждодневный вклад как в проведение мероприятия так и в функционирование журнала, а также поблагодарил его за то, что он поверил в этот проект на стадии его планирования и поддержал журнал. Завершилась череда благодарностей обращением Ильдара Тарханова к своему ученику, Дамиру Валееву, в котором он отметил как его высокие административные способности, некий магнетизм позволяющий собрать такую аудиторию, так и большое умение, своего рода талант, проявляющийся при определении тематики мероприятия, таким образом, что она представляет подлинную научную и практическую ценность.

В 2018 году V Ежегодный Симпозиум журнала был посвящен не только гражданскому процессу, но и некоторым аспектам материального права, так как был посвящен вопросам доказательственного права, что позволило пригласить ученых и практиков-юристов, а также специалистов в сфере доказательств и доказывания для участия в мероприятии. Ярким вкладом в Симпозиум стало участие ученых-представителей различных юридических школ России, практикующих юристов, представителей судейского сообщества, а также ученых Казанского университета.

27–28 сентября 2019 года в стенах Казанского федерального университета проходил **VI ежегодный Симпозиум** журнала «Вестник гражданского процесса». Первый Симпозиум прошёл весной 2014 года, и с тех пор встречи в кругу близкого и знакомого ученого света цивилистики стали не только традицией, но и превратились в масштабные площадки для дискуссий. Тематика Симпозиума осени 2019 года была обозначена как «2019–цивилистическое право и процесс: история, современное состояние и перспективы развития».

Старт мероприятию положило приветствие ректора Казанского университета Ильшата Гафурова, который отметил, что 2019 год выдался для Казанского федерального университета богатым на памятные даты. Прежде всего, это 215 лет со дня основания, а также двухсотлетие со дня рождения Д.И. Мейера. Празднование юбилея Дмитрия Ивановича Мейера в нашем университете сопровождается рядом мероприятий. Одним из ключевых событий будет вручение первой медали и премии имени Мейера, учреждённой Попечительским советом Юридического факультета Казанского университета, возглавляемым его воспитанником – мэром города Казани Ильсуром Метшиным.

За приветствиями следовало само вручение медали, о которой говорил Ильшат Гафуров. Лауреатами Медали и премии этого года стали Павел Крашенинников и Михаил Чельшев (посмертно, медаль вручена матери и дочери), которую они получили из рук Ильдара Халикова, председателя Татарстанского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», члена Попечительского совета Юридического факультета КФУ.

Завершилась первая часть и первый день мероприятия выступлением модераторов, Дамира Валеева и Андрея Габова, которые подвели итоги и выразили надежду на то, что Симпозиум и впредь будет способствовать движению цивилистического процесса вперед, к новым вершинам и к совершенству.

28 сентября Симпозиум продолжил свою работу по секциям: секция № 1 «Договорное право: эволюция развития и новеллы юридической мысли» и секция № 2 «Юридическая клиника и современные практикоориентированные технологии преподавания цивилистического процесса», в рамках которых были заслушаны доклады ведущих юристов-процессуалистов.

VII Международный симпозиум журнала «Вестник гражданского процесса» 2020. С 25 по 26 сентября на базе Казанского федерального университета прошел VII Международный симпозиум журнала «Вестник гражданского процесса». Тематика Симпозиума осени 2020 года была обозначена как «Современная кодификация цивилистического процессуального законодательства: влияние на правовую систему, юридическую науку и формирование комфортной юрисдикции».

Старт мероприятию положило приветствие проректора Казанского университета Тимирхана Алишева. Которое поддержала Лилия Бакулина – декан Юридического факультета КФУ, Дамир Валеев – главный редактор Журнала и заместитель декана Юридического факультета по научной деятельности КФУ, а также другие гости мероприятия.

В своем выступлении Тимирхан Алишев отметил, что:

«...начать свое обращение к Вам я бы хотел со слов благодарности, благодарности за то, что Вы своим решением принять участие в данном мероприятии позволили ему, наперекор пандемии, пройти очно в оффлайн формате, что не может не радовать. Ведь никакие современные технологии не заменят живого общения и радости встречи...», что было как никогда актуально и отвечало духу ситуации, духу времени.

Дамир Хамитович, в свою очередь, обращаясь к гостям подтвердил слова Тимирхана Алишева конкретными цифрами, указав, что:

«На мероприятии присутствует **более 100 участников**, что уже является важным показателем, свидетельствующим о поддержании заданной ранее планки. Всего на мероприятии присутствуют представители **15 субъектов** Российской Федерации:

1. Москва
2. Санкт Петербург
3. Севастополь
4. Республика Адыгея
5. Республика Башкортостан
6. Республика Татарстан
7. Республика Удмуртия
8. Саратовская область
9. Владимирская область
10. Самарская область
11. Омская область
12. Пермский край
13. Ростовская область
14. Томская область
15. Свердловская область

Помимо прочего, особенно отраднo, что мероприятие, признанное в академических и научных кругах, снискало уважение и поддержку со стороны представителей судейского сообщества. Так, в этом зале находятся представители **14 судов**:

1. Суд по интеллектуальным правам
2. Арбитражный суд Поволжского округа
3. Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд
4. Двенадцатый арбитражный апелляционный суд
5. Семнадцатый арбитражный апелляционный суд
6. Арбитражный суд Республики Адыгея
7. Арбитражный суд Республики Татарстан
8. Арбитражный суд Саратовской области
9. Арбитражный суд Удмуртской Республики
10. Владимирский областной суд
11. Томский областной суд
12. Верховный Суд Республики Татарстан
13. Конституционный суд Республики Татарстан

14. Октябрьский Районный суд г. Саратова

И здесь нельзя не отметить, что **7** судов представлены их непосредственными руководителями, **председателями:**

Председатели – **7**

1. Новоселова Людмила Александровна
2. Сафаева Наиля Равиловна
3. Сердитова Екатерина Николаевна
4. Горябин Алексей Анатольевич
5. Малышкин Александр Викторович
6. Гилязов Ильгиз Идрисович
7. Хуснутдинов Фархат Гусманович
8. Тенькаев Антон Юрьевич

Кроме того, некоторые суды представлены не только руководством, но и судьями. Так в этом зале сегодня присутствует **7** **судей:**

1. Петрушкин Виталий Анатольевич
2. Голубцов Валерий Геннадьевич
3. Волкова Татьяна Владимировна
4. Дивин Игорь Михайлович
5. Хасаншин Илгиз Абрарович
6. Якушев Павел Алексеевич
7. Габидуллина Альбина Госмановна

...

хочу перейти к ключевой части участников мероприятия – представителям университетов и научных школ. Так, на Симпозиуме 2020 года представлены участниками **17 университетов:**

1. Институт государства и права Российской академии наук
2. Казанский федеральный университет
3. Казанский филиал Российского государственного университета правосудия
4. Московский государственный университет
5. Омский государственный университет
6. Пермский государственный национальный исследовательский университет
7. Российская академия народного хозяйства и государственной службы
8. Российский государственный университет правосудия
9. Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

10. Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева
11. Санкт-Петербургский институт Всероссийского государственного университета юстиции
12. Саратовская государственная юридическая академия
13. Севастопольский государственный университет
14. Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия
15. Тольяттинский государственный университет
16. Уральский государственный юридический университет
17. Южный федеральный университет...»

Затем в рамках данного научного мероприятия состоялась презентация новой книги «Советское право. Итоги. Очерки о государстве и праве 1962–1984 гг.» председателя Комитета Государственной думы РФ по государственному строительству и законодательству, сопредседателя Ассоциации юристов России профессора Павла Крашенинникова.

Кроме того, в рамках открытия мероприятия состоялась презентация еще одной книги, которая была издана до мероприятия по результатам реализации гранта РФФИ – Россия Федерациясенен Граждан процессуаль кодексы (Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации), и положила начало цикла мероприятий, которые связаны с годом родных языков в Республике Татарстан, которые выпадут на 2021 год. Презентацию провел Дамир Валеев.

Также на площадках симпозиума о необходимости тесного взаимодействия органов судебной власти и научного сообщества высказались председатель Верховного суда Республики Татарстан Ильгиз Гилязов, председатель Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда Наиля Сафаева, председатель Арбитражного суда Саратовской области Алексей Горябин и председатель Владимирского областного суда Александр Малышкин.

На пленарной дискуссии с докладами выступили председатель Суда по интеллектуальным правам профессор Людмила Новоселова, член-корреспондент РАН, профессор Андрей Габов, заведующий кафедрой гражданского процесса УрГЮУ профессор Владимир Ярков, заведующий кафедрой гражданского права УрГЮУ профессор Бронислав Гонгало, председатель совета Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ профессор Лидия Михеева и другие ученые.

Продолжилось мероприятие Подведением итогов конкурса Actio Civilis и награждением победителей. Так, I место занял Владислав Пучков, представитель уральской школы права. Серебро и бронза отправились в Москву. Владислав Ватаманюк увез приз за второе место в Московский государственный юридический университет, а Никита Сутормин – в МГИМО. При этом, важно отметить, что данный конкурс прошел впервые и неоценимую поддержку при его реализации оказала Юридическая фирма «Шаймарданов, Ялилов и Сабитов» и лично управляющий партнер Роберт Шаймарданов. И сейчас отдельно хотелось бы подчеркнуть, что сама идея проведения конкурса и его концепция были предложены Артемом Карапетвым, проводящим подобный конкурс по гражданскому праву, за что ему отдельные слова благодарности.

Затем продолжилась научная часть мероприятия, представленная выступлениями ученых и практиков. В работе симпозиума приняли участие ведущие ученые, практики и члены судейского сообщества.

В завершении необходимо отметить ряд специфических моментов Симпозиума 2020 года. Во-первых, данное мероприятие стало своего рода первопроходцем и одним из первых, реализованных в очном формате, после введенных ограничений. Во-вторых, Мероприятие проведено при финансовой поддержке РФФИ.

Кроме того, большую поддержку при проведении мероприятия оказали его давние друзья, партнеры и авторы журнала. Именно в этом году мероприятие прошло при активном участии коллег из Адвокатского бюро «Бартолиус» и лично Юлия Тая и Дмитрия Проводина, коллег из юридической фирмы «АНП Зенит» и ее руководства в лице Рената Долотина, а также Айдара Султанова – начальника правового управления ПАО «Нижнекамскнефтехим».

Сам сборник, выпущенный по результатам Симпозиума, являет собой краткий экскурс в вопросы современных проблем процессуального права, подготовленный совместно представителями всех научных школ России.

Завершить данный очерк, по уже сложившейся традиции написания подобных вступлений, я бы хотел словами благодарности, благодарности своей команде, редакции и партнерам Журнала, руководству Казанского университета, представителям научного, судейского, и адвокатского сообществ, представителям государственных органов, зарубежным коллегам и друзьям и всем, кто связан с Журналом, но отдельно, я хочу сказать спасибо в адрес трех человек, которые принимают самое непосредственное участие в жизни Журнала: своему руководителю и безгранично талантливому человеку Лилии Талгатовне Бакулиной, позволившей своим волевым решением маленькому проекту гордо

встать во весь рост и расправить плечи, оперевшись на мощнейшую научную платформу, а также своим учителям, наставникам, коллегам и, надеюсь мне простят такую дерзость, своим друзьям Владимиру Владимировичу Яркову и Завдату Файзрахмановичу Сафину, которые способствовали моему становлению как ученого и продолжают поддерживать и направлять все наши чаяния и устремления.

Дамир Хамитович Валеев,

*Главный редактор журнала «Вестник
гражданского процесса», профессор*

Афанасьев Сергей Федорович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой арбитражного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», заведующий сектором теории и отраслевых проблем правовой политики Саратовского филиала Института государства и права РАН

Зарубина Мария Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», доцент кафедры арбитражного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Afanasiev Sergej Fedorovich

Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Arbitration on Procedure Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saratov State Law Academy», Head of the Sector of Theory and Sectoral Problems of Legal Policy of the Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Zarubina Maria Nicolaevna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Civil Law and Process, Saratov State University; Department of Arbitration, Saratov State Law Academy

О месте общеправовых принципов гражданского процесса при отправлении электронного правосудия¹

On the place of general legal principles of civil procedure in e-justice

Аннотация: В статье авторы рассуждают о важном и фундаментальном месте общеправовых принципов в условиях цифровизации правосудия. Процессуальный контент, снабженный техническими, сопровождающими элементами, должен быть защищен и сконцентрирован в базовых неизменных категориях, к которым часто апеллируют суды – законности, демократизму, добросовестности, справедливости, гуманизму. Любые инновации, используемые при рассмотрении гражданского дела, по своей природе и назначению подчинены

¹Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

нормативным правилам судопроизводства. Электронная автоматизация и коммуникация способствуют облегчению реализации всех принципов цивилистического процессуального права, но в тоже время стремятся исключить «лишнее», хотя и привычное, из судебного процесса, привести к максимальному упрощению практически всех элементов процессуальной формы. Изменение подхода к стандартам осуществления правосудия является основанием повышенного внимания к гарантиям реализации общеправовых принципов и их осмыслению с точки зрения позиций новой цифровой эпохи.

Ключевые слова: гражданский процесс, общеправовые принципы, электронное правосудие.

Abstract: In the article the authors discuss the important and fundamental place of general legal principles in the context of the digitalization of justice. Procedural content, provided with technical, accompanying elements, should be protected and concentrated in the basic unchanging categories, which are often appealed to by the courts – legality, democracy, honesty, justice, humanism. Any innovations used in the consideration of a civil case, by their nature and purpose, are subject to the normative rules of legal proceedings. Electronic automation and communication help to facilitate the implementation of all principles of civil procedural law, but at the same time strive to exclude «unnecessary», albeit customary from the judicial process, to lead to the maximum simplification of almost all elements of the procedural form. Changing the approach to the standards of administration of justice is the basis for increased attention to guarantees for the implementation of general legal principles and their interpretation from the point of view of the positions of the new digital age.

Keywords: civil procedure, general legal principles, e-justice.

IT-сфера радикально изменила подход к прежним социальным институтам и ценностям, принципам права и морали. Вовлечение судебной власти в мир технологий и интернета было не минуемо. Однако перед общественностью и профессиональным сообществом возникли следующие вопросы: уходя от традиционных основ правосудия, сохранятся ли прежние гарантии его качества и эффективности, нужно ли их совершенствовать и приспособлять к новым реалиям, и какие возможности откроются для достижения справедливости и законности при рассмотрении и разрешении дел в онлайн формате?

Еще в 1996 году известный историк науки Г. Вульф в одном из своих трудов писал о первостепенной важности информационных технологий для всех сфер государственной и общественной жизни, и в особенности для право-

судия¹. Многое изменилось с тех пор, но проблема глобального преобразования правосудия и средств (преимущественно электронных) для его осуществления стала детерминантой проведения судебной политики в нынешних условиях наступления Четвертой промышленной революции.

Главными вопросами, требующими своего всестороннего изучения и анализа, в этом смысле стали:

- потенциал технологий для обеспечения более доступного правосудия;
- система правового регулирования применения электронных технологий в судах;
- сохранение фундаментальных ценностей права.

Безусловно, польза новых технологий для судебной деятельности выражена в образовании новых облегченных для человеческих способностей совершенных или почти совершенных механизмов, позволяющих облегчить и усовершенствовать ежедневный труд:

- мобильное установление контактов с лицами, участвующими в деле, и иными участниками процесса, в том числе, электронная подача документов, извещение, онлайн-процедуры и т. д.;

- качественное исследование доказательств по делу с автоматическим указанием на недостоверные или ложные сведения о фактах, на которые суд должен обратить внимание в первую очередь и проверить в совокупности с другими представленными по делу доказательствами;

- принятие решения по делу с использованием возможностей судебного интеллекта.

Параллельно с положительными результатами следует не забывать и о сопутствующих деструктивных обстоятельствах, порождающих нарушения прав обращающихся в суд граждан и организаций. Дисбаланс электронных весов правосудия видится в следующем:

- сокращение процессуальных сроков рассмотрения дела – технические препятствия выхода сторон в онлайн-заседание,

- снижение нагрузки на судей – ненадлежащее установление обстоятельств, имеющих значение для дела, и как следствие вынесение необоснованного судебного акта,

- открытость и доступность информации о деле – незащищенность конфиденциальной информации и персональных данных,

- удобство и доступность для одних – препятствия и недостижимость для других,

¹Lord Woolf, Access to Justice: Finalreport, 15 C. JUST. Q. 273 (1996).

предикативное правосудие – формальное разрешение процессуальных вопросов.

Прямое нарушение общеправовых принципов судами не допустимо, и должно быть порицаемо обществом и государством. К сожалению, находясь на этапе становления информатизации и автоматизации судебных процедур, происходит некая опасная конкуренция между бумажными и электронными формами делопроизводства, что приводит к соответствующим судебным ошибкам.

Переход к электронному правосудию сопряжен с другими социально-правовыми процессами – отсутствие навыков и умений пользоваться техническими устройствами, множество регламентов и правил с одновременным отсутствием таковых в процессуальных нормах, сбои в программе, дополнительные обременения, связанные с приобретением новых мобильных устройств и прочее, в связи с чем любое отклонение от нормы будет влечь массу негодования, жалоб на судебную систему, вызовет обостренное чувство несправедливости и неудовлетворенности. Электронная форма процессуальных действий, если она предусмотрена законом, а равно выбор таковой стороной по делу, увеличивает ответственность государства за любое неурегулированное как технически, так и нормативно, отклонение от основных идей и начал судебного правоприменения. И в первую очередь речь идет не столько о процессуальных принципах, сколько об общеправовых – гуманизме, демократизме, справедливости, равенстве, законности. Как говорится, «простой человек о диспозитивности не вспомнит, если справедливость пострадает».

К сожалению, общеправовым принципам не достаточно уделяется внимания в современной процессуальной цивилистике, но именно о них нужно вспоминать при проведении реформ в конкретной стране, дабы не навредить большинству, но способствовать прогрессивному и ступенчатому развитию правового государства.

Электронное правосудие видится как доступное, либеральное и простое, такое, чтобы вся громоздкая составляющая обычного судебного процесса преобразилась в новую и удобную для использования цифровую форму, столь привычную для грядущих поколений.

Согласимся с Д.Я. Малешиним в том, что «российская гражданская процессуальная система является смешанной и самобытной системой»¹. Парадоксальный дуализм и синтетика многих социокультурных условий общества выражаются в чрезмерной уникальности и оригинальности проявления их в пра-

¹ Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России: автореф. ...д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 16.

вовых нормах. Подобная эмпатия к законотворческому и правореализационному опыту других государств отражается и на особенностях обеспечения действия общеправовых принципов в каждой отрасли российского права. Для судебного процесса такая связь наиболее характерна, поскольку именно здесь проверяется на прочность идеологическая составляющая всей правовой системы.

В контексте исследуемой темы укажем основные направления развития электронного правосудия в цивилистическом процессе (на основании опыта зарубежных стран), способствующие интенсивному запуску онлайн механизмов:

1 – онлайн выбор способа защиты нарушенных прав, в том числе, уже после обращения в суд (например, обращение к онлайн медиации по некоторым категориям гражданских дел). Это, безусловно, ускорит процедуру рассмотрения спора в суде, создаст благоприятные возможности для спорящих сторон наилучшим образом выразить свое волеизъявление посредством нажатия нескольких опций в программе, которая бы, во-первых, определила перспективы медиации и судебного разбирательства (в Англии есть подобная программа *Olé*, снижающая риск неудачного примирения и предлагающая наилучшие методы достижения компромисса¹), во-вторых, продемонстрировала процедуру медиации в виртуальном пространстве и, в-третьих, дала возможность осуществить диспозитивное право перейти в портал судебного посредничества для выбора медиатора. Уход в медиацию обязательно должен сопровождаться судебным санкционированием, соответственно только после него решаются все иные вопросы, связанные с проведением процедуры.

Одним из последних достижений в сфере медиации стало Руководство по применению медиации, принятое Европейской комиссией по эффективности правосудия 14 июня 2019 года². В ней собран кладезь опыта 18 европейских стран по внедрению медиации в правовое поле. Согласно п. 5.3 этого документа онлайн медиация должна всячески поощряться судом, если стороны соглашаются на это, при условии соблюдения принципов медиации и процедурных гарантий. Интересна в этом ключе итальянская модель включения поставщиков услуг медиации в реестр – чтобы туда войти необходимо представить в Министерство юстиции свои правила проведения, включая онлайн-процедуры. Подобная проверка имеет большой смысл, повышая качество судебных услуг в целом³.

¹ International Mediation Institute // URL: <https://www.imimmediation.org/resources/online/dispute-analysis-tool/> (дата доступа 12 сентября 2020 г.)

² European Handbook for Mediation Lawmaking. EUROPEAN COMMISSION FOR THE EFFICIENCY OF JUSTICE (CEPEJ) //As adopted at the 32th plenary meeting of the CEPEJ. Strasbourg, 13 and 14 June 2019.

³ The Republic of Italy, Legislative Decree of March 4, 2010, n. 28, Art. 16 (3).

2 – автоматизация судебных процессов и процедур представляет собой управление судебными электронными документами, их оцифровку и защиту конфиденциальной информации, налаженную и бесперебойную работу со сторонами в режиме онлайн (подача документов путем заполнения электронных форм, формирование электронного дела, прохождение судебных расходов и прочее). Как показывает практика, имеются два пути автоматизации: прямой и косвенный. Прямой способ заключается в консолидированной работе над программным обеспечением, обслуживающим судебную систему конкретной страны. Например, в Австрии предусмотрен целый ряд компонентов системы e-justice: выделены некоторые категории дел, по которым весь судебный процесс автоматизирован; выдача электронных судебных решений, оплата госпошлины непосредственно через систему, использование мобильного приложения для подачи документов; электронная проверка файлов; система обработки данных для судов – фактически электронное дело¹.

В Италии функционирует «Processo Civile Telematico» – РСТ – онлайн гражданское судебное разбирательство, и автоматизация скорее удовлетворяет потребности судей при ведении гражданских дел – им предоставляется полнофункциональное программное приложение, которое позволяет управлять назначенным разбирательством, даже вне офиса, читать и комментировать судебные документы, присланные заинтересованными сторонами, записывать, подписывать в цифровом виде и направлять свои собственные решения².

Австралийская автоматизация судопроизводства несколько ограничена не повсеместным использованием граждан новыми электронными технологиями, в связи с чем в одних случаях электронное дело образуется, а в других обходятся бумажными материалами. Между тем, средств электронизации документооборота достаточно: eLodgment, eTrials, electronic discovery, eCourtroom and videoconferences (<https://www.elodgment.fedcourt.gov>).

В законодательстве Венгрии особое внимание уделяется электронной доступности дела для судей всех регионов (<https://birosag.hu/en>).

При косвенном способе автоматизации функциональность системы электронного правосудия мало обеспечена и подвержена рискам виртуальных атак.

3 – электронная коммуникация развивается в трех плоскостях:

взаимодействие суда и участников процесса с возможностью обратной связи;

¹ IT applications in the Austrian justice system. 2018 // URL: https://archive.org/details/perma_cc_D8LN-JRJF (дата доступа 12 июля 2020г.)

² См.: Borsari G. Processo Civile Telematico (On-line Civil Trial) // URL: <https://docplayer.net/15512345-Processo-civile-telematico-on-line-civil-trial.html> (дата доступа 12 июля 2020г.)

создание обособленных порталов с госучреждениями, прокуратурой, нотариатом и адвокатурой, формирование единых баз данных (реестров);

обеспечение надежной степени защиты персональных данных и сохранение конфиденциальной информации.

И если автоматизация судебного процесса по большей части обусловлена заданной программой, то при коммуникации наличествует волеизъявление процессуального качества: запросить доказательство в целях установления обстоятельств дела, получить сведения из реестров, назначить судебное заседание, известить стороны, подать исковое заявление или, наоборот, отозвать его, открыть доступ к видеотрансляции или продемонстрировать его исключительно в закрытом режиме, направить судебный акт и многое другое.

Так, например, в Германии коммуникация полностью происходит между судами и сторонами, госорганами на электронной платформе в силу Закона о поощрении электронных юридических сделок с судами от 10 октября 2013 г. (Бюллетень федеральных законов I стр. 3786)¹, причем электронная цифровая подпись не требуется из-за использования безопасного пути передачи. Однако автоматизация судопроизводства в этой стране довольно осторожная.

В США и Испании отсутствуют унифицированные для всех регионов правила работы в информационной системе, что нужно считать как её необоснованное усложнение.

Нельзя не упомянуть новейшее масштабное исследование, которое проведено Европейской комиссией по правам человека, об использовании инновационных технологий в сфере правосудия². Данный документ посвящен разбору важнейших проблем e-justice в разных странах: защите баз данных, внедрению технологий блокчейн и смарт-контрактов, налаживанию использования IT организациями и государственными органами, в том числе, профессиональным сообществом, свободным доступам к публичным сервисам (реестрам), электронным доказательствам, искусственному интеллекту и т. д. Каждый из перечисленных объектов анализа подвергся конструктивной обработке, как с точки зрения действующего законодательства, так и с позиций соблюдения основных прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Европейской конвенцией.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить первостепенное влияние состояния электронного правосудия на реализацию общеправовых принципов в сфере гражданской юрисдикции. Следует поддержать попытку европейских стран постоянно и последовательно систематизировать результаты по примене-

¹ URL: <https://egvp.justiz.de/> (дата доступа 12 августа 2020 г.)

² Study on the use of innovative technologies in the justice field. Final report of European Commission // URL: <file:///D:/Users/2/Downloads/DS0220605ENN.en.pdf> (дата доступа 21 сентября 2020 г.)

нию судами новых технологий, делать выводы о качестве электронного правосудия, искать пути решения проблем, связанных с нарушением фундаментальных принципов защиты прав человека.

Список использованной литературы

Borsari G. Processo Civile Telematico (On-line Civil Trial) // URL: <https://docplayer.net/15512345-Processo-civile-telematico-on-line-civil-trial.html> (дата доступа 12 июля 2020г.)

Study on the use of innovative technologies in the justice field. Final report of European Commission // URL: <file:///D:/Users/2/Downloads/DS0220605ENN.en.pdf> (дата доступа 21 сентября 2020 г.)

Гриценко Е.В., Ялунер Ю.А. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России // Сравнительное конституционное обозрение. – 2020. – № 3. – С. 97–129.

Курочкин С.А. Гражданский процесс – системное исследование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. Вып. 4. – С. 36.

Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России: автореф. ...д-ра юрид. наук. – М., 2011. – 61 с.

Прангишвили И.В. Системный подход и общесистемные закономерности. – М., 2000. – С. 105.

Борисова Виктория Федоровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Borisova Victoria Fedorovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department
of Civil Procedure, Saratov State Law Academy

Модернизация процесса доказывания в условиях цифровизации правосудия по гражданским делам¹

Modernization of the evidence process in the context of digitalization civil justice

Аннотация: Статья посвящена проблемам исследования текстовых и нетекстовых электронных доказательств в гражданском судопроизводстве, а также применимых к процессу доказывания международных стандартов использования искусственного интеллекта в судебной системе.

Ключевые слова: доказывание, электронное доказательство, аутентификация, идентификация, достоверность доказательств.

Abstract: The article is devoted to the problems of studying text and non-text electronic evidence in civil proceedings, as well as international standards for the use of artificial intelligence in the judicial system applicable to the proof process.

Keywords: proof, electronic proof, authentication, identification, reliability of evidence.

Внедрение электронного правосудия в Российской Федерации проходит в несколько этапов: информатизация, цифровизация, зарождение искусственного интеллекта, адаптация больших данных под нужды правосудия. Цифровизация правосудия предполагает переход к применению искусственного интеллекта, более широкому использованию электронных документов, реализации максимума процессуальных прав и обязанностей в дистанционном формате, удаленному участию в судебных заседаниях, электронному межведомственному взаимодействию судов с другими государственными органами. Активно об-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

суждаются проблемы создания машинописного права¹, функционирования LegalTech как совокупности электронных инструментов и сервисов, предназначенных для оптимизации деятельности профессиональных юристов,² и другие актуальные вопросы внедрения электронных технологий в юридическую сферу деятельности, вплоть до роботизации оказания правовых услуг.

Как отмечают ученые, на нормативном и доктринальном уровне применительно к цифровым технологиям господствует инструментальный подход, в соответствии с которым в исследовании преобладают прикладные методы, обусловленные экстенсивным развитием цифровой составляющей судопроизводства. Однако в настоящее время утилитарное понимание цифровых технологий как инструмента правоприменительной деятельности, не влияющего на ее сущность, является упрощенным³. Следует выразить солидарность с В.С. Синенко, который призывает к сохранению баланса между трансформацией гражданской процессуальной формы, происходящей под воздействием электронизации судебной деятельности, и полноценным действием принципов российского процесса, обеспечивающих определенный уровень гарантий прав участников судопроизводства⁴. Таким образом, перед современными правоведами стоит сложная задача по «электронному» преобразованию гражданского процессуального права с сохранением основополагающих начал, выработанных доктриной. Развитие научной мысли и правового регулирования в условиях глобализации не может происходить в отрыве от международных стандартов правосудия. Основные базовые принципы, которыми необходимо руководствоваться в процессе совершенствования национального процессуального законодательства, обозначены в Европейской этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях, принятой в декабре 2018 г.⁵

¹ См. подробнее: Понкин И.В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerТехе, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Vol. 8. № 9. С. 59–69.

² См.: Рожкова М.А. LegalTech и LawTech – что это такое и в чем их значимость для права? [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2020. 14 февраля.

URL: https://zakon.ru/blog/2020/02/14/legaltech_i_lawtech_%C2%A0что_ето_такое_i_v_chem_ih_znachimost_dlya_prava(дата обращения: 20.09.2020).

³ См.: Брановицкий К.Л., Ренц И.Г., Незнамов А.В., Ярков В.В. Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2. С. 59, 61.

⁴ См.: Синенко В.С. Влияние процесса внедрения «электронного правосудия» на традиционную процессуальную форму // Вестник судейского сообщества Белгородской области. 2016. № 5.

⁵ См.: Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. Принята на 31-м пленарном заседании

Пять принципов Европейской этической хартии:

1. Принцип соблюдения основных прав: обеспечить разработку и применение инструментов и услуг, основанных на искусственном интеллекте, соответствующих основным правам.

2. Принцип недискриминации: а именно, предупреждать развитие или усиление дискриминации между отдельными лицами или группами лиц.

3. Принцип качества и безопасности: касательно обработки судебных решений и данных, использовать сертифицированные источники и нематериальные данные с применением моделей, разработанных на междисциплинарной основе, в безопасной технологической среде.

4. Принцип прозрачности, беспристрастности и достоверности: сделать доступными и понятными методы обработки данных, разрешить проведение внешнего аудита.

5. Принцип контроля пользователем: отказаться от предписывающего подхода и позволить пользователю выступать информированным участником и контролировать свой выбор.

Каждый из названных принципов имеет существенное значение в разрезе модернизации процедуры доказывания как центральной части гражданского процесса. Технологический прорыв весны 2020 года остро поставил вопрос о расширении представлений о применении технических устройств для представления, исследования и оценки доказательств. Взаимообусловленной стала проблема правовой природы и качества представляемых доказательств, а также пределов вторжения суда в сферу частных интересов субъекта в ходе судебного познания в связи с физической неограниченностью исследуемой информации.

Пункт 115 Европейской этической хартии указывает на необходимость сохранения равенства сторон при использовании технических средств с тем, чтобы избежать дисбаланса между обеспеченной соответствующими устройствами и знаниями стороной, и стороной, имеющей трудности с доступом к компьютерам и умением им пользоваться. Баланс предлагается восполнить посредством предоставления информации о получении юридической помощи¹. Следует обратить внимание на то, что юридическая помощь в этом случае приобретает технико-юридический характер, что обуславливает повышение требований к лицу, оказывающему такую помощь и оснащению его рабочего места

ЕКЭП (Страсбург, 3-4 декабря 2018 года) // URL: [http// https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4](http://https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4) (дата обращения: 20.09.2020).

¹ См.: Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. Принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3-4 декабря 2018 года) // URL: [http// https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4](http://https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4) (дата обращения: 20.09.2020).

необходимыми устройствами и ресурсами связи. На международном уровне не обсуждается вопрос о последствиях нарушения баланса технических возможностей сторон. Применительно к процессу судебного доказывания уместно говорить о случаях, когда одна из сторон способна представить в суд доказательства, полученные с помощью технических средств, тогда как другая сторона лишена этого права в силу объективных причин, а не погрешностей процессуального закона. Нарушение равенства сторон может быть вызвано недостаточностью средств для обеспечения либо заверения доказательства, что негативно влияет на состязательность сторон и доступ к правосудию. Вопрос обеспечения и заверения электронных записей в качестве доказательств сопряжен с установлением системы требований к представляемым в суд средствам доказывания.

Согласно ст. 157 ГПК РФ судья непосредственно заслушивает объяснения сторон, третьих лиц, показания свидетелей, исследует письменные доказательства, заключения экспертов, осматривает вещественные доказательства, просматривает видеозаписи, прослушивает аудиозаписи. Перечень исследуемых доказательств в гражданском процессе является закрытым и появление новых доказательств, связанное с цифровизацией общества, провоцирует «приспособление» сведений, полученных из электронных источников и/или в электронном виде, к классическим средствам доказывания. Откликом законодателя на запрос судебной практики об идентификации информации, полученной с применением электронных технологий и представляемой лицами, участвующими в деле в качестве доказательств в судебное разбирательство, стали изменения, внесенные в ст. 71 ГПК РФ в 2016 г.

В актуальной редакции нормы к письменным доказательствам отнесены документы и материалы, которые:

- выполнены в форме цифровой, графической записи
 - получены при помощи факсимильной, электронной, других видов связи, с использованием сети «Интернет»
 - подписаны электронной подписью в соответствии с законом или выполнены иным способом, позволяющим установить достоверность документа.
- Фактически все виды электронных источников сведений о фактах приравнены к письменным доказательствам как средству доказывания. Однако электронное доказательство может расцениваться как письменное, если оно фиксирует человеческую мысль, имеющую доказательственное значение, и воспринимаемую путем прочтения. С точки зрения закона схема непосредственного исследования судом текстовых электронных доказательств, представленных в виде распечатки информации на бумажном носителе, более-менее стабильна. Обязательные требования к электронному документу – его читаемость, наличие установленных реквизитов, а также сохранность в первоначальном виде. Как отме-

чает, А.Т. Боннер существенным недостатком электронного документа является легкость внесения в него изменений и, соответственно, отсутствие уверенности в достоверности полученного электронного документа¹.

По сравнению с классическими письменными доказательствами, электронные документы «проигрывают» в своей доказательственной силе, поскольку проверка их достоверности судом имеет ряд отступлений от общих правил. Распечатанный электронный документ может не быть заверен надлежащим образом, не иметь оригинала для проверки совпадения информации на бумажном и электронном носителе, установление принадлежности электронной информации определенному лицу потребует обращения к метаданным. В связи с этим, актуальность приобретает проблема аутентификации и идентификации доказательств. При обновлении информации на интересующих суд сайтах и невозможности установления достоверности сведений на бумажном носителе, доказательствам служат лог-файлы сервера провайдера, содержащие записи о событиях на сайте на определенный момент времени, которые, как правило, не представляются без запроса суда.² Решение проблемы аутентификации электронных документов и направления судебных запросов в будущем учеными видится в применении технологии блок-чейн при условии детальной правовой регламентации.³ В современной правовой действительности отсутствие четких требований к оформлению и представлению в суд электронных документов приводит к хаосу в судебной практике.

Сравнение Интернет – страницы с распечатанной версией, приобщаемой к материалам дела, редко не используется судами общей юрисдикции для непосредственного исследования доказательств по примитивной причине: отсутствию технической возможности. Суды не оснащены в необходимом количестве и качестве ноутбуками с соответствующим программным обеспечением, позволяющим «читать» файлы нестандартных форматов, а также нетекстовые электронные доказательства, судьи не имеют специальных знаний, достаточных для непосредственного исследования таких доказательств на технических устройствах, не имеют доступа в сеть Интернет. В результате к делу относительно безболезненно удастся приобщить электронные доказательства, доступные к прочтению судом, о содержании которых стороны не спорят, либо прото-

¹ См.: Боннер А.Т. Доказательственное значение информации, полученной из Интернета // Закон. 2007. № 12.

² См.: Нахова Е.А. Доказательственное право в гражданском и арбитражном судопроизводстве: общая часть. СПб.: ВВМ, 2012. С. 364–365.

³ См.: Закиров Р.Ф. Использование современных IT-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 211–212.

колы осмотра скриншотов, заверенные нотариально, в порядке обеспечения доказательств. Наличие нотариального протокола осмотра электронной записи у одной из сторон не исчерпывает спор о достоверности доказательств, поскольку вторая сторона может представить электронный документ иного содержания либо ходатайствовать о непосредственном осмотре электронного доказательства, порядок которого не предусмотрен законом. Ради справедливости следует отметить, что отказ суда в удовлетворении заявления об обеспечении доказательств в виде проведения осмотра информационных ресурсов, опубликованных в сети Интернет, может являться основанием для отмены вынесенного решения и направления дела на новое рассмотрение, о чем свидетельствует практика ФАС Московского округа, приведенная А.И. Савельевым в своей работе¹.

Юридическая практика не ограничивается использованием исключительно графических или текстовых электронных записей. Электронные доказательства могут быть нетекстовыми. А.И. Гройсберг указывает, что такие электронные доказательства не облечены в материальную форму, их носители представляют собой файлы различных типов, не привязанных к одному носителю либо существующих на нескольких носителях². Исследование нетекстовых электронных доказательств сопряжено с дополнительными техническими трудностями. Например, доступ к он-лайн ресурсу может осуществляться через пароль либо с помощью технического специалиста. В настоящее время широкое распространение получило представление в суд в качестве доказательства пространственно-временной информации, полученной средствами глобальных навигационных систем (ГЛОНАСС, специализированных программ РЖД типа АСУТ ЮГ, КЛУБ, МСУТ); систем видеofиксации; систем, основанных на принципе радиочастотной идентификации (карты доступа, банковские карты); систем фиксации фактов обращения и персонализации, систем мобильной связи. Программно-технические комплексы предоставляют информацию в графических (схемы, графики, диаграммы, карты местности, изображения о перемещении объекта), аналитических и других формах. Искажение информации, полученной из таких систем, сводится к минимуму, однако оно возможно при проведении перекодирования из одной системы в другую.

Попытка преобразовать данную информацию в письменный вид для представления в суд на бумажном носителе обуславливает многочисленные ограничения принципа непосредственности. При исследовании нетекстовой

¹ См.: Савельев А.И. Электронная коммерция в России без ЭЦП: иллюзия или реальность? // Вестник гражданского права. 2013. № 3. С. 43–88.

² См.: Гройсберг А.И. Электронные доказательства в системе правосудия по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 55–75.

электронной записи в среде ее существования, у суда имеется возможность изучить дополнительную служебную информацию, недоступную для печати. Большие объемы данных сложно воспроизводятся на бумаге стандартного формата, поэтому нередко информация поступает в суд фрагментами на усмотрение представляющей стороны. Это создает почву для недобросовестного поведения стороны в случае желаяния сокрыть какие-либо сведения. Не исключена возможность изменения информации при сохранении ее в другой формат и выводе на печать. При исследовании нетекстовых электронных доказательств возникает проблема вторжения суда в информационное пространство, превышающее пределы доказательственной базы. Так, в Заключительном отчете Европейской комиссии «Исследование по инновационному использованию технологии в области правосудия», датированном сентябрем 2020 года, констатируется следующее. Индивид, против которого собираются и обрабатываются доказательства с использованием методов искусственного интеллекта, может заявлять о нарушении права на справедливое судебное разбирательство в соответствии со статьей 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее ЕКПЧ). В связи с чем, предлагается гарантии ст. 8 и ст. 6 ЕКПЧ объединить в ст. 6 и обеспечить право на справедливое судебное разбирательство путем установления правил и ограничений защита права на неприкосновенность частной жизни в отношении использования искусственного интеллекта в методах сбора доказательств.

Список использованной литературы

Боннер А.Т. Доказательственное значение информации, полученной из Интернета // Закон. – 2007. – № 12.

Брановицкий К.Л., Ренц И.Г., Незнамов А.В., Ярков В.В. Цифровые техно-логии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния // Herald of the Euro-Asian Law Congress. – 2018. – № 2.

Гройсберг А.И. Электронные доказательства в системе правосудия по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 2.

Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. Принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3-4 декабря 2018 года) // URL: <http://https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 20.09.2020).

Закиров Р.Ф. Использование современных IT-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 1.

Нахова Е.А. Доказательственное право в гражданском и арбитражном суде-производстве: общая часть. – СПб.: ВВМ, 2012.

Понкин И.В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в РегТехе, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. – 2020. – Vol. 8. – № 9.

Рожкова М.А. LegalTech и LawTech – что это такое и в чем их значимость для права? [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2020. 14 февраля. URL: https://zakon.ru/blog/2020/02/14/legaltech_i_lawtech_%C2%A0что_ето_такое_i_v_chem_ih_znachimost_dlya_prava(дата обращения: 20.09.2020).

Савельев А.И. Электронная коммерция в России без ЭЦП: иллюзия или реальность? // Вестник гражданского права. – 2013. – № 3.

Синенко В.С. Влияние процесса внедрения «электронного правосудия» на традиционную процессуальную форму // Вестник судейского сообщества Белгородской области. – 2016. – № 5.

Валеев Дамир Хамитович

доктор юридических наук, профессор кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса, заместитель декана Юридического факультета Казанского федерального университета по научной деятельности, главный редактор журнала «Вестник гражданского процесса»

Valeev Damir Khamitovich

Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of Environmental, Labor Law and Civil Procedure, Deputy Dean of the Law Faculty of Kazan Federal University for scientific activities, editor-in-chief of the journal «Herald of Civil Procedure»

Улучшение судебной защиты в условиях цифровой экономики: аналитический подход¹

Improving judicial protection in the digital economy: an analytical approach

Аннотация: Внедрение цифровых технологий приводит к преобразованию многих участков общественных отношений. Процесс отправления правосудия в этом смысле также не может являться исключением и с учетом требованиями современных реалий активно внедряет в свою деятельность информационно-телекоммуникационные технологии. Введение внешних технических инструментариев в отношения, обязательным участником которых является суд требует тщательной проработки сценариев развития процессуальных отношений с точки зрения реализации конституционного права на судебную защиту и доступа к правосудию в новых цифровых реалиях.

Ключевые слова: цифровая экономика; электронное правосудие; сценарный анализ; цифровые технологии; Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях.

Abstract: The introduction of digital technologies leads to the transformation of many areas of public relations. The process of administering justice in this sense also cannot be an exception and, taking into account the requirements of modern realities, is actively introducing information and telecommunication technologies into its activities. The introduction of external technical tools into relations, in which the court is a mandatory participant, requires a careful study of scenarios for the development of

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16147 мк «Электронное правосудие как фактор трансформации процессуальных отраслей права».

procedural relations from the point of view of the implementation of the constitutional right to judicial protection and access to justice in the new digital realities.

Keywords: digital economy; e-justice; scenario analysis; digital technologies; European Charter of Ethics on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and the Realities Around Them.

Сценарный анализ реализации конституционного права на судебную защиту и доступа к правосудию предполагает построение альтернативных прогнозов, которые могли бы с определенной долей вероятности очертить перспективы развития процессуальных отношений, сопряженных с необходимостью использованию цифровых инструментов. Соответственно необходимо определить «точки роста» которые бы сигнализировали о произошедших изменениях в структуре процессуальных отношений, обусловленные влиянием элементов «электронного правосудия» в условиях цифровой экономики. Определение «точек роста» может преследовать несколько целей, если мы строим сценарный анализ с целью определения факторов риска, это одна система координат, которая позволит оценить степень влияния указанных данных на трансформацию процессуальных отношений и выработать процессуальные инструменты управления рисками, способными нивелировать их последствия в процессе осуществления «электронного правосудия», которые в силу наличия технической составляющей всегда будут носить вероятностный характер¹.

Если же мы строим сценарный анализ улучшения уровня судебной защиты в условиях цифровой трансформации с учетом опыта передовых стран², на наш взгляд, следует опираться на принципы, закрепленные в Европейской этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях³ с тем, чтобы выработать точки роста, сигнализирующие об улучшении уровня судебной защиты в условиях цифровой трансформации.

¹ Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. № 3(45). С. 467–489.

² Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Влияние цифровых технологий на реализацию социальных функций государства в контексте обеспечения права на исполнение судебного решения // Российский судья. 2020. № 3. С. 16–21.

³ Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях / Принята на 31-м пленарном заседании Европейской комиссии по эффективности правосудия (Страсбург, 3-4 декабря 2018 года) // Режим доступа: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4>. Проверено 14.04.2020.

Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях выделяет пять принципов использования искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях:

1. Принцип соблюдения основополагающих прав: обеспечить разработку и внедрение инструментов и услуг, основанных на искусственном интеллекте, соответствующих основным правам и не ограничивающим доступ к правосудию и права на справедливое судебное разбирательство.

2. Принцип недискриминации: любая классификация, применяемая в автоматизированных системах, не должна порождать и не усугубляют дискриминацию.

3. Принцип качества и безопасности: в том, что касается обработки судебных решений и данных, необходимо использовать сертифицированные источники и нематериальные данные с применением моделей, разработанных на междисциплинарной основе, в безопасной технологической среде. Машинное обучение должно строиться исключительно на экспертном мнении и опираться на материалы правоприминительной практики, из сертифицированных источников, которые не должны изменяться до момента начала их фактического использования механизмом обучения.

4. Принцип прозрачности, беспристрастности и достоверности: методы обработки данных сделать доступными и понятными, разрешить проведение внешнего аудита. Система должна быть объяснена простым и понятным языком для описания способа достижения результатов.

5. Принцип контроля пользователем: отойти от предписывающего подхода и позволить пользователю выступать в роли информированного лица, ответственного за свой выбор. Специалисты системы правосудия должны в любой момент иметь возможность пересмотра судебных решений и данных, использованных для получения результата, при этом, не обязательно оставаясь связанными ими в свете определенных особенностей данного конкретного дела. При внедрении любой информационной системы, основанной на искусственном интеллекте, должны проводиться программы повышения компьютерной грамотности пользователей и публичные обсуждения с участием специалистов системы правосудия.

Указанные принципы, направленные на достижение положительного и благоприятного результата для участников спорного правоотношения в результате использования цифровых инструментов может быть использован и для построения сценарного анализа улучшения судебной защиты в условиях цифровой трансформации.

Принцип соблюдения основополагающих прав при использовании цифровых инструментов в процессуальных отношениях, открывает новые возможности в реализации конституционного права на судебную защиту в силу своей прозрачности и доступности. К такому инструменту можно отнести сервис предъявления процессуальных документов в электронном виде через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет». Как показывает опыт реализации данного инструмента, в перспективе только планируется увеличение количества обращений в суд в электронном виде. «Количество подаваемых в суды электронных документов ежеквартально возрастает на 30–40 процентов. Так, в 2017 году в федеральные суды общей юрисдикции в электронном виде поступило около 280 тысяч исковых заявлений и иных документов процессуального характера, в 2018 году – почти 700 тысяч, в 2019 году – уже свыше миллиона»¹.

Сценарный анализ показывает снижение оснований для ущемления процессуальных прав участников спорных правоотношений в силу реализации принципа «недискриминации» как показателя динамики улучшения уровня судебной защиты. В настоящее время функционирует цифровой сервис «Модуль распределения дел», который независимо от судьейского усмотрения определяет случайную выборку при распределении дел, поступающих в суд. При этом автоматизированное распределение дел между судьями решается на основе заранее заданных данных: правовая специализация судей; периоды отсутствия судей; количество дел, находящихся на рассмотрении у каждого судьи; количество дел, рассмотренных судьей с начала года; средняя нагрузка судей, текущая загруженность судей; отсутствие судьи (отпуск, болезнь, учеба, участие в иных мероприятиях, исключающих возможность принятия производства по делу); недопустимость повторного участия судьи в рассмотрении дела².

Принцип прозрачности, беспристрастности и достоверности реализуется благодаря цифровым инструментам, которые позволяют также спрогнозировать дальнейшую автоматизацию процессов ознакомления с результатами судебных разбирательств и непосредственную реализацию принципа «цифровой непосредственности». Ранее участники дела могли ознакомиться с информацией о состоянии дела лишь на основе письменных источников, изложенных на бумажном носителе, что ограничивало скорость передачи информации и ее откры-

¹ Участники процессов могут создавать личные кабинеты на сайтах судов // Российская газета – Федеральный выпуск № 89 (8143) от 23 апреля 2020 г. Адрес: <https://rg.ru/2020/04/14/uchastniki-processov-mogut-sozdavat-lichnye-kabinety-na-sajtah-sudov.html>.

² Судебный документооборот и делопроизводство // Официальный сайт ВС РФ. Адрес: https://www.vsrp.ru/about/info/systems/judicial_documents_and_paperwork.

тость как для участников процесса, так и общества в целом, которое также должно иметь возможность внешнего аудита за системой отправления правосудия.

В настоящее время, любой пользователь благодаря ресурсу «судебное делопроизводство» на странице интересующего его суда может ознакомиться с информацией о движении дела, о принятии процессуальных решений судьей. Это приводит к возможности моментального реагирования на действия судьи и как следствие к процессуальной экономии. Важным ресурсом, открывающей доступ к судебной практике является «Банк судебных решений» на портале ГАС «Правосудие» в картотеке которого находится 140 570 051 дел и судебных актов.

Сценарный анализ улучшения уровня судебной защиты в условиях цифровой экономики позволяет заключить, что улучшения в вопросах реализации конституционного права на судебную защиту и доступа к правосудию цифровые инструменты связаны с упрощением вопросов, вытекающих из сферы судебного делопроизводства, которые влияют и на развитие процессуальных отношений. Так, например, все поступившие в суд исковые заявления, административные иски, заявления по делам особого производства, жалобы, представления, протесты, уголовные, гражданские и административные дела, дела об административных правонарушениях после регистрации в ПС ГАС «Правосудие» и формирования в реестре (журнале) входящей корреспонденции распределяются в автоматизированном режиме посредством ПС ГАС «Правосудие» «Модуль распределения дел»¹.

Сценарный анализ улучшения уровня судебной защиты в условиях цифровой экономики² показал развитие отечественной модели использования циф-

¹ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» // Российская газета. № 246 05.11.2004.

² Valeev D.Kh., Nuriev A.G. Digital confidence environment in procedure relationships // Revista Genero & Direito. 2019. Vol. 8. № 6. Pp. 42-49.

Nuriev A.G., Khodzhiev A.R. Procedural guarantees of rights of citizens of the Russian federation in the foreign states // Research Journal of Applied Sciences. 2015. Vol. 10, Is. 12. P. 832–834.

Anas G. Nuriev. Características de la Responsabilidad Civil del Notario // Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores. Año: VI. Número: Edición Especial. Artículo no.:31. Período: Diciembre 2018.

Damir Kh. Valeev, Anas G. Nuriev., Rafael V. Shakirjanov Implementación del derecho constitucional a la protección judicial en los idiomas estatales del sujeto de la Federación Rusa // Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores. – Año: VI. – Número: Edición Especial. – Artículo no.:24. – Período: Diciembre 2018.

ровых инструментов в процессуальной сфере по аналогии с мировым опытом¹. Принципы, закрепленные в Европейской этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях широко применяются в российском процессуальном законодательстве с тем, чтобы использование цифровых инструментов (на этом этапе в первую очередь в сфере судебного делопроизводства) способствовало облегчению доступа к правосудию.

Список использованной литературы

Anas G. Nuriev. Características de la Responsabilidad Civil del Notario // Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores. Año: VI. Número: Edición Especial. Artículo no.:31. Período: Diciembre 2018.

Damir Kh. Valeev, Anas G. Nuriev., Rafael V. Shakirjanov Implementación del derecho constitucional a la protección judicial en los idiomas estatales del sujeto de la Federación Rusa // Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores. Año: VI. Número: Edición Especial. Artículo no.:24. Período: Diciembre 2018.

Nuriev A.G., Khodzhiev A.R, Procedural guarantees of rights of citizens of the Russian federation in the foreign states // Research Journal of Applied Sciences. – 2015. – Vol. 10, Is. 12. – P. 832–834.

Valeev D.Kh., Nuriev A.G. Digital confidence environment in procedure relationships // Revista Genero & Direito. – 2019. – Vol. 8. – № 6. – Pp. 42–49.

Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Влияние цифровых технологий на реализацию социальных функций государства в контексте обеспечения права на исполнение судебного решения // Российский судья. – 2020. – № 3. – С. 16–21.

Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – № 3(45) – С. 467–489.

Зуев Д.С., Марченко А.А., Хасьянов А.Ф. Применение инструментов интеллектуального анализа текстов в юриспруденции // В сборнике: Аналитика и управление данными в областях с интенсивным использованием данных Сборник научных трудов XIX Международной конференции DAMDID / RCDL'2017. Под ред. Л.А. Калиниченко, Я. Манолопулос, Н.А. Скворцова, В.А. Сухомлина. – 2017. – С. 277–281.

¹ Зуев Д.С., Марченко А.А., Хасьянов А.Ф. Применение инструментов интеллектуального анализа текстов в юриспруденции // В сборнике: Аналитика и управление данными в областях с интенсивным использованием данных Сборник научных трудов XIX Международной конференции DAMDID / RCDL'2017. Под ред. Л.А. Калиниченко, Я. Манолопулос, Н.А. Скворцова, В.А. Сухомлина. 2017. С. 277–281.

Волкова Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук, федеральный судья Двенадцатого арбитражного апелляционного суда, доцент кафедры земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии, член научно-методического совета ФАС России, член научно-консультативного совета при ТПП Саратовской области, почетный эксперт в сфере социально-гуманитарных наук Кыргызского национального университета им. Ж.Баласагына

Volkova Tatiana Vladimirovna

Candidate of Legal Sciences, Federal Judge of 12 Arbitral Appellate Court, Associate Professor of the Chair of Land and Ecological Law of Saratov State Law Academy member of scientific-methodological council of Federal Arbitral Court of Russia, member of scientific-consultative council of Chamber of Commerce and Industry of Saratov region, honored expert in the sphere of social-humanitarian sciences of Kyrgyzstan national university named after Zh. Balasagyn

Право на судебную защиту в сфере управления земельными ресурсами и механизм его реализации в гражданском судопроизводстве

Right for judicial defense in the sphere of land resources' management and mechanism of its realization in the civil trial

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь судебной защиты прав участников земельных отношений и управления земельными ресурсами. Исследуется структура права на судебную защиту, состоящая из четырех видов правомочий по аналогии с общей структурой субъективного права. Анализируется специфика судебной защиты применительно к правам участников земельных отношений, заключающаяся в обязательном присутствии публичного интереса. На основе проведенного анализа предлагается авторское определение понятия судебной защиты прав участников земельных отношений, рассматриваются особенности механизма его реализации в гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: судебная защита, право на судебную защиту, права участников земельных отношений, управление земельными ресурсами, механизм управления земельными ресурсами

Abstract: The interrelation of judicial defense of subjects of land relations' rights and management of land resources are searched in the article. The structure of

the right for judicial defense, consisting of four opportunities, similar to the general structure of a subjective right is explored. The specifics of judicial protection according to the subjects of land relations' rights is analyzed that is represented in obligatory presence of a public interest. On the basis of performed analysis the authorial definition of judicial protection of subjects of land relations' rights is done, the peculiarities of the mechanism of its realization in civil trial are searched.

Keywords: judicial defense, right for judicial defense, rights of subjects of land relations, management of land resources, mechanism of land resources' management.

Для защиты нарушенных или оспоренных прав, в том числе и в земельно-правовой сфере, в государстве существует специальный правозащитный механизм. Ведущая роль в данном механизме, безусловно, принадлежит судам, поскольку судебная защита общепризнанно выступает наиболее действенной из всех апробированных практикой форм охраны прав и законных интересов субъектов социальных связей. Уровень судебной защиты в стране является важнейшим показателем правового характера государства и демократичности общества¹.

Судебная защита – это, прежде всего, вид (форма) государственной защиты, поскольку осуществляется она органами одной из трех ветвей государственной власти – судебной. В то же время судебную защиту следует признать разновидностью правовой защиты, поскольку суд при осуществлении возложенных на него функций руководствуется юридическим инструментарием.

Будучи формой государственно-правовой защиты, судебная защита индивидуализируется среди всех прочих следующими признаками:

- 1) она осуществляется специальным субъектом – судом, наделенным для этого судебной юрисдикцией, важнейшим требованием к которому выступает независимость;
- 2) ее объектом выступают права, свободы и законные интересы личности, общества и государства;
- 3) носит универсальный (всеобщий) характер;
- 4) имеет законодательно закрепленную внешнюю и внутреннюю организацию, происходит в строго определенной процессуальной форме;
- 5) характеризуется инстанционностью (стадийностью);
- 6) объективируется (документально оформляется) судебными актами;
- 7) ее результаты обязательны к исполнению.

¹ См.: Попов И.А. Право граждан на судебную защиту: современное состояние и проблемы реализации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 210–214.

Перечисленные признаки судебной защиты, по мнению В.А. Терехина, позволяют говорить о верховенстве данной формы по отношению к остальным элементам государственного правозащитного механизма¹.

Право на судебную защиту выступает одним из важнейших конституционных прав личности, относясь к группе «первого поколения» прав и свобод человека². И если относительно того, что оно является абсолютным, неотчуждаемым и не подлежит никаким ограничениям, разногласий в юридической литературе в целом не возникает, то по поводу содержания и структуры данного права единая позиция среди специалистов не выработана³.

По мнению О.Я. Беляевской, структура права на судебную защиту по аналогии с общей структурой субъективного права представлена совокупностью элементов (правомочий) и включает:

– *право-поведение* – право на обращение в суд (основное правомочие) и право на обжалование не вступивших в законную силу судебных решений (производное правомочие);

– *право-требование* – право на рассмотрение (разрешение) дела судом по существу и вынесение им итогового решения;

– *право-пользование* – право на надлежащее, а именно, полное, качественное и своевременное (уточнение наше – Т.В.) исполнение судебного решения⁴.

При этом главным элементом, «ядром» указанного права называют правомочие (возможность) любого лица на беспрепятственное обращение в суд за защитой своих прав и свобод⁵.

Г.Н. Банников выделяет два элемента (аспекта) права на судебную защиту: материальный, заключающийся в праве на восстановление нарушенных прав, возмещение ущерба, и процессуальный, представленный возможностью обращения в судебные органы, т. е. правом на судебное разбирательство заявленного требования, правом на процесс и на судебное решение⁶. В целом с дан-

¹ См.: Терехин В.А. Право личности на судебную защиту и институт судебной защиты: содержание и соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 8. С. 53.

² См.: Сулейманова К.М. Право на судебную защиту и право на справедливое судебное разбирательство // Юридическая наука. 2017. № 1. С. 114–120.

³ См.: Исаенкова О.В., Демичев А.А. Право на судебную защиту и практические аспекты его реализации // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 12. С. 40–42.

⁴ См.: Беляевская О.Я. Конституционное право человека и гражданина на судебную защиту: понятие, проблемы реализации : дис... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 9.

⁵ См.: Грось Л.А. Акты Конституционного Суда РФ и право на судебную защиту // Российская юстиция. 1998. № 11. С. 4.

⁶ См.: Банников Г.Н. Проблемы реализации прав граждан на судебную защиту в Российской Федерации (общетеоретический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 9.

ной градацией можно согласиться, поскольку она отражает две основные, условно самостоятельные, но в то же время неразрывно связанные друг с другом составляющие права на судебную защиту в любой сфере человеческой жизнедеятельности.

Что касается земельных отношений, то необходимость судебной защиты прав их участников проистекает из особой значимости объекта данных отношений – земли как важнейшего экономического, экологического и социального ресурса государства. При этом особого внимания, по мнению В.В. Устюковой, требует организация надежной системы судебной защиты прав собственников, землевладельцев, землепользователей и арендаторов земельных участков сельскохозяйственного назначения как ресурса повышенной государственной значимости и ценности¹. Однако это ни в коем случае не умаляет важности защиты в судебном порядке прав на земли иных категорий.

Становление судебной защиты прав участников земельных отношений происходило в несколько этапов, на протяжении которых постепенно усложнялся процесс судебной защиты земельных прав, увеличивался объем земельных споров, формировались эффективные способы такой защиты².

Необходимо понимать, что судебная защита прав участников земельных отношений – это не какой-то отдельный способ, это форма защиты, в которой осуществляются различные способы (некоторые способы защиты могут применяться и в досудебном порядке). При этом судебная форма защиты расценивается как наиболее развитая и распространенная в земельных отношениях³.

Механизм реализации права на судебную защиту в сфере управления земельными ресурсами в цивилистическом судопроизводстве в целом соответствует общему порядку рассмотрения исков⁴. Он закреплен в процессуальных нормах, содержащихся в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ. Участником земельных отношений, считающим, что его право нарушено либо оспорено, подается в суд иск, заявление, жалоба, в которых излагаются основные обстоятельства возникшего земельного спора в соответствии с установленной в законодательстве (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ) процедурой. Тем не менее, существуют опреде-

¹ См.: Устюкова В.В. Защита прав на земельные участки сельскохозяйственного назначения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 2 (30). С. 163.

² См.: Мельников Р.О. Исторические этапы развития судебной защиты земельных прав в Российском государстве // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Юриспруденция. 2016. № 2. С. 12–17.

³ См.: Шигонина Л.А., Новохацкая И.П. Соотношение гражданско-правовых и земельно-правовых способов судебной защиты земельных прав // Вопросы российского и международного права. 2016. № 9. С. 250.

⁴ См.: Фролов С.А. Особенности судебного порядка рассмотрения земельных споров // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 10-2. С. 44–47.

ленные особенности рассмотрения и разрешения судами именно данной категории дел, которые будут проанализированы далее.

Так, одной из особенностей реализации рассматриваемого права в гражданском судопроизводстве выступает обязательное наличие публичного интереса. Кратко его можно охарактеризовать как заботу государства об организации рационального и эффективного использования земли и сохранении качества земельных ресурсов на будущее, выступающих в качестве основы благосостояния нации, базиса экономического развития и оплота политической стабильности и сохранения территориальной целостности государства. Ухудшение их качества, в свою очередь, вызывает ответную реакцию государства в виде привлечения виновных к ответственности, в том числе посредством рассмотрения судами дел по деликтным обязательствам, возникающим из земельных и связанных с ними экологических и гражданских, административных правоотношений.

Так, в Решении Арбитражного суда Саратовской области от 2 марта 2017 г. по делу № А57-402/2016 по иску Управления федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Саратовской области к Обществу с ограниченной ответственностью «Д», г. Саратов о взыскании суммы ущерба, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды в результате химического загрязнения земельного участка, занятого производственной площадкой скважины № 13 Карпенского месторождения в Краснокутском районе Саратовской области было установлено, что ООО «Д» допустило загрязнение почвы нефтепродуктами, сульфатами, хлоридами на земельном участке, на котором расположена вышеуказанная скважина, в связи с чем, исковые требования истца были признаны законными, обоснованными и подлежащими удовлетворению в полном объеме. В обоснование своего решения суд указал, в частности, следующее: «Характеристика земли как основы жизни и деятельности людей, проживающих на соответствующей территории, предопределяет требование рационального и эффективного использования, а также охраны земли как важнейшей части природы.

Это требование адресовано ко всем участникам общественных отношений, является базовым для законодательного регулирования в данной сфере и обуславливает право законодателя устанавливать особые правила, порядок, условия пользования землей»¹. Таким образом, принимая решения по данному делу, суд исходил из необходимости защиты озвученного выше публичного ин-

¹ См.: Решение Арбитражного суда Саратовской области от 2 марта 2017 г. по делу № А57-402/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тереса в организации рационального и эффективного использования, а также охраны земли как важнейшей части природы.

Еще одной особенностью механизма реализации права на судебную защиту в сфере управления земельными ресурсами в цивилистическом судопроизводстве выступает использование особого *понятийно-категориального аппарата* и *специальной терминологии*, что неизбежно связано с обращением к нормам технического характера.

Этот факт становится очевидным в ходе анализа судебной практики. Так, в Постановлении Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 04 марта 2020 г. по делу № А57-9482/2019 был использован и термин «снежные «сухие» свалки» («сухие» снегосвалки») со ссылкой на Санитарные правила содержания территории населенных мест, утвержденные постановлением Главного государственного санитарного врача СССР от 05 августа 1988 г. № 4690-88 (Сан-ПиП 42-128-4690-88). «Сухие» снегосвалки не должны располагаться в водоохраных зонах водных объектов населенного пункта. Участок, отведенный под «сухую» снегосвалку, должен иметь твердое покрытие; обваловку по всему периметру, исключаящую попадание талых вод на рельеф; водосборные лотки и систему транспортировки талой воды на локальные очистные сооружения; ограждение по всему периметру; контрольно-пропускной пункт, оборудованный телефонной связью. Их должны эксплуатировать организации, имеющие квалифицированный персонал и необходимую технику для осуществления комплекса работ, связанных с приемом, складированием снега и обслуживанием очистных сооружений¹.

При рассмотрении споров, возникающих из отношений в сфере управления земельными ресурсами, во многих случаях появляется необходимость в специальных знаниях в области геодезии, картографии, градостроительства, государственного кадастра недвижимости и т. д., которыми судьи не обладают. В связи с этим специфической особенностью данной категории дел выступает достаточно частое назначение судебных экспертиз (строительно-технических, экологических землеустроительных и др.).

Экспертное заключение оценивается по правилам ст. 67 ГПК РФ и ст. 71 АПК РФ. Если оно не содержит каких-либо противоречий и у суда не возникает сомнений в его достоверности, заключение признается судом надлежащим доказательством, ответы на поставленные вопросы принимаются в качестве достоверных, и на основе заключения в том числе судом принимается решение по конкретному делу.

¹ См.: Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 04 марта 2020 г. по делу № А57-9482/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, в деле № А57-29601/2015 по иску Администрации Новопушкинского муниципального образования Энгельсского муниципального района Саратовской области к индивидуальному предпринимателю П. О. О. об обязанности осуществить снос за свой счет одноэтажного кирпичного нежилого торгового строения, пристройки на капитальном основании, бетонной площадки заключение судебной экспертизы ООО «Лаборатории Независимой Судебной Экспертизы» от 12 декабря 2016 г. № 16/11-289, содержащее ответы на поставленные судом вопросы, было расценено судом как надлежащее доказательство, которое во многом предопределило отказ в удовлетворении исковых требований¹.

Итак, под *судебной защитой прав в сфере управления земельными ресурсами* понимается деятельность органов судебной власти по пресечению, признанию и восстановлению нарушаемых, нарушенных, оспариваемых субъективных земельных прав участников данных отношений на основе норм конституционного, земельного и гражданского и антимонопольного законодательства предусмотренными законом способами и средствами, в установленном законом порядке путем принятия законного, обоснованного и справедливого решения суда и его исполнение.

Несмотря на многообразие дел по защите прав в сфере управления земельными ресурсами, можно выделить некие общие (основные) особенности механизма их реализации в цивилистическом процессе. Они классифицируются в следующие группы: формально-юридические (касающиеся терминологии и категориального аппарата); организационные (затрагивающие вопросы компетенции и наличия публичного интереса); доказательственные (охватывающие процесс доказывания, использование отдельных средств доказывания и определяющие повышенную потребность обращения к специальным знаниям).

Список использованной литературы

Банников Г.Н. Проблемы реализации прав граждан на судебную защиту в Российской Федерации (общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006. – 230 с.

Беляевская О.Я. Конституционное право человека и гражданина на судебную защиту: понятие, проблемы реализации: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2007. – 199 с.

Грось Л.А. Акты Конституционного Суда РФ и право на судебную защиту // Российская юстиция. – 1998. – № 11. – С. 3–4.

¹ См.: Решение Арбитражного суда Саратовской области от 29 декабря 2016 г. по делу № А57-29601/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Исаенкова О.В., Демичев А.А. Право на судебную защиту и практические аспекты его реализации // Арбитражный и гражданский процесс. – 2006. – № 12. – С. 39–44.

Мельников Р.О. Исторические этапы развития судебной защиты земельных прав в Российском государстве // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Юриспруденция. – 2016. – № 2. – С. 12–17.

Попов И.А. Право граждан на судебную защиту: современное состояние и проблемы реализации // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 10. – С. 210–214.

Сулейманова К.М. Право на судебную защиту и право на справедливое судебное разбирательство // Юридическая наука. – 2017. – № 1. – С. 114–120.

Судебная защита земельных прав граждан России / под ред. Ю.Н. Андреева. – М.: Юнити-Дана, 2010. – 375 с.

Терехин В.А. Право личности на судебную защиту и институт судебной защиты: содержание и соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 8. – С. 52–60.

Устюкова В.В. Защита прав на земельные участки сельскохозяйственного назначения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2017. – № 2 (30). – С. 163–170.

Шигонина Л.А., Новохацкая И.П. Соотношение гражданско-правовых и земельно-правовых способов судебной защиты земельных прав // Вопросы российского и международного права. – 2016. – № 9. – С. 247–257.

Воронцова Ирина Викторовна

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процессуального права Казанского филиала «Российский государственный университет правосудия», профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии

Vorontsova Irina Viktorovna

Doctor of Legal Sciences, Professor of Civil procedural law's department of Kazan branch of Russian state University of justice and Saratov State Law Academy

Направление судебных поручений в свете развития цифровых технологий (международный и иностранный опыт)¹

Sending rogatory letters in the light of the digital technologies development (international and foreign experience)

Аннотация: В статье анализируются современные способы направления судебных поручений. С целью определения наиболее совершенных способов направления судебных поручений в связи с настоящим стремительным развитием электронного правосудия в стране и в мире, изучается опыт иностранных государств и международный опыт, а также анализируются способы, используемые в российском судопроизводстве. В заключении делается вывод о наиболее оптимальном способе направления судебных поручений.

Ключевые слова: судебные поручения, судебные извещения, извещения, цифровизация, электронное правосудие, иностранные суды.

Abstract: The article analyzes modern ways of sending rogatory letters. In order to determine the most perfect ways to sending rogatory letters in connection with the present rapid development of e-justice in the country and in the world, the international experience and the experience of the foreign states are studied, as well as the methods used in Russian legal proceedings are analyzed. Thus, it is made the conclusion about the most optimal way of sending letters rogatory.

Keywords: rogatory letters, judicial summons, summons, digitalization, e-justice, foreign courts.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

В связи с настоящим стремительным развитием электронного правосудия в стране и в мире, перед органами правосудия и государством в целом, стоит задача по принятию оперативных мер для полного перехода на автоматизированные системы с целью улучшения взаимодействия между судебными органами и внутри них, повышения результативности и эффективности, прозрачности. Чтобы в конечном итоге прийти к электронному правосудию, необходимо продумать работу многочисленных элементов в едином полностью автоматизированном механизме.

Одним из таких элементов является институт судебных поручений. Выработывая наиболее совершенные подходы в использовании тех или иных институтов в рамках применения информационных технологий в российском судопроизводстве, необходимо изучить опыт иностранных государств и международного опыта.

Согласно ст. 62 ГПК РФ суд, рассматривающий дело, при необходимости получения доказательств, находящихся в другом городе или районе, поручает соответствующему суду произвести определенные процессуальные действия. Согласно ст. 73 АПК РФ арбитражный суд, рассматривающий дело, в случае невозможности получения доказательств, находящихся на территории другого субъекта Российской Федерации, вправе поручить соответствующему арбитражному суду произвести определенные процессуальные действия.

Выполнение поручений иностранных учреждений юстиции образует основу понятия «правовая помощь».

В процессуальной теории определение понятия «правовая помощь» никогда не было предметом острых дискуссий и, как правило, означает содействие, оказываемое судами и другими учреждениями юстиции одного государства судам и иным учреждениям других государств в связи с рассмотрением гражданских и уголовных дел.¹

Таким образом, суды РФ могут обращаться к иностранным судам с поручениями о выполнении отдельных процессуальных действий (допросе свидетелей, вручении судебных повесток и.д.) и, в свою очередь исполняют поручения иностранных судов. ГПК РФ и АПК РФ не связывает исполнение таких поручений по гражданским делам только с наличием у РФ международного договора на этот счёт с соответствующим государством, т.к. поручения в РФ могут быть исполнены и при отсутствии договора. В Российской Федерации имеется Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 г. «О мерах по выполнению международных договоров СССР о правовой помощи

¹ Процессуальное право. Энциклопедический словарь / под ред. Т.Е. Абовой, П.А. Лупинской, Т.Г. Морщаковой, Н.Г. Салищевой, М.С. Шакарян. М., 2003. С. 373.

по гражданским, семейным и уголовным делам», согласно которому, при поступлении в суд иностранного судебного поручения от государства, не связанного с Российской Федерацией соответствующими обязательствами по международному договору, поручение следует исполнить, кроме случаев указанных в пункте 2 статьи 407 ГПК РФ, где к исключениям относится отказ суда в исполнении, если исполнение поручений может нанести ущерб суверенитету РФ или угрожает безопасности РФ, а также в случае, если исполнение поручения не входит в компетенцию суда. Пункт 2 статьи 256 АПК РФ к основаниям для отказа также относит случай не установления подлинности документа, содержащего поручение о выполнении отдельных процессуальных действий. В других случаях отказ в оказании правовой помощи рассматривается как нарушение начал международной вежливости.

В договорах о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, под правовой помощью, как правило, понимается выполнение процессуальных действий, предусмотренных законодательством запрашиваемой Договаривающейся Стороны. В частности, это допрос сторон, свидетелей, экспертов, проведение экспертиз, судебный осмотр, передача вещественных доказательств, признание и исполнение судебных решений по гражданским делам, вручение и пересылка документов и т. д. В связи с развитием электронных процедур необходимость в судебных поручениях отмечается и в случае требования судьи о представлении оригинала документа направленного в суд в электронном виде, если участник процесса использует свое право на участие в судебном заседании с помощью средств видеоконференц-связи. В такой ситуации совершенно оправданной представляется возможность использовать институт судебных поручений: поручить суду, осуществляющему организацию видеоконференц-связи, сравнить представленный лицом оригинал документа и его копию в электронном виде¹.

В области международного правового регулирования судебных извещений и судебных поручений особую значимость представляют Гаагская конвенция о вручении судебных документов 1965 года и Гаагская конвенция о получении за границей доказательств по гражданским и торговым делам в 1970 года. Однако даты их принятия свидетельствуют о невозможности прогнозирования в то время мощного развития цифровых технологий, которые наблюдаются нами в настоящее время.

В мировой практике выделяют прямой и опосредованный вид процедур обращения к иностранным государствам за правовой помощью. Опосредован-

¹ Рожкова М.А., Глазкова М.Е., Савина М.А. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства: монография / под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015.

ный вид подразумевает, что судебные поручения через центральные органы юстиции, дипломатических, консульских или уполномоченных представителей. Прямой способ передачи судебных поручений предполагает направление судебного поручения судебным органом одного государства непосредственно в судебный орган другого государства. Он оценивается как наиболее современный и мобильный, допускающий использование, в том числе, электронных средств связи. Однако, в настоящее время непосредственное сношение предусмотрено только ст. 5 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, согласно которой при оказании правовой помощи компетентные суды и другие органы государств – участников Содружества Независимых Государств сносятся друг с другом непосредственно. Иные международные договоры с участием РФ судебной практике неизвестны.

Комментируя положения Конвенции, Р.М. Ходыкин отмечает, специальная комиссия рекомендовала принимать запросы о правовой помощи, полученные посредством современных средств связи, например, по электронной почте. Он также отмечает, что многие центральные органы и суды иностранных государств уже начали принимать судебные документы из-за границы, поступившие посредством электронной почты, поэтому в целях ускорения получения доказательства из-за границы можно рекомендовать судебным органам направлять копию судебного поручения по электронной почте с одновременным направлением оригинала по почте или посредством курьерской службы¹.

Однако правовое регулирование с той поры остаётся неизменным. Так, в п. 6.7 Приказа Судебного департамента при Верховном Суде «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» от 29.04.2003 № 36 в ред. от 21.10.2019 содержится только положение о направлении судебных поручений через территориальные органы Министерства юстиции Российской Федерации.

Следует полностью поддержать критическое отношение к сложившейся ситуации К.Л. Брановицкого, который отмечает, что трудно поверить, но в XXI в., эпохе технологического прогресса и искусственного интеллекта, в международном гражданском процессе извещение «по умолчанию» через центральные органы может в зависимости от государства занимать от месяца до полугода².

¹ Ходыкин Р.М. Вопросы применения Гаагской конвенции 1970 года о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам // «Арбитражный и гражданский процесс», 2009, № 1.

² Брановицкий К.Л. Цифровая доступность правосудия: трансграничное измерение // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 6. С. 41.

Действительно, сегодня назрела крайняя необходимость для совершенствования порядка сношений на межгосударственном уровне и соответствующей подготовки более оптимального способа направления судебных поручений в другие государства (например, с помощью средств электронной связи).

Опыт иностранных государств показывает, что для оповещения судом участников процесса, обмена иной информацией и организации системы электронного документооборота используются следующие технические средства:

- электронная почта;
- информационные ресурсы и электронные системы судов, в том числе ресурсы и электронные сервисы, доступ к которым осуществляется с помощью сети «Интернет»;
- служба смс-сообщений¹

Так, ещё начиная с марта 2005 года в Окружном суде США Восточного округа штата Луизиана действует система извещений по электронной почте. Зарегистрировавшись в системе CM/ECF, пользователь тем самым выражает согласие на получение извещений и процессуальных документов по электронной почте. В электронной форме он указывает основной и дополнительный адрес электронной почты и в дальнейшем информация будет направлять по всем указанным им адресам.

В Италии каждый судебный район вправе запустить электронную систему гражданского судопроизводства и оповещения участников процесса, но только в качестве дополнения к традиционному судопроизводству. Это свидетельствует о том, что стороны сами могут выбирать между электронной или «бумажной» процедурой. Но, выбрав электронное гражданское судопроизводство, участники тем самым соглашаются на получение уведомлений и процессуальных документов исключительно в электронном виде, как это сделано в США. Аналогичным образом электронная коммуникация между судом и участниками процесса не является обязательной в Германии. Данная форма выступает лишь дополнением к традиционному порядку¹ судопроизводства.

В то же время в Финляндии, поскольку повестка необязательно должна быть подписана, и в большинстве случаев не требуется отправлять оригинал заявлений, суд может направить извещение по электронной почте, так как отправка файлов давно уже автоматизирована и в системе SANTRA, и в системе TOOMAS. В Южной Корее также сохраняются элементы бумажного документооборота, однако повестки гражданам страны могут быть направлены и при помощи SMS. А в английском гражданском процессе, если сторона сообщает

¹ Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт). М., 2017. С. 87.

адрес электронной почты или номер факса, считается презумпцией, что она будет надлежащим образом уведомлена посредством данных технических средств.

В России есть разные примеры использования технических средств. Так, в российском судопроизводстве система извещений регламентирована в отношении SMS уведомлений. Порядок извещения участников судопроизводства данным способом отражен в Регламенте организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений, утвержденном Приказом Судебного департамента при ВС РФ от 25.12.2013 № 257. Однако, отправка судебного извещения по почте, пусть и по всем правилам, не гарантирует, что оно будет получено, и иногда может лишить возможности принять участие в разбирательстве. Проблема СМС-уведомлений заключается в том, что суд не получает сведений, что извещение действительно получено и именно адресатом¹.

Кроме того, электронные способы уведомления также применяются. Так, согласно ч. 2.1 ст. 113 ГПК РФ органы государственной власти, органы местного самоуправления и иные органы и организации могут извещаться судами лишь посредством размещения соответствующей информации на официальном сайте суда, если они были извещены надлежащим образом о времени и месте первого судебного заседания. Согласно ч. 6 ст. 121 АПК РФ лица, участвующие в деле, после получения определения о принятии искового заявления или заявления к производству и возбуждении производства по делу, а лица, вступившие в дело или привлеченные к участию в деле позднее, и иные участники арбитражного процесса после получения первого судебного акта по рассматриваемому делу самостоятельно предпринимают меры по получению информации о движении дела с использованием любых источников такой информации и любых средств связи.

Практический интерес представляет способ извещений, регламентированный Постановлением Правительства РФ от 29.06.2016 № 606.

в редакции от 20.11.2018 «О порядке направления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей извещения в форме электронного документа, подписанного судебным приставом-исполнителем усиленной квалифицированной электронной подписью, и об использовании федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для подачи ходатайств, объяснений, отводов и жалоб». В данном постановлении установлено, что извещение считается доставленным с момента, когда лицо, участвующее в исполнительном произ-

¹ Шарапова Д.В. Электронная коммуникация между судом и адвокатом: проблемы и перспективы // Адвокатская практика. 2019. № 5. С. 53.

водстве, входило в личный кабинет с использованием единой системы идентификации и аутентификации. Уведомление о факте доставки передается в Федеральную службу судебных приставов для принятия судебным приставом-исполнителем решений по исполнительному производству. Данный способ извещения представляется наиболее оптимальным, так как прохождение идентификации позволяет с большей степенью достоверности убедиться в получении соответствующей информации, адресованной конкретному лицу. Таким образом, наиболее совершенной на сегодняшний день технической возможностью для оповещения судом участников процесса, обмена иной информацией и организации системы электронного документооборота являются информационные ресурсы и электронные системы судов, в том числе ресурсы и электронные сервисы, доступ к которым осуществляется с помощью сети «Интернет».

Представленное позволяет увидеть, что правовое регулирование судебных извещений хаотично как на межгосударственном уровне, так и в отдельно взятых странах. Однако, если в отдельно взятых странах порядок направления судебных поручений все же совершенствуется, то на межгосударственном уровне этот процесс оставляет желать лучшего. Сложившаяся ситуация в современном мире заставляет обратить пристальное внимание на эту проблему, так как извещение участников процесса о судебном разбирательстве является одним из критериев доступности правосудия.

Так, обращает на себя внимание распоряжение Калифорнийского судебного совета, которым было утверждено временное чрезвычайное правило № 12, согласно которому адвокаты должны в электронном виде отправлять и получать уведомления и документы по всем гражданским искам. Правило будет оставаться в силе в течение 90 дней после того, как губернатор объявит об отмене чрезвычайного положения, связанного с пандемией COVID-19, или после внесения изменений или отмены советом. Адвокаты сообщают, что во время случившейся пандемии некоторые стороны отказываются соглашаться на электронный обмен документами и настаивают на обычных почтовых направлениях. Новое временное правило делает его обязательным для представляемых сторон, но только добровольным для самостоятельно представленных тяжущихся сторон. Данным распоряжением установлены и исключения из общего временного правила¹.

Последнее время можно наблюдать стремительное развитие электронного правосудия. Так, появилось множество элементов электронного правосудия, удобных опций и возможностей. Постепенный переход на электронное право-

¹ California Rules of Court, Rule 2.251. Electronic service (Revised September 1, 2020) // URL: https://www.courts.ca.gov/cms/rules/index.cfm?title=two&linkid=rule2_251

судие влияет на все гражданское судопроизводство, его стадии и виды. Не смотря на то, что на пути становления электронного правосудия в Российской Федерации очень многое уже сделано, предстоит сделать ещё очень много.

Список использованной литературы

California Rules of Court, Rule 2.251. Electronic service (Revised September 1, 2020) // URL: https://www.courts.ca.gov/cms/rules/index.cfm?title=two&linkid=rule2_251

Брановицкий К.Л. Цифровая доступность правосудия: трансграничное измерение // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 6. – С. 41.

Процессуальное право. Энциклопедический словарь / под ред. Т.Е. Абовой, П.А. Лупинской, Т.Г. Морщаковой, Н.Г. Салищевой, М.С. Шакарян. – М., 2003. – С. 373.

Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт). – М., 2017. – С. 87.

Рожкова М.А., Глазкова М.Е., Савина М.А. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства: монография / под общ. ред. М.А. Рожковой. – М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015.

Ходыкин Р.М. Вопросы применения Гаагской конвенции 1970 года о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам // «Арбитражный и гражданский процесс», 2009, № 1.

Шарапова Д.В. Электронная коммуникация между судом и адвокатом: проблемы и перспективы // Адвокатская практика. – 2019. – № 5. – С. 53.

Дьяконова Мария Олеговна

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Diakonova Maria Olegovna

Doctor of Legal Sciences, Professor of Civil procedural law's department of Kazan branch of Russian state University of justice and Saratov State Law Academy

Доказывание по спорам, возникающим в сфере Интернет-торговли¹

Proof of disputes arising in the field of Internet commerce

Аннотация: В статье анализируются отдельные проблемы доказывания фактов с использованием доказательств в электронной форме в рамках рассмотрения и разрешения судами споров, возникающих в сфере Интернет-торговли. Автор приходит к выводу, что уязвимым лицам, например, таким как потребителям, должны быть предоставлены дополнительные процессуальные гарантии путем перераспределения бремени доказывания обстоятельств, имеющих значение для дела.

Ключевые слова: гражданский процесс, доказывание, распределение бремени доказывания, электронные доказательства.

Abstract: The article analyzes some problems of proving facts using evidence in electronic form in the framework of consideration and resolution by courts of disputes arising in the field of online Commerce. The author concludes that vulnerable individuals, such as consumers, should be provided with additional procedural guarantees by redistributing the burden of proof of circumstances relevant to the case.

Keywords: civil procedure, proof, apportionment of the burdens, digital evidence.

Резкое увеличение числа сделок, заключаемых в режиме онлайн, обусловило необходимость поиска оптимальных подходов к разрешению возникающих в связи с их исполнением споров.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16023 «Исследование концептуальных основ правового регулирования договорных отношений, возникающих в связи с развитием цифровых технологий (смарт-контракты, электронная торговля)».

Одним из таких механизмов является дистанционное участие в процедурах урегулирования и разрешения споров, позволяющее сократить издержки, неизбежно сопутствующие очному проведению внесудебного или судебного слушания. Осознание преимуществ онлайн-разбирательств, широкий спектр форм и подходов к такому урегулированию, потенциал гибридных процессов, включающих как онлайн, так и оффлайн – элементы, привели к распространению онлайн-медиации и онлайн-арбитража, особенно в сферах трансграничных сделок, сделок, заключаемых в режиме онлайн, потребительских спорах. Кроме того, активное применение цифровых технологий при возникновении и развитии материальных правоотношений обусловило также цифровизацию деятельности по разрешению дел государственными судами, что стало одной из важнейших тенденций развития законодательства, регулирующего порядок отправления правосудия.

Распространение конфликтов из правоотношений, опосредованных электронными технологиями, требует принятия ряда законодательных и организационных мер, направленных на обеспечение разрешения либо урегулирования споров на основе состязательности и равноправия с сохранением возможности электронной коммуникации и использования электронных средств доказывания. Так, 30 января 2019 г. на 1335-м заседании Комитет министров Совета Европы принял Рекомендации по электронным доказательствам в гражданском и административном судопроизводстве¹, включающие практические решения существующих недостатков в законодательстве и правоприменительной практике. Рекомендации призваны облегчить использование электронных доказательств в правовых системах и в судебной практике и минимизировать препятствия на пути эффективного управления электронными доказательствами в рамках судебных систем, например, такие как отсутствие общих стандартов, а также разнообразие и сложность процедур сбора и исследования доказательств.

В российской судебной практике признание электронного взаимодействия участников спора в материальных правоотношениях не является универсальным, поскольку, например, в судебной практике признается надлежащим доказательством исполнения обязательств по оказанию услуг представление в материалы дела скриншотов переписки, подтверждающей направление отчетной документации, если самим договором спорящих сторон была предусмотрена возможность исполнения спорного обязательства направлением отчетных документов в электронной форме². То есть направление писем и прилагаемых

¹ URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680902e0c.

² См., например: Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 5 августа 2014 г. № Ф03-3226/2014 по делу № А73-12821/2013.

к ним отчетов по электронной почте участниками спора друг другу не во всех случаях рассматривается как доказательство надлежащего исполнения спорной обязанности, а при только условии волеизъявления на это сторон.

В связи с этим в процессуальной науке предлагается законодательно закрепить понятие электронного документа как документированной информации, представленной в электронной форме, и легализовать фактически применяемые на практике новые источники информации об обстоятельствах гражданских и арбитражных дел¹. Полагаем, что в связи с наличием особенностей представления, исследования и хранения доказательств в электронной форме, регламентация указанных вопросов в процессуальном законодательстве благоприятно повлияет на реализацию участниками процесса права на обоснование своей позиции по делу.

Как правило, лицо, стремящееся представить какую-либо электронную запись в качестве доказательства, несет бремя доказывания соответствующей подлинности в любом судебном разбирательстве. Такой подход требует корректировки в отношении отдельных категорий субъектов, поскольку некоторые электронные доказательства, такие как размещенная на сайте в личном кабинете информация о заключенном договоре, его условиях и др., могут быть труднодоступны для одной из сторон либо подвергнуты одностороннему изменению/удалению. В связи с этим бремя доказывания должно быть возложено на ту из сторон, для которой легче представить соответствующие доказательства.

Так, дореволюционный ученый Б.В. Попов отмечал, что в случаях невозможности на текущий момент установить тот или иной факт, «следует обратиться к прошлому и взглянуть, не было ли возможности какой-либо из сторон запастись доказательствами своевременно; и за отсутствие заботливости к интересам личным и правосудия суд карает незначительного гражданина, истолковав сомнительный факт против него. Не он ли в самом деле виноват в бессилии правосудия найти правду? В его руках была бы возможность раскрыть истину теперь, если бы он внимательно относился к своим делам тогда»².

Полагаем, что и для современного цивилистического процесса указанная позиция справедлива, поэтому уязвимым лицам, например, таким как потреби-

¹ Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005; Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. Монография. М., 2013. С. 340–544; Нахова Е.А. Проблемы применения электронных доказательств в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве // Закон. 2018. № 4. С. 81–90.

² Попов Б.В. Распределение доказательств между сторонами в гражданском процессе: Учебное пособие. Харьков, типография и литография. М. Зильберберг и С-вья, 1905.

телям, должны быть предоставлены дополнительные процессуальные гарантии путем перераспределения бремени доказывания. В случае заключения договора посредством сети «Интернет» бремя доказывания факта заключения договора, его условий, надлежащего исполнения должно быть возложено на субъекта, имеющего доступ к администрированию соответствующего информационного ресурса, с использованием которого был заключен договор в электронной форме. Такое перераспределение важно, поскольку более уязвимые лица обычно технически и/или экономически не способны представить доказательства, основанные на электронных записях, но, тем не менее, их доступ к правосудию и возможность рассчитывать на надлежащую защиту должны поощряться и обеспечиваться¹.

Список использованной литературы

Electronic Evidence: Model Policy Guidelines & Legislative Texts. Harmonization of ICT Policies, Legislation and Regulatory Procedures in the Caribbean. 2013.

Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. Монография. М., 2013.

Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

Нахова Е.А. Проблемы применения электронных доказательств в гражданском процессе и административном судопроизводстве // Закон. 2018. № 4.

Попов Б.В. Распределение доказательств между сторонами в гражданском процессе: учебное пособие. Харьков, типография и литография М. Зильберберг и С-вья, 1905.

¹ Electronic Evidence: Model Policy Guidelines & Legislative Texts. Harmonization of ICT Policies, Legislation and Regulatory Procedures in the Caribbean. 2013.

Загайнова Светлана Константиновна

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса,
директор Центра медиации Уральского государственного юридического
университета

Иванова Екатерина Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса, аналитик
Центра медиации Уральского государственного юридического университета,
LLM

Соломеина Елизавета Александровна

старший преподаватель кафедры гражданского процесса, ведущий эксперт
Центра медиации Уральского государственного юридического университета

Шереметова Галина Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса,
ведущий эксперт Центра медиации Уральского государственного
юридического университета

Zagainova Svetlana Konstantinovna

Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of Civil Procedure, Director
of the Center for Mediation of the Ural State Law University

Ivanova Ekaterina Alekseevna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Proce-
dure, Analyst of the Center for Mediation of the Ural State Law University, LLM

Solomeina Elizaveta Alexandrovna

Senior Lecturer at the Department of Civil Procedure, Leading Expert of the Center
for Mediation of the Ural State Law University

Sheremetova Galina Sergeevna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Proce-
dure, Leading Expert of the Center for Mediation of the Ural State Law University

**Анализ проекта закона «Об урегулировании споров с участником
посредника (медиации) в Российской Федерации», подготовленного
Министерством юстиции Российской Федерации**

Analysis of the draft law «On the Settlement of Disputes with a Participation of a Conciliator (Mediation) in the Russian Federation», prepared by the Ministry of Justice of the Russian Federation

Аннотация: Авторами статьи был проанализирован проект Федерального закона «Об урегулировании споров с участником посредника (медиации) в Российской Федерации» и рассмотрены вопросы единого правового регулирования различных видов медиации (по гражданским спорам, в рамках ювенальной юстиции, школьной медиации), субъектного состава, соотношения нового проекта и процессуального законодательства, а также другие вопросы, в том числе его соответствие общим тенденциям развития института медиации в России и в мире.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражный процесс, медиация, совершенствование гражданского процессуального законодательства.

Abstract: The authors analyzed the federal draft law «On the Settlement of Disputes with a Participation of a Conciliator (Mediation) in the Russian Federation» and considered the issues of a unified legal regulation of various types of mediation (mediation in civil disputes or within the framework of juvenile justice, school mediation), the composition, the correlation of the draft and procedural legislation, as well as other issues, including the compliance with the general trends in the development of mediation in Russia and in the world.

Keywords: civil procedure, commercial procedure, mediation, development of the civil procedure litigation.

Министерством юстиции РФ разработан проект федерального закона «Об урегулировании споров с участием посредника (медиации) в Российской Федерации»¹.

Среди основных новелл законопроекта можно выделить следующие:

– пересмотр организации деятельности профессионального корпуса медиаторов, изменение процедуры допуска к осуществлению деятельности медиатора, формирование единого реестра медиаторов, усиление контроля со стороны уполномоченных органов государственной власти;

– распространение единого правового регулирования на различные виды медиации, введение обязательной медиации по делам о расторжении брака (при

¹ Текст законопроекта опубликован на сайте «Адвокатской газеты». URL: https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/3a9/Zakon_o_mediatcii_ot_MinYUsta.pdf (дата обращения – 09.10.2020)

наличии детей) и в уголовном судопроизводстве при рассмотрении дел с участием несовершеннолетних.

Многие из предложений, обозначенных в законопроекте, на протяжении многих лет высказывались экспертным сообществом, и их внедрение на практике видится актуальным.

Вместе с тем, имеется ряд принципиальных положений, с которыми трудно согласиться.

Вызывает категорическое возражение идея единого правового регулирования абсолютно различных по природе, технологиям, процедуре таких видов медиации как медиация по правовым спорам, с одной стороны, и медиация в образовательных учреждениях, с другой стороны. В силу специфики этих видов медиативной деятельности, стоящих перед ними различных целей и задач, наступающих последствиях, в том числе правовых, недопустимо включение их в единый предмет правового регулирования. В частности, будут иметь различные правовые последствия медиативные соглашения, заключенные в рамках медиации по правовым спорам, и в рамках школьной медиации. По пути отдельного законодательного закрепления идет регулирование медиации в зарубежных странах, на уровне Европейского Союза и т. д., когда принимаются отдельные акты для регулирования медиации по правовым спорам, и других видов медиации (Нидерланды, Финляндия, Германия, Италия и др.). Новация законодательства о медиации по правилам правового регулирования должна проводиться только в рамках одного предмета регулирования, иначе возникнут непреодолимые сложности в правоприменении. Поэтому следует выделить из предлагаемого законопроекта сферу применения медиации по правовым спорам, продолжить реформирование этого института в рамках Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования правовых споров с участием посредника», а для других видов медиации предусмотреть отдельное правовое регулирование.

Нецелесообразность регулирования разных видов медиации одним законом видится, в том числе, и по причине разного уровня развития этих общественных отношений в современной практике. В отношении медиации по правовым спорам действует Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования правовых споров с участием посредника», которым созданы организационные и правовые основания, сформирована практика применения, осуществляется анализ применения данного закона Верховным Судом РФ. В то же время регулирование и применение медиации в образовательных учреждениях идет своими темпами, в отрыве от медиации по правовым спорам, что абсолютно оправданно по обозначенным выше причинам.

Для медиации по правовым спорам законодатель на протяжении последних лет осуществлял мягкое последовательное развитие законодательства, данный законопроект аннулирует все прежние достижения и вводит новые положения. Такой подход создает объективные сложности, блокирует действие наработанных механизмов, вызывает необходимость создания и внедрения новых алгоритмов работы, что потребует длительного времени и не будет способствовать целям, поставленным в законопроекте.

Кроме того, данный законопроект противоречит современному направлению российской судебной политики, направленной на внедрение и развитие медиации как правового института, назначение которого государство видит, в том числе в снижении судебной нагрузки. Международные стандарты в области доступности судебной защиты предусматривают возможность для участников правовых споров использовать широкий ряд примирительных процедур, в том числе медиации, на разных этапах развития правового спора, в том числе на досудебном этапе с участием представителей.

В последние годы наметилась отчетливая тенденция инициирования медиации по правовым спорам адвокатами. Медиация как вид правовой помощи все чаще применяется представителями адвокатского сообщества, обеспечивая тем самым защиту прав и законных интересов участников правового спора. Адвокаты проходят обучение навыкам переговоров, медиации, успешно совмещают деятельность по проведению медиации и представлению интересов граждан и организаций. Однако данный законопроект не включает адвокатов в число субъектов, оказывающих помощь в проведении процедуры медиации, что представляется неверным.

С точки зрения субъектного состава законопроект предусматривает существование организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации. К ним относятся некоммерческие, негосударственные организации, созданные по инициативе медиаторов в организационно-правовой форме и в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О некоммерческих организациях», включенные в единый федеральный реестр организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, основным видом деятельности которых является деятельность в области права. Исходя из анализа данного положения исключенными из субъектов проведения медиации фактически оказываются государственные вузы, а также торгово-промышленные палаты регионов, несмотря на то, что именно они стояли у истоков развития практики медиации по правовым спорам. В силу высокого уровня доверия населения и бизнес сообщества к авторитету учебных заведений именно юридические вузы и юридические факультеты стали первы-

ми центрами практик медиации. Данный законопроект сделал невозможным участие вузов ни в практической медиации, ни в образовательной деятельности.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о несоответствии указанных положений заявленной цели законопроекта – создание благоприятных условий для развития медиативных практик. Кроме того, в качестве оснований для принятия закона в пояснительной записке к законопроекту декларируется необходимость дальнейшей популяризации и совершенствования медиации, что позволило бы упростить и сделать более доступной защиту прав граждан и организаций, а также снизить нагрузку на судебную систему. К сожалению, отдельные положения законопроекта не позволяют прийти к выводу о возможности достижения поставленных целей. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 1 законопроекта процедура медиации может применяться только в случаях, прямо указанных в законе. Представляется гораздо более эффективно будет использование «общедозволительного» типа правового регулирования, в соответствии с которым «дозволено все, кроме запрещенного законом». Развитие экономических отношений и общества идет достаточно быстрыми темпами, законодательство не всегда успевает меняться вслед за появлением новых отношений (медиация в таких случаях является наиболее уместным в условиях отсутствия специального правового регулирования способом урегулирования спора). Контроль же за заключаемыми медиативными соглашениями при придании им исполнительной силы осуществляют суды и органы нотариата, что является достаточной гарантией от злоупотреблений.

Также следует обратить внимание на ограничение законопроектом возможности применения процедуры медиации по спорам, находящимся в производстве суда только случаями, когда категория споров предполагает заключение мирового соглашения. Нарботанная за предшествующее десятилетие практика применения процедуры медиации в таких случаях показывает, что судом по результатам заключения сторонами медиативного соглашения, могут применяться различные способы завершения процесса, он не ограничен прекращением производства по делу в связи с заключением мирового соглашения. Более того, следует отметить, что предусматривая возможность применения медиации по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений (данные дела разрешаются преимущественно по КАС РФ), авторы законопроекта не учитывают, что при этом КАС РФ не предусматривает возможности заключения мирового соглашения, оговаривая лишь возможность заключения соглашения о примирении. Таким образом, фактически доступ к процедуре медиации по таким делам, будет закрыт.

Говоря о закреплении результатов проведения примирительной процедуры можно было бы рекомендовать авторам законопроекта обратить внимание

на д лящуюся неразрешенность проблемы определения правового значения медиативных соглашений, заключаемых по спорам, вытекающим из трудовых, семейных, административных, публичных и иных правоотношений, так как по-прежнему медиативное соглашение остается в соответствии со ст.20 законопроекта гражданско-правовым договором. В то же время статьи 23, 25, 26, 27 законопроекта призваны установить особенности медиации по отдельным категориям споров, но каких-либо особенностей в них не устанавливается, а фактически повторяется идея ст. 1 относительно возможности применения медиации для разрешения споров, возникающих из тех или иных правоотношений. Следует отметить необходимость содержательного наполнения данных норм.

Устранение указанных противоречий посредством внесения изменений в действующее законодательство невозможно, т. к. эти противоречия сущностные, не стыкующиеся с принципами права, действующими в соответствующих отраслях. В этой связи требуется значительная переработка законопроекта с учетом выявленных противоречий.

Исаенкова Оксана Владимировна

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Isaenkova Oksana Vladimirovna

Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Procedure,
Saratov State Law Academy

О некоторых препятствиях использования технологий удаленного доступа при отправлении правосудия по гражданским делам

On some barriers to the use of remote access technologies in the administration of justice in civil cases

Аннотация: Автор рассматривает в качестве отдельного препятствия для использования технологий удаленного доступа при отправлении правосудия по гражданским делам существующее законодательное регулирование исключений из принципа гласности гражданского судопроизводства. Также затрагиваются проблемы доступности правосудия по гражданским делам и его комфортности.

Ключевые слова: принципы гражданского судопроизводства, гласность судебного разбирательства, доступность правосудия, комфортность правосудия, технологии удаленного доступа к правосудию.

Abstract: The author considers as a separate obstacle to the use of remote access technologies in the administration of justice in civil cases, the existing legislative regulation of exceptions to the principle of publicity of civil proceedings. It also touches upon the problems of accessibility of justice in civil cases and its comfort.

Keywords: principles of civil proceedings, publicity of court proceedings, accessibility of justice, comfort of justice, technologies of remote access to justice.

Решение задач по цифровизации правосудия, стоящих перед судебной системой, возможность упрощения доступа граждан к правосудию посредством использования технологий видеоконференцсвязи, пути совершенствования действующего процессуального законодательства. в том числе установление требований к цифровой среде проведения судебного разбирательства, порядка идентификации участников процесса, порядка удаленного предоставления и исследования доказательств, обеспечение тайны совещания судей – перечисленные проблемы судопроизводства вообще, и гражданского судопроизводства,

в частности, признаны актуальными на самом высоком уровне – сенаторами, членами Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству представителями Верховного Суда Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов РФ, МВД РФ, региональных органов государственной власти, профильных вузов, экспертного сообщества. Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Ирина Рукавишникова на состоявшемся 8 октября 2020 года в Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству «круглом столе» на тему «Использование цифровых технологий удаленного доступа при отправлении правосудия» (автор настоящих тезисов принимала участие в нем в качестве члена экспертно-консультативного совета названного Комитета) справедливо отметила, что если благодаря изменениям в УПК РФ, АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ участники судебных процессов уже могут обращаться в суды с заявлением о своем участии в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи в других судах по месту жительства или нахождения, то в настоящее время ведется законодательная работа, итогом которой должна стать возможность участия граждан в судебном процессе онлайн оттуда, где они находятся на данный момент – в офисе, из дома, в поездке и пр. с использованием личных средств видеоконференц-связи¹.

Полагаем, надо разделить справедливо поднятую на высоком уровне проблему использования цифровых технологий удаленного доступа при отправлении правосудия на две составляющие: что уже сделано для обеспечения удаленного доступа к отправлению правосудия с обязательной оценкой насколько эффективно это получилось и что еще предстоит сделать. Оговоримся, что в данных тезисах будет идти речь исключительно о гражданском судопроизводстве применительно к теме сборника – «Современная кодификация гражданского процессуального законодательства: влияние на правовую систему, юридическую науку и формирование комфортной юрисдикции». Заключительные слова названия прошедшего в г. Казани мероприятия, а именно постановка задачи по формированию комфортной юрисдикции несколько непривычны для восприятия строгих последователей гражданской процессуальной формы, к которой ранее не применялся признак комфортности, но, тем не менее, как представляется, заслуживают внимания правоведов. Пандемия-2020, при которой чуть ли не единственной возможностью обеспечения доступности правосудия после принятия известного Постановления Президиума Верховного Суда Рос-

¹ Рукавишникова И. Технологии удаленного доступа при отправлении правосудия повысят уровень реализации права на судебную защиту // <http://legislation.council.gov.ru/events/news/120218/>

сийской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации от 18 марта 2020 года № 808, приостановившего личный прием граждан судами, стали информационные технологии, позволяющие общение «на расстоянии» (так называемый «удаленный доступ») показала важность перехода от восприятия современных технологий как вспомогательных к их оценке как необходимо-охранительных.

Вместе с тем, все пандемии оканчиваются, и смею надеяться, что уже к выходу настоящей публикации (или немногим позже) все мы станем обладателями группового иммунитета совсем не правового, а медицинского характера. И вот тогда на первый план выйдет вопрос о «комфортности» правосудия, ну или, как аккуратнее заявлено в названии конференции – юрисдикции. Известно, что само понятие «комфорт» происходит от английского comfort, переводимого как уют, удобства, совокупность бытовых удобств. Конечно, термин «уют» в его прямом понимании вряд ли применим к правосудию, но вот то, по крайней мере, доступ к правосудию должен быть удобен, полагаем вполне правильным суждением.

Следует поддержать организаторов конференции и лично профессора Д.Х. Валеева и в его стремлении напомнить всем нам о таком все более отдаляющемся во времени варианте развития цивилистического процессуального законодательства как его кодификация, которая после активного обсуждения Концепции Кодекса гражданского судопроизводства в настоящее время остается без позитивного прохождения оставшихся этапов законотворчества. Напротив, создается впечатление, что современный законодатель выбрал экстенсивный путь развития цивилистического законодательства, через многочисленные изменения в ранее достаточно стабильный ГПК РФ. Так, за последние два с половиной года было тринадцать с половиной федеральных законов о таких изменениях («с половиной» – имея ввиду то, что известный Федеральный Закон от 28 ноября 2018 г. действует в редакции от 17 октября 2019 г.), в то время как, например 2003 г. ознаменован всего одним федеральным законом об изменениях в ГПК РФ, в 2004 и 2005 гг. было принято по два закона, 2006 г. – один и т. п.).

Между тем, ни из одной пояснительных записок к проектам принятых впоследствии законов, вносящих изменения в ГПК РФ, когда таковые записки удавалось найти, не получилось (хотя и очень хотелось) понять, являются ли вносимые изменения окончанием реформирования процессуального законодательства, т. е. когда же это реформирование окончится. Отсутствие былой стабильности цивилистического процессуального законодательства считаем негативными факторами, отрицательно влияющими на доступность, эффективность, и, возможно, даже комфортность правосудия, которая становится одним из критериев оценки соответствия реального положения законодательного ре-

гулирования гражданского судопроизводства идеалам судебной защиты гражданских прав и охраняемых законом интересов.

Достижению таких идеалов должны способствовать все процессуальные нововведения, включая технологии удаленного доступа. Однако здесь имеют место быть установленные процессуальным законом препятствия использования технологий удаленного доступа при отправлении правосудия по гражданским делам. И, как это ни странно звучит, к таким препятствиям следует отнести принцип гласности судебного разбирательства, точнее, установленные законом (как непосредственно гражданским процессуальным, так и иными нормативными актами) исключения из него.

В современной процессуальной теории содержание и наименование данного принципа может варьироваться от гласности до транспарентности, открытости и публичности¹, но существо его остается во многом прежним. Это существо определяется простым тезисом – судебное разбирательство открыто, кроме случаев охраняемой законом тайны. При этом современный период развития технологий добавил в содержание гласности правосудия к существующим (но в недавних условиях необходимости сохранения здоровья населения на время ограниченным) возможностям очного личного присутствия в судебном заседании и знакомства с судебными постановлениями также возможности удаленного доступа к суду через систему ГАС Правосудие и видеоконференцсвязь. При этом если до недавнего времени последние развивались как дополнительные гарантии доступности правосудия, то события весны 2020 года стали знаковыми (если не главными или даже единственными) гарантиями.

Реализация требований гласности оказалось, по нашему мнению, значимо видеоизменным в зависимости от расширения введения технологий удаленного доступа при отправлении правосудия по гражданским делам. Отдельным препятствием такого расширения стала категория «охраняемая законом тайна». Под охраняемой законом тайной, как правило, понимают сведения, незаконное разглашение которых субъектами права, наносят вред или создают угрозу причинения вреда правам и законным интересам граждан, общества и государства и для законами установлены юридическая ответственность за их разглашение, режим конфиденциальности, особые правила охраны, обработки и использования².

¹ См., подробно: Исаенкова О.В., Соловьева Т.В. Хронодискретность публичности в российском гражданском судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 165–171.

² Топоркова С.А. Разглашение охраняемой законом тайны как основание расторжения трудового договора с работником по инициативе работодателя. Дис. ... канд. юр. наук. Спб, 2014. С. 9.

Казалось бы, правовых препятствий для технологий удаленного доступа при отправлении правосудия по гражданским делам здесь быть не может, вопрос должен стоять в плоскости обеспечения высокой степени защищенности каналов судебной связи, т. е. в чисто технической области. Действительно, судьи констатируют отсутствие решения вопроса безопасного доступа к каналам связи, если процесс закрытый¹. Однако законодатель установил и формально-юридическое препятствие к применению цифровых технологий по значительной части гражданского судопроизводства, прямо запрещая использование не только аудиозаписи, но видеоконференцсвязи в п. 6 ст. 10 ГПК РФ, таким образом исключая из закрытых судебных заседаний саму возможность использования любых технологий удаленного доступа. Попробуем разораться, насколько это необходимо, или, наоборот, вредно для правосудия по гражданским делам.

Итак, действующий ГПК РФ закрепляет принцип открытости в ст. 10, раскрывая конституционное положение, установленное в 1 ст. 123 Конституции РФ: «Разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом». Часть 2 статьи 10 ГПК перечисляет изначально всего два подвида тайн, обязательно охраняемых законом: государственную тайну и тайну усыновления (удочерения) ребенка, но при этом оставляя перечень открытым путем использование отсылочной формулировки: «а также по другим делам, если это предусмотрено федеральным законом». Помимо указанных подвигов тайн, которые мы классифицировали как обязательные, указанная норма ст. 10 ГПК РФ допускает исключение из принципа открытости для сохранения еще двух подвигов тайн: коммерческой тайны и тайны (сохранение неприкосновенности) частной жизни граждан. При этом указанные подвиды тайн не являются обязательными, для их применения необходимо, во-первых, иницирующее ходатайство лица, участвующего в деле, которое ссылается на необходимость сохранения тайны второго вида, и, во-вторых, ответное на такую инициативу действие суда по удовлетворению заявленного ходатайства. Помимо двух указанных подвигов тайн, при тех же условиях может быть удовлетворено ходатайство лица, участвующего в деле, по иной охраняемой законом тайны, или даже «иных обстоятельств, гласное обсуждение которых способно помешать правильному разбирательству дела либо повлечь за собой разглашение указанных

¹ Артизанов А.И. Реализация принципа процессуальной экономии в условиях пандемии // Перспективы развития гражданского процессуального права: сборник по материалам IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА (г. Саратов, 3 октября 2020 г.) / под ред. О.В. Исаенковой; – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. С. 36.

тайн или нарушение прав и законных интересов гражданина». Приведенная формулировка относительно «иных обстоятельств» представляется нам весьма широкой, даже необоснованно широкой, принимая во внимание, что ежегодно принимается более 40 нормативных актов по различным «тайнам», оказываемым после вступления в силу этих актов охраняемыми законом тайнами.

Таким образом, целый сонм охраняемых законом тайн, каждая из которых сама по себе становится исключением из принципа гласности, подрывает и сам принцип. Кроме того, ст. 10 ГПК РФ допускает весьма широкое судебское усмотрение в данной области еще и на основе инициативы (ходатайства) любого лица, участвующего в деле.

Полагаем, чтобы не ограничивать возможность удаленного доступа к правосудию по гражданским делам по надуманным предлогам, и вообще использование видеоконференцсвязи, в целях правильной реализации открытости судебного разбирательства, тем более, в условиях всеобщей информатизации правосудия, предлагающей возможность (а, в ближайшее время и необходимость) судебного разбирательства и совершения отдельных процессуальных действий при помощи цифровых технологий, исключить из ст. 10 ГПК РФ момент, касающийся неких «иных» обстоятельств, которые прямо не установлены законом в качестве охраняемой тайны. Кроме того, в идеальном варианте никакая тайна вообще не должна быть препятствием для использования технологий удаленного доступа при отправлении правосудия по гражданским делам, а должна быть защищенной при помощи защиты каналов судебной связи, доступ к которым должен обеспечиваться лишь необходимым субъектам.

Список использованной литературы

Артизанов А.И. Реализация принципа процессуальной экономии в условиях пандемии // Перспективы развития гражданского процессуального права: сборник по материалам IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА (г. Саратов, 3 октября 2020 г.) / под ред. О.В. Исаенковой; – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. С. 33–38.

Исаенкова О.В., Соловьева Т.В. Хронодискретность публичности в российском гражданском судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 3 (43). – С. 165–171.

Рукавишников И. Технологии удаленного доступа при отправлении правосудия повысят уровень реализации права на судебную защиту// <http://legislation.council.gov.ru/events/news/120218/>

Топоркова С.А. Разглашение охраняемой законом тайны как основание расторжения трудового договора с работником по инициативе работодателя. Дис. ... канд. юр. наук. Спб, 2014. – 227 с.

Князькин Сергей Игоревич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского
и административного судопроизводства
Российского государственного университета правосудия

Knyazkin Sergei Igorevich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil and
Administrative Procedure of the Russian State University of Justice

Проблемы руководства судебной практикой в проверочной судебной деятельности в цивилистическом процессе

Problems of the management of judicial practice in verification judicial activity in the civil process

Аннотация: Анализируются формальные, правоприменительные и методологические проблемы руководства судебной практикой в проверочной судебной деятельности в цивилистическом процессе. По результатам исследования делаются выводы о необходимости сочетания в равной мере процессуальных и организационных форм фиксации правовых позиций высшего судебного органа, целесообразности приоритета естественно-правового подхода к правам человека, их судебной защите, отражённой в правовых позициях высшего судебного органа, и связанной с этим рациональности на методологическом уровне раскрытия смысла применимых форм права к заявленным категориям спорных правоотношений.

Ключевые слова. цивилистический процесс, проверочная судебная деятельность, суд надзорной инстанции, руководство судебной практикой, тип правопонимания, формы фиксации правовых позиций.

Abstract: Formal, law enforcement and methodological problems of judicial practice management in the verification of judicial activity in the civil process are analyzed. Based on the results of the study, conclusions are drawn about the need to combine equally procedural and organizational forms of fixing the legal positions of the highest judicial body, the expediency of prioritizing the natural law approach to human rights, their judicial protection reflected in the legal positions of the highest judicial body, and the associated rationality at the methodological level of revealing the meaning of the applicable forms of law to the declared categories of disputed legal relations.

Keywords. civil procedure, verification judicial activity, court of Supervisory instance, management of judicial practice, type of legal understanding, forms of fixing legal positions.

Проблема руководства судебной практикой в проверочной судебной деятельности в цивилистическом процессе имеет формальный, правоприменительный и методологический компоненты.

Формальный аспект проблемы обеспечения единообразия судебной практики состоит в выборе предпочтительных форм фиксации правовых позиции: организационных, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, квартальных обзоров судебной практики, или процессуальной, – постановлений суда надзорной инстанции по конкретным делам. Каждая из форм фиксации правовых позиций обладает своими достоинствами.

Основным достоинством процессуальной формы фиксации правовых позиций и руководства судебной практикой является выработка правовых положений в условиях конкретных фактических обстоятельств спора, при которых понимается контекст правовой позиции. Но преимущество постановлений суда надзорной инстанции действует при их достаточной аналитической глубине. Сейчас постановления суда надзорной инстанции носят преимущественно описательный характер, не изобилуют аналитическим толкованием применимых норм права. Это наблюдается по многим причинам, одной из которых является сохраняющаяся востребованность суда надзорной инстанции в исправлении существенных судебных ошибок, а не обеспечения единообразной судебной практики.

Преимуществом организационных форм фиксации правовых позиций является стремление Верховного Суда Российской Федерации придать универсальный характер содержащимся в них разъяснениям. Кроме того, формирование таких разъяснений происходит на основе профессиональной постановки проблем от нижестоящих судов. В то же время, чрезмерно абстрактный характер конкретизирующих положений не позволяет в достаточной мере обеспечить пресловутое единство судебной практики. По этой причине требуется сочетание организационных и процессуальных средств выполнения аналитической функции с приоритетом последних.

Правоприменительная проблема руководства судебной практикой предопределяется подходом к пониманию права, которого придерживаются суды во главе с высшим судебным органом. Характерным признаком отечественной правовой действительности является преобладание позитивистского подхода к праву, рассматривающего право исключительно в формальной плоскости: либо только через законы, либо, наряду с законами, через формы национального

и международного права¹. Такой подход преобладает ещё с дореволюционных времён. Фактически правом признаётся лишь то, что имеет формальный характер. Обобщения судебной практики в том числе, в форме правовых позиций высших судов, представители позитивизма относят к неправовым явлениям. Но, следует заметить, что используемые в современный период постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и производные от них квартальные обзоры судебной практики появились именно в советский период, когда идеология не допускала объективное отставание социалистического законодательства от развития общественных отношений.

Это обстоятельство является косвенным признанием востребованности правоконкретизирующей роли высшего суда даже в условиях мощной идеологической установки о самодостаточности и совершенстве советского законодательства.

Руководство судебной практикой с позиции естественно-правового подхода к праву означает раскрытие смысла применяемых положений законодательства и иных форм права к заявленным спорным правоотношениям. Речь идёт не только о целесообразности раскрыть смысл, который закладывался законодателем, поскольку даже законодательное понимание наиболее целесообразного регулирования правоотношений, проходя через призму судебного правоприменения, может обретать совсем иную окраску, и далеко не всегда способствовать судебной защите прав и свобод. Раскрытие смысла законоположений, их природы требуется с позиции наиболее эффективной защиты нарушенных прав в рамках однородных споров. Требуется толкование применимых норм права с позиции верховенства отечественной Конституции и Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которые исходят из неотъемлемости, неотчуждаемости прав и свобод человека.

Не может быть неоправданного расширительного толкования законов и подзаконных актов судом надзорной инстанции в постановлениях Президиума и Верховным Судом Российской Федерации в квартальных обзорах и постановлениях Пленума, поскольку Суд пытается конкретизировать тот смысл, который был заложен законодателем, но по объективным причинам не смог раскрыть в полном объёме.

Нарушения принципа разделения властей и подмены судебной властью законодательной, на который обращают внимание представители позитивистской школы права², не будет по многим причинам. Во-первых, речь идёт не

¹ Бачинин В.А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья // Государство и право. 2001. № 5. С. 14–20; Шершеневич Г.Ф. О чувстве законности // СПС «Гарант»; Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 1999. 429 с.

² См., например: Барбер Н. Разделение властей и Конституция Великобритании // Право. 2012. № 1. С. 3–17.

о расширительном толковании, а хотя бы о буквальном, адекватном конкретному спору или группе однородных споров. Во-вторых, суд надзорной инстанции не творит право, поскольку рассматривает дело на предмет доводов надзорной жалобы, поэтому его выводы о правовой квалификации спора и надлежащем толковании норм права применимы именно к данному спору. Выявляется содержание прав человека в конкретных условиях и при конкретных доводах участников процесса. Иными словами, деятельность по руководству судебной практикой судом надзорной инстанции и высшим отечественным судебным органом в целом должна сопровождаться решением проблемы о том, какое толкование закону надлежит дать для восстановления и защиты нарушенного права.

Потребность конкретизировать применимые положения нормативных правовых актов может поступать не только от участвующих в деле лиц по делам, дошедшим до надзорной инстанции. Вопросы о толковании и применении законов, подзаконных актов, иных форм права, поступающие от судов, получают ответы в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и квартальных обзорах судебной практики. В обоих случаях естественно-правовой подход к правам человека и их судебной защите предполагает дачу разъяснений через непосредственное применение Конституции и Европейской Конвенции. Оно требуется в случае отсутствия иных применимых форм права или их наличия, но невозможности применения ввиду их неспособности содействовать защите нарушенных прав. Непосредственное применение Верховным Судом актов высшей юридической силы востребовано ещё и по той субъективной причине, что часто суды первой инстанции в силу преобладающего позитивного подхода к праву самостоятельно на это не решаются. Тем более, эта работа требует выполнения в целях обеспечения единообразия судебной практики в её конституционно-правовом понимании.

Верховный Суд не присваивает полномочие Конституционного Суда Российской Федерации по проверке конституционности применяемых в конкретном деле нормативных актов. Он лишь непосредственно применяет Конституцию, истолковывая её сообразно заявленному спору или поставленной правоприменительной проблеме. Такой подход представляется менее растянутым во времени и эффективным с точки зрения судебной защиты, чем обращение суда, разрешающего спор, в Конституционный Суд с заявлением о проверке конституционности применяемого в конкретном споре закона.

Из проблемы правопонимания в деятельности по руководству судебной практикой следует её методологический аспект. Он заключается в способе формирования правовых позиций. И постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации в качестве суда надзорной инстанции, и постанов-

ления Пленума, и обзоры судебной практики, давая ответ на вопрос о надлежащем толковании судами норм права, содержат односложный ответ, без объяснения причин того, почему был выбран именно такой ответ. В лучшем случае даётся минимальное обоснование выбранного варианта разъяснений. Позитивистский подход допускает цитирование высшим судом законоположений без их анализа на предмет связи с обстоятельствами конкретного спора. Такой метод недостаточно эффективен, поскольку при возникновении не таких же, но аналогичных споров, потребуются новые разъяснения. Гораздо лучше раскрыть природу конкретизирующих положений законов, подзаконных актов, придав разъяснениям универсальный характер.

Естественно-правовой подход, предполагает установление прямой связи между применимыми положениями законодательства и фактическими обстоятельствами дела. Суд объясняет, как конкретно такое толкование содействует защите и восстановлению прав и свобод. Особенно недостаёт наличия такой причинно-следственной связи в практике суда надзорной инстанции, даже по тем единичным делам, рассматриваемым Президиумом Верховного Суда Российской Федерации. Такие недостатки имели место и в практике прежнего Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Избыточное цитирование положений законодательства не всегда приводит к искомому результату. Поэтому требуется достижение необходимой глубины аналитической деятельности высшей судебной инстанции.

Список использованной литературы

Барбер Н. Разделение властей и Конституция Великобритании // Право. – 2012. – № 1.

Бачинин В.А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реальность // Государство и право. – 2001. – № 5.

Черданцев А.Ф. Теория государства и права. – М., 1999. – 429 с.

Шершеневич Г.Ф. О чувстве законности. Публичная лекция, читанная 10 марта 1897 года // СПС «Гарант.

Кузнецова Ольга Анатольевна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Пермский институт ФСИН России

Kuznetsova Olga Anatolyevna

Doctor of Legal Sciences, Professor of the Business Law, Civil and Arbitration
Proceedings Department, Perm State University, Professor of the Civil Law
Disciplines Department, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Услуги pro bono в системе бесплатной юридической помощи

Pro bono services in the system of legal aid

Аннотация: В статье рассматривается место юридических услуг pro bono в системе бесплатной юридической помощи в РФ. Сделан вывод о том, что такие услуги принципиально отличаются как от работы юридических клиник, так и от субсидируемой государством бесплатной юридической помощи. Юридические услуги pro bono следует отличать и от благотворительной деятельности и от бесплатных услуг в сфере юридического образования. На нормативно-правовом уровне эти услуги в систему бесплатной юридической помощи не включены.

Ключевые слова: юридические услуги, pro bono; бесплатная юридическая помощь, юридические клиники, субсидируемая бесплатная юридическая помощь.

Abstract: The article examines the place of pro bono legal services in the system of legal aid in the Russian Federation. A conclusion is made that such services are fundamentally different from both the legal clinics functioning and government-subsidized legal aid. Pro bono legal services should be distinguished from charitable activities and from free legal education services. At the regulatory level, these services are not included into legal aid system.

Keywords: legal services, pro bono, legal aid, legal clinics, subsidized legal aid.

В переводе с латинского «pro bono» означает «ради общественного блага». Несмотря на оказание различных услуг в разных сферах на условиях pro bono, зародился этот механизм именно в области оказания юридических услуг.

В Декларации принципов pro bono ИВА 2008 г. сформулировано определение понятия «оказание юридической помощи на основе pro bono», под которым следует понимать «оказание юридической помощи с тем же уровнем качества, который предоставляется коммерческим клиентам, без вознаграждения или ожидания вознаграждения, и в связи с поддержкой малообеспеченных, уязвимых и оказавшихся на обочине жизни общества слоев населения, а также сообществ и организаций, предоставляющих им поддержку»¹.

Юридические услуги pro bono входят в систему бесплатной юридической помощи, однако обладают принципиальными отличиями от других видов такой помощи. Прежде всего – это услуги, которые оказываются коммерческими юристами или юридическими компаниями бесплатно для клиента на таких же стандартах качества, как и для «платного» клиента.

На условиях pro bono может оказываться весь комплекс юридических услуг: от устного консультирования до подготовки юридических документов и представительства в правоприменительных органах и других организациях. Например, В США в такие услуги входит и оказание услуг юристами медиаторов: «В Нью-Йорке более чем 2 800 юристов являются арбитрами судов мелких исков. Таким способом разрешается более 95% дел данной категории. Работа арбитра является бесплатной (так называемой pro-bono), однако почетной и уважаемой. Зачастую такая благотворительная помощь поощряется бонусами со стороны самих юридических компаний, юристы которых являются арбитрами»².

Очень важно разграничивать бесплатную юридическую помощь на условиях pro bono, деятельность юридических клиник и систему субсидируемой бесплатной юридической помощи.

В научной литературе отмечается, что между этими видами бесплатной юридической помощи много общего: «Каждое из трех обозначенных явлений имеет *общие причины возникновения*: неудовлетворенный спрос на качественные юридические услуги, их недоступность для малоимущих граждан или граждан, оказавшихся в критических ситуациях, разница между спросом и предложением по причине недостатка специалистов требуемой квалификации и (или) профиля подготовки в периоды радикального преобразования правовой системы либо потоковой транснациональной миграции. Поэтому их роднит

¹ ИВА – МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ: Резолюции, принципы, стандарты, заявления и иные документы / Составитель и научный редактор А.И. Муранов. М.: ИД «Юридический бизнес», 2008. С. 203–207.

² Папулова З.А. Медиация и арбитраж как часть современной практической юриспруденции в США (на примере суда по гражданским делам района Манхэттен, г. Нью-Йорк) // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 10. С. 50.

специально ориентированный характер работы»¹. Однако это не так. Фактически единственный признак, который их объединяет, – это безвозмездность услуги для клиента. И вряд ли их роднит «социально ориентированный характер работы». Главная цель работы студента-юриста к клинике заключается не в работе «ради общественного блага», а в получении знаний, навыков, опыта. То, что малоимущие граждане получают в клинике бесплатную помощь, – это важная, но скорее факультативная сторона клинической деятельности.

В РФ действует закон «О бесплатной юридической помощи»², в соответствии с которым действует две системы такой помощи: *государственная*, в ней такую помощь оказывают федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения; органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственные им учреждения; органы управления государственных внебюджетных фондов; государственные юридические бюро (адвокаты, нотариусы и другие субъекты, оказывающие бесплатную юридическую помощь, могут наделяться правом участвовать в государственной системе бесплатной юридической помощи в законодательном порядке) и *негосударственная*, к которой относятся юридические клиники (студенческие консультативные бюро, студенческие юридические бюро и другие) и негосударственные центры бесплатной юридической помощи (ст. 15, 22).

Однако важно понимать, что указанный закон предусматривает финансирование мероприятий и расходов, связанных с оказанием бесплатной юридической помощи (ст. 29 закона). Для юриста такие услуги не безвозмездны.

Юрист госюрбюро – это наёмный работник, получающий вознаграждение не от клиента, а от государства. Для государства госюрбюро – это социально ориентированный проект, но для сотрудников бюро – это оплачиваемая работа и она социально ориентирована в такой же степени, как работа любого юриста. Юридические услуги *pro bono* безвозмездны не только для клиента, но и для их оказывающего профессионального юриста. Только в этом случае мы можем говорить, что они оказываются «в общественных благах».

Фактически действующий сегодня закон «О бесплатной юридической помощи» не охватывает услуги *pro bono*.

Программы *pro bono* отграничиваются от субсидируемой бесплатной юридической помощи и в других странах: «В частности, в США действуют юридические службы, финансируемые из бюджета, программа *Pro bono*, в рам-

¹ Доброхотова Е.Н. Юридические клиники и деятельность *pro bono*. Их отношение к системе бесплатной юридической помощи // Закон. 2012. № 11. С. 62.

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6725.

ках которой юристы-добровольцы бесплатно оказывают юридическую помощь, бонусная программа по предоставлению юристами-добровольцами коротких on line ответов. В отдельных штатах действуют и иные ресурсы»¹.

Механизм pro bono используется и в сфере юридического образования, когда состоявшиеся юристы-практики обучают студентов профессиональным навыкам и умениям в рамках семинаров, круглых столов, деловых игр (игровые судебные процессы, игровое консультирование и т. п.). По этому вопросу в журнале «Закон» была опубликована интересная статья «Pro bono в юридическом образовании в России»², однако её помещение в раздел «Тема номера: «Pro bono. Бесплатная юридическая помощь» требует определенных оговорок. В ней идет речь не о юридических услугах (помощи) pro bono, а об определенных образовательных «услугах» pro bono, оказываемых студентам-юристам. Услуги pro bono в сфере образования могут оказываться не только студентам юридических вузов, но и другим социальным группам, и, конечно, они могут оказываться не только в сфере юридического образования.

Pro bono следует отличать и от благотворительной деятельности, которую ведут юридические компании, в том числе и в сфере юридического образования. Так, к pro bono относят следующую ситуацию: «...в сотрудничестве с университетами адвокатские ассоциации и НКО поддерживают работу юридических клиник, где студенты бесплатно оказывают помощь малоимущим»³. Финансирование юридических клиник – не то же самое, что оказание квалифицированных юридических услуг профессиональными юристами ради интересов общества бесплатно.

В сферу юридических услуг pro bono также нельзя включать работу общественных помощников прокуратуры, адвокатов, депутатов. Хотя они работают и на безвозмездной основе, они не оказывают высокопрофессиональных юридических услуг в пользу социально незащищенных слоев общества.

Безусловно, юридические услуги pro bono можно понимать в широком смысле (только по критерию бесплатности для клиента) и понимать под этим термином любую бесплатную юридическую помощь. Однако для активного внедрения механизма pro bono в российскую юридическую практику необхо-

¹ Сиземова О.Б., Пчелкин А.В., Мамаков А.М. Сравнительный анализ законодательства о банкротстве физических лиц России и США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 5. С. 85.

² Сергеева И.Д., Исаева М.А. Pro bono в юридическом образовании в России // Закон. 2012. № 11. С. 79–86.

³ Шепелева О.С. Юридическое образование и подготовка юристов: что может подсказать зарубежный опыт? // Закон. 2019. № 9. С. 70.

димо рассматривать его в качестве самостоятельного явления в системе бесплатной юридической помощи, в том числе на нормативно-правовом уровне.

Список использованной литературы

ИВА – МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ: Резолюции, принципы, стандарты, заявления и иные документы / Составитель и научный редактор А.И. Муранов. М.: ИД «Юридический бизнес», 2008. – С. 203–207.

Доброхотова Е.Н. Юридические клиники и деятельность pro bono. Их отношение к системе бесплатной юридической помощи // Закон. – 2012. – № 11. – С. 55–62.

Папулова З.А. Медиация и арбитраж как часть современной практической юриспруденции в США (на примере суда по гражданским делам района Манхэттен, г. Нью-Йорк) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 10. – С. 48–51.

Сергеева И.Д., Исаева М.А. Pro bono в юридическом образовании в России // Закон. – 2012. – № 11. – С. 79–86.

Сизимова О.Б., Пчелкин А.В., Мамаков А.М. Сравнительный анализ законодательства о банкротстве физических лиц России и США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – №. 5. – С. 80–87.

Шепелева О.С. Юридическое образование и подготовка юристов: что может подсказать зарубежный опыт? // Закон. – 2019. – № 9. – С. 65–74.

Курочкин Сергей Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета

Kurochkin Sergey Anatolievich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory
of State and Law, Ural State Law University

Кодификация гражданского процессуального законодательства как средство повышения эффективности его действия

Codification of procedural legislation as a means of increasing its effectiveness

Аннотация: Изменения второй половины XX века поставили на повестку дня проблемы эффективности судебной защиты прав и свобод. В значительной мере они производны от эффективности гражданского и арбитражного процессуального права. Является ли кодификация средством обеспечения эффективности гражданского процессуального права, повышения результативности и экономичности его действия? В статье предложен ответ на этот вопрос.

Ключевые слова: кодификация, оптимизация, процессуальное право, правовые нормы, эффективность, систематизация.

Abstract: Changes in the second half of the 20th century put on the agenda the problem of the effectiveness of judicial protection of rights and freedoms. To a large extent, they are derived from the effectiveness of civil and arbitration procedural law. Is codification a means of ensuring the effectiveness of civil procedural law, increasing the effectiveness and efficiency of its operation? The article offers an answer to this question.

Keywords: codification, optimization, procedural law, legal norms, efficiency, systematization.

Эффективность гражданского судопроизводства как вида юридической деятельности в значительной мере определяется эффективностью норм гражданского и арбитражного процессуального права, результативностью и экономичностью правового воздействия на общественные отношения, возникающие в связи с рассмотрением и разрешением гражданских дел судами и арбитражными судами. В наиболее общем виде эффективность характеризует соотношение поставленной цели и достигнутых результатов. В науке эффективность норм права традиционно понимается как соотношение между фактическим ре-

результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты¹. Не менее важным аспектом эффективности является экономичность – достижение результата с минимальными издержками. Может ли кодификация рассматриваться как средство обеспечения эффективности гражданского процессуального права, повышения результативности и экономичности его действия?

Кодификация – это одна из форм систематизации правовых предписаний. Как известно, предметом регулирования гражданского процессуального права выступает гражданский процесс. По оценке И.В. Решетниковой, гражданский процесс – это урегулированная гражданским процессуальным правом совокупность процессуальных действий и гражданско-процессуальных правоотношений, складывающихся между судом и другими субъектами при рассмотрении и разрешении гражданского дела судом общей юрисдикции². При этом гражданский процесс – это не просто совокупность, это гармоничная система процессуальных действий и процессуальных правоотношений. Системный характер предмета регулирования определяет системность процессуального права, которая обеспечивается в процессе правотворчества. В этом смысле кодификация может рассматриваться как способ реализации и отражения в процессуальном праве системности гражданского процесса.

Эффективность отдельных правовых предписаний как свойство проявляется только в системе с другими нормами. Зачастую результат действия конкретной нормы может быть установлен только путем условного вычленения из общего эффекта действия совокупности таких норм. Как отмечается в литературе, эффективность различных правовых комплексов – свойство действия не конкретных норм, а их систем³. Эффективность норм гражданского процессуального права – это свойство всей системы его норм, реализация которых обеспечивает достижение целей гражданского судопроизводства. Важным следствием становится тезис о том, что эффективность комплекса процессуальных норм – свойство действия не отдельных норм, а их оптимальным образом сконфигурированных систем. Оптимизация системы норм процессуального права – это не только перспективное направление повышения его эффективности, но и цель возможной кодификационной работы.

В ходе анализа эффективности процессуального права не стоит как переоценивать, так и недооценивать влияние правовых норм на общественные от-

¹ См. например: Глазырин В.В., Никитинский В.И. Эффективность правоприменительных актов // Советское государство и право. 1984. № 2. С. 11 и др.

² Решетникова И.В. Современное процессуальное право: унификация или дифференциация? // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 36.

³ Эффективность правовых норм / Кудрявцев В.Н. и др. М., 1980. С. 22.

ношения. В доктрине отмечается, что правовое воздействие как сложный многоэлементный комплекс правовых и социальных явлений, в динамике обеспечивающих упорядоченность социальных связей субъектов, достигается за счет синергии взаимодействия элементов такого воздействия. Каждый из элементов правового воздействия, сам по себе, будучи «вырванным» из общей совокупности элементов, не способен с должной эффективностью обеспечить правомерное поведение¹. Упомянутая синергия обеспечивается в том числе и гармоничным сочетанием правовых предписаний. Именно кодификация, на наш взгляд, гармонизирует гражданское процессуальное законодательство, создает условия для соединения вклада каждого правового предписания в общий эффект правового воздействия.

Условием эффективного действия объединенных в систему предписаний гражданского и арбитражного процессуального права является оптимальное соотношение в такой системе императивных и диспозитивных норм, отражающих избранный метод правового регулирования. Именно метод правового регулирования играет определяющую роль в обеспечении эффективности правового воздействия. И.В. Решетникова подчеркивает, что метод выступает отраслеобразующим признаком наравне с предметом правового регулирования и принципами права, специфика метода правового регулирования диктует правила, которые будут заложены в судопроизводство². Синхронизация приемов и способов правового регулирования отношений, возникающих в связи с рассмотрением и разрешением дел судами, является важной задачей кодификационной работы. Нередко изменения в процессуальные кодексы вносятся при принятии новых законов, регулирующих материальные правоотношения, либо процессуальные нормы, по меткому выражению Д.Б. Абушенко, «вкрапливаются в материальную правовую ткань». В таких случаях, на наш взгляд, важно добиться соответствия избранного метода правового регулирования группы общественных отношений общему методу регулирования гражданского и арбитражного процессуального права. Рассинхронизация методов, приемов и способов правового воздействия существенно снижает эффективность действия правовых норм. Добиться решения этой задачи можно именно путем кодификации гражданского и арбитражного процессуального права. Анализ эффективности возможных приемов и способов правового регулирования отношений, возникающих в связи с рассмотрением в суде гражданских дел, убеждает в целесообразности

¹ Берг Л.Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика. Автореферат дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 22.

² Решетникова И.В. Метод гражданского и арбитражного процессуального права // в сб. Кодификация российского частного права 2019 / под ред. Д.А. Медведева. М., 2019. С. 483.

ности расширения доли диспозитивных норм, стимулирующих участвующих в деле лиц к совместной выработке эффективных компромиссных решений.

В науке эффективность законодательства нередко связывается с его структурой и функциями. Так, по оценке И.А.Зенина, «эффективность воздействия законодательства на прогресс науки и техники тем выше, чем полнее оно упорядочено в соответствии с его структурой и функциями»¹. Этот вывод справедлив и для гражданского процессуального права. Можно с уверенностью утверждать, что процессуальное законодательство эффективнее воздействует на гражданское судопроизводство тогда, когда процессуальные нормы упорядочены в соответствии со структурой и функциями такого законодательства. Именно кодификация способна, на наш взгляд, обеспечить необходимый уровень упорядоченности и системности.

По оценке теоретиков права систематизация законодательства необходима, во-первых, для его дальнейшего развития, во-вторых, нужна как эффективное средство расчистки накопившихся массивов нормативных актов, ревизии действующей правовой системы. В-третьих, она обеспечивает удобства при реализации норм права, и наконец, в-четвертых, систематизация является предпосылкой целенаправленного и эффективного правового просвещения, воспитания, научных исследований, обучения студентов.² Динамично меняющиеся общественные отношения формируют потребность в развитии процессуального права, обновлении законодательного массива, ревизии процессуальных механизмов и алгоритмов. Гражданское и арбитражное процессуальное право должно становиться не просто действенным, но также и понятным, удобным, доступным для восприятия лицам, вовлеченным в процессуальную сферу. Системное изложение, гармоничность и непротиворечивость играют в этом немаловажную роль.

Систематизация процессуального законодательства во всех ее формах должна обеспечивать реализацию принципов и гарантий процессуальной деятельности. Как отмечено Л.Н. Берг, в эффективном осуществлении правового воздействия через регламентацию большую роль играют принципы и гарантии осуществления процессуальной стороны юридической деятельности. Это такие базовые положения, которые напрямую влияют на оптимальность и эффективность каждого из видов процессуальных режимов³. Судоустройственные и су-

¹ Зенин И.А. Структура, функции и условия эффективности гражданского законодательства в области научно-технического прогресса. Дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1980. С. 73.

² См. подробнее: Общая теория государства и права / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2010. Т. 2. С. 622 (автор раздела – Пиголкин А.С.)

³ Берг Л.Н. Правовое воздействие и синергия: информационный подход // Механизм правового регулирования: история и современность. V Алексеевские чтения / отв. ред. В.Д. Перевалов. Екатеринбург, 2019. Часть 1. С. 60.

допроизводственные принципы процесса, процессуальные гарантии – вот те ориентиры, которые непременно должны находиться в поле зрения ученых и практиков, задействованных в работе по кодификации гражданского и арбитражного процессуального законодательства.

Как известно, «кодификация законодательства – это форма коренной переработки действующих нормативных актов в определенной сфере отношений, способ качественного упорядочения законодательства, обеспечения его согласованности и компактности, а также расчистки нормативного массива, освобождения от устаревших, не оправдавших себя норм»¹. Процессуальное законодательство в целом стабильно и довольно редко нуждается в коренной переработке. При этом принятие различных «заплаток» к процессуальным кодексам, новых блоков правовых норм, необходимых для реализации мероприятий судебной реформы, требует усилий законодателя по упорядочению нормативного материала, обеспечению его согласованности. Подчеркнем, что кодификация не должна становиться самоцелью. Обеспечение, например, компактности нормативного материала не должно вступать в противоречие с объективным процессом дифференциации производств.

Стоит помнить и о том, что «право выступает как результат отражения общественного бытия в специфической нормативной форме. Процесс правового отражения – имманентная сторона правообразования, несводимого к официальному правотворчеству государственных органов»². Правотворческая деятельность в целом и кодификационная работа в частности должна это учитывать. Эффективность действия процессуального законодательства будет выше тогда, когда новые правовые нормы отражают общественное бытие, но не фантазии авторов законопроектов, инородные правовые конструкции либо неуместные заимствования из других правовых систем. Полное отражение общественных закономерностей в нормах процессуального права является условием их эффективного действия.

При кодификации уточняются и синхронизируются цели отдельных правовых норм, подбираются оптимальные методы регулирования отдельных общественных отношений. Более того, именно кодификация позволяет определить единую цель, достижение которой определяет эффективность всего отраслевого законодательства. По этим причинам систематизация процессуального законодательства формирует условия его эффективного влияния на общественные отношения, является средством оптимизации правового воздействия, поз-

¹ Общая теория государства и права / отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 2. С. 637 (автор раздела – Пиголкин А.С.).

² Козлов В.А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Ленинград, 1989. С. 78.

воляет гармонизировать приемы и способы регулирования. Неслучайно анализ и обработка действующих нормативных актов, группировка правовых предписаний по определенной схеме, создание внутренне единой системы актов рассматриваются в науке как необходимые условия эффективности правотворческой деятельности, способствующие ликвидации пробелов, устарелостей и противоречий в действующем законодательстве¹.

Как форма коренной переработки действующих нормативных актов кодификация выполняет функцию отражения основных тенденций развития законодательства в нормах процессуальных кодексов. В настоящее время к числу основных тенденций развития российского законодательства Т.В. Кашанина относит: увеличение удельного веса законодательного регулирования и расширение его сферы, усиление специализации законодательных норм, повышение детализации законодательства, ускорение его динамизма, возрастание степени абстрактности законодательных норм, разрастание массива регулятивных законодательных норм, повышение юридико-технической оснащенности законодательства². Общие тенденции не обошли стороной и гражданское процессуальное законодательство. Продолжает увеличиваться сфера законодательного регулирования процессуальных отношений, резервы которой были заложены известной со времен Н.Б. Зейдера концепцией гражданского процесса в широком его понимании, усиливается специализация процессуальных норм, процессуальные кодексы становятся все более детализированными. Галопирующими темпами характеризуется динамизм правотворческой работы по корректировке процессуального законодательства, разрастается массив не только регулятивных, но и охранительных законодательных норм, укрепляется юридико-техническая оснащенность гражданского процессуального законодательства.

Суть процесса специализации состоит в том, что в праве происходит и усиливается «разделение труда», в результате которого отдельные нормы и их комплексы все более дифференцируются и нацеливаются на выполнение тех или иных операций в правовом регулировании³. Примером могут послужить институты рассмотрения дел по корпоративным спорам (глава 28.1 АПК РФ) и дел о защите прав и законных интересов группы лиц (глава 28.2 АПК РФ) в арбитражном процессе, либо аналогичный институт рассмотрения дел о защите прав и законных интересов группы лиц в гражданском процессе (глава 22.3 ГПК РФ).

¹ Общая теория государства и права / отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 2. С. 622 (автор раздела – Пиголкин А.С.).

² См. подробнее: Кашанина Т.В. Структура права. М., 2013. С. 411–429.

³ Кашанина Т.В. Указ. соч. С. 415.

Начало XXI века ознаменовано значительной, нередко чрезмерной, детализацией процессуального законодательства. По оценке Т.В. Кашаниной, если специализация проявляется в дифференциации правового регулирования, то детализация есть все более подробное регулирование отдельных элементов и сторон общественных отношений. При детализации производится более тонкое урегулирование общественных отношений, производится их уточнение¹. Законотворческая практика последних лет изобилует примерами детализации процессуального законодательства. Так, например, в ноябре 2018 года были существенно детализированы положения статей 124, 127, 131 ГПК РФ в части обязательных требований к форме и содержанию искового заявления, заявления о выдаче судебного приказа и самого приказа². Хочется верить, что детализация процессуального законодательства позитивно скажется на его эффективности. Вместе с тем она не может быть бесконечной. Поиск баланса детализации и обобщенных правил – важная и непростая задача, решаемая в ходе кодификации процессуального законодательства.

Принципиальное значение для эффективности правового регулирования процессуальных отношений имеет стабильность процессуального законодательства. Нельзя, однако, не принимать во внимание отмеченную ранее тенденцию ускорения динамизма законодательства. К сожалению, она коснулась и процессуальной сферы. Подчеркнем, эффективность обеспечивается качественным правотворчеством, дарующим стабильность правового регулирования. Постоянные изменения процессуального законодательства – это показатель низкого качества законотворческой деятельности, а не стремления улучшить судебную систему. Так, например, в 2019 г. нормы АПК РФ изменялись и дополнялись 4 раза, в 2018 г. – 3 раза, в 2017 г. – 5 раз, в 2016 г. – 7 раз, в 2015 г. – 9 раз, в 2013 г. – 6 раз. Изменения и дополнения в ГПК РФ вносились в 2019 г. четырежды, в 2018 г. – 5 раз, в 2017 г. и 2016 г. – по 4 раза, в 2015 г. – 8 раз, в 2010, 2011 гг. – по 7 раз, в 2014 г. – 13 раз, а в 2013 г. – 14 раз. Стоит согласиться с А.Т. Боннером – «некогда относительно стабильный ГПК РФ в последние годы довольно часто подвергается различного рода изменениям и дополнениям. К сожалению, не все из них могут быть признаны удачными».³ Изменения вносятся в течение года неоднократно, при том, что судебная статистика, позволяющая хотя бы минимально оценить результаты

¹ Кашанина Т.В. Указ. соч. С. 417.

² См.: Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / СЗ РФ. 03.12.2018. № 49 (часть I), ст. 7523.

³ Боннер А.Т. Электронное правосудие: реальность или новомодный термин // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 32.

действия новых норм законодательства, собирается и анализируется заметно реже. Стоит помнить о том, что при подготовке нормативных актов необходимо прогнозировать, как будут действовать разрабатываемые нормы. Некачественный прогноз влечет принятие неэффективных правил поведения, норм, реализация которых не достигает поставленной цели, что, в свою очередь требует дальнейшей модификации законодательства. Выразим убежденность, что кодификация может и должна стать важным средством обеспечения стабильности процессуального законодательства.

Стабильность – это благо не только для процессуальных, но и для всех иных кодексов. Так, например, Д.Н.Сергеев подчеркивает, что Уголовный кодекс должен приниматься и изменяться в особом порядке. Этот порядок должен строиться с обязательным учетом характерных для уголовного закона черт на основе следующих принципов уголовного правотворчества: законопроекты должны быть тщательно обоснованы инициатором и им же прокомментированы; предлагаемый проект закона должен пройти лингвистическую, формально-юридическую, криминологическую и антикоррупционную экспертную проверку и пройти обсуждение; поправки должны приниматься блоками, не чаще одного раза в год.¹ Выразим убежденность в том, что процитированные тезисы более чем справедливы и для гражданского процессуального законодательства.

Особое место среди тенденций развития российского законодательства занимает его унификация, детерминированная глобализационными процессами, наблюдаемыми в современном мире. По оценке Т.В.Кашаниной, унификация осуществляется заимствованием иностранного законодательного опыта и стандартизацией законодательства.² В процессуальной сфере унификация сегодня дополняется сближением (гармонизацией), непосредственным образом влияющей на кодификацию. Как отмечает К.Л.Брановицкий, сближение права есть процесс, имеющий своей целью преодоление имеющихся различий в отдельных правопорядках путем создания близких, но не идентичных правовых норм. В отличие от унификации, которая располагает единственным инструментарием – созданием идентичных норм, сближение права также возможно путем принятия общих принципов, минимальных стандартов, модельных законов.³ Унификация неизбежно влияет на правотворческую деятельность, проявляется в ходе кодификационной работы, модернизации процессуального законодательства.

¹ Сергеев Д.Н. Законотворчество в системе уголовно-правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 39. С. 131-132.

² Кашанина Т.В. Структура права. С. 430-431.

³ Брановицкий К.Л. Сближение (гармонизация) гражданского процессуального права в рамках Европейского союза и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект). М., 2018. С. 15.

Выразим убежденность в том, что перечисленные тенденции развития российского законодательства с необходимостью найдут отражение при систематизации и модернизации его процессуального блока. Кодификация гражданского и арбитражного процессуального законодательства может, на наш взгляд, рассматриваться как средство обеспечения эффективности норм процессуального права, их способности результативно воздействовать на поведение участников общественных отношений, возникающих в связи с рассмотрением дел в суде, с наименьшими издержками.

Перспективным направлением повышения эффективности процессуальной деятельности является ее алгоритмизация. Неизбежно она потребует корректировки норм процессуального права. В этом смысле кодификация как форма коренной переработки нормативного материала становится условием будущей формализации правовых предписаний для их применения искусственным интеллектом. Недаром считается, что гражданское процессуальное право характеризуется высокой сложностью, которая вместе с тем отличается механическим и прямолинейным характером соответствующих норм гражданского судопроизводства, формулы которых потенциально хорошо поддаются моделированию и толкованию с помощью компьютера. Это возможно в силу одновременно комплексного и механического характера гражданско-процессуальных норм, а также того, что юнит искусственного интеллекта потенциально более систематичен и менее подвержен совершению ошибок при выполнении повторяющихся задач, нежели человек¹. Математическая формализация норм процессуального права позволит расширить сферу искусственного интеллекта в судебном процессе, оптимизировать как сами нормы, так и деятельность, осуществляемую на их основе, минимизировать избыточные и дублирующие процессуальные действия, чем снизит издержки сторон и суда в гражданском процессе.

Список использованной литературы

Берг Л.Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика. Автореферат дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019.

Берг Л.Н. Правовое воздействие и синергия: информационный подход // Механизм правового регулирования: история и современность. V Алексеевские чтения / Отв. ред. *В.Д.Перевалов*. Екатеринбург, 2019. Часть 1.

Боннер А.Т. Электронное правосудие: реальность или новомодный термин // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 1.

¹ Морхат П.М. Применение искусственного интеллекта в судебном процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 3. С. 77.

Брановицкий К.Л. Сближение (гармонизация) гражданского процессуального права в рамках Европейского союза и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект). – М., 2018.

Глазырин В.В., Никитинский В.И. Эффективность правоприменительных актов // Советское государство и право. – 1984. – № 2.

Зенин И.А. Структура, функции и условия эффективности гражданского законодательства в области научно-технического прогресса. Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1980.

Кашанина Т.В. Структура права. – М., 2013.

Козлов В.А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. – Ленинград, 1989.

Морхат П.М. Применение искусственного интеллекта в судебном процессе // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 3.

Общая теория государства и права / отв. ред. *М.Н.Марченко*. – М., 2010.

Решетникова И.В. Метод гражданского и арбитражного процессуального права // в сб. Кодификация российского частного права 2019 / под ред. Д.А. Медведева. – М., 2019.

Решетникова И.В. Современное процессуальное право: унификация или дифференциация? // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 2.

Сергеев Д.Н. Законотворчество в системе уголовно-правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – Вып. 39.

Эффективность правовых норм / *Кудрявцев В.Н.* и др. – М., 1980.

Липинский Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, профессор департамента магистратуры ФГБОУ ВО
«Тольяттинский государственный университет»

Lipinsky Dmitry Anatolyevich

Doctor of Legal Sciences, professor of the department of magistracy
of Togliatti State University

Межотраслевой институт процессуальной ответственности¹

Interdisciplinary Institute of Procedural Responsibility

Аннотация: Анализируется институт процессуальной ответственности. обосновывается его межотраслевая юридическая природы. Ставится под вопрос самостоятельность отраслевых институциональных образований, предусматривающих процессуальную ответственность. Делается вывод, что межотраслевая юридическая природа процессуальной ответственности может проявляться по нескольким направлениям. Во-первых, в охране процессуальных отношений нормами с различными отраслевой принадлежность. Во-вторых, в существовании связей координации и субординации между различными отраслевыми институциональными образованиями, устанавливающими ответственность за различные процессуальные правонарушения, а также в наличии генетических взаимосвязей между нормами материальными и процессуальными.

Ключевые слова: юридическая ответственность, процессуальная ответственность, процессуальное правонарушение, виды процессуальной ответственности, межотраслевые связи.

Abstract: The article analyzes the institution of procedural responsibility. substantiates its intersectoral legal nature. The independence of sectoral institutional formations that provide for procedural responsibility is questioned. It is concluded that the intersectoral legal nature of procedural responsibility can manifest itself in several directions. First, in the protection of procedural relations by norms with different industry affiliations. Secondly, in the existence of links of coordination and subordination between various sectoral institutional formations that establish respon-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

sibility for various procedural offenses, as well as in the presence of genetic relationships between material and procedural norms.

Keywords: legal responsibility, procedural responsibility, procedural offense, types of procedural responsibility, intersectoral communication.

Институт юридической ответственности – это один из компонентов системы права, во многом обеспечивающий ее действие и эффективность. На развитость и совершенство той или иной отрасли права указывает также наличие в структуре отрасли самостоятельного (отраслевого) института юридической ответственности, который некоторые ученые относят к дополнительным признакам, подчеркивающим самостоятельность отраслевого образования. В юридической литературе наиболее распространенной является классификация юридической ответственности в зависимости от отраслевого строения, которая не лишена своих недостатков, так как не любая отрасль права в своей структуре содержит самостоятельный институт, а для обеспечения действенности своих предписаний использует нормы с иной отраслевой принадлежностью. В настоящее время в юридической литературе признают наличие уголовно-процессуальной, гражданско-процессуальной ответственности, а также ставится вопрос о административно-процессуальной и конституционно-процессуальной ответственности.

В последние годы актуальным стало деление системы права публичное и частное, а также материальное и процессуальное. В связи с чем стали обосновывать наличие межотраслевых институтов юридической ответственности не на микро, а на макроуровне, коррелируя тем самым их с макроуровнем системы права. Сама идея существования межотраслевых функциональных институтов не нова и обоснована в прошлом веке в трудах С.С. Алексеева¹ и С.В. Полениной², а также получила дополнительное обоснование в докторской диссертации Д.Е. Петрова³ и других ученых.

В связи с чем возникают вопросы, а существуют ли отраслевые институты процессуальной ответственности и можно ли утверждать о существовании межотраслевого института процессуальной ответственности. Для ответа на данный вопрос необходимо обратиться прежде всего к самому элементарному определению института права, которое в тех или иных вариациях воспроиз-

¹ Алексеев С.С. Отрасли советского права: проблемы, исходные положения // Советское государство и право. 1979. № 9. С. 18–27.

² Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Правоведение. 1975. № 3. С. 12–22.

³ Петров Д.Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: дис. ...д-ра юрид. наук, 2015. 505 с.

дится в научной и учебной литературе. Так, под ним понимают «обособленный комплекс правовых норм, регулирующий с помощью специфичных приемов и способов однородный вид или сторону общественных отношений»¹. Ключевым моментом, который нас интересует в подобного рода определениях является указание именно на «комплекс правовых норм», добавим, что это не просто комплекс, но и система юридических норм.

Если обратиться к УПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ, АПК РФ, то ими предусмотрены однотипные меры процессуальной ответственности: штраф, предупреждение, удаление из зала судебного заседания. В связи с чем возникает вопрос, а можно ли утверждать здесь о системе соответствующих норм, которые бы образовывали самостоятельный институт процессуальной ответственности. Следует отметить, что некоторые ученые пытаются искусственно расширить данный перечень за счет включения в него принудительного привода, изменения меры пресечения с менее строгой на более строгую, обязательства о явке, судебных издержек, государственной пошлины и так далее. Думается, что подобного рода утверждения даны без учета юридической природы мер защиты и мер обеспечения. Таким образом, у нас возникает закономерный вопрос о существовании именно отраслевых институтов процессуальной ответственности, обусловленный не только отсутствием значительного количества норм процессуальной ответственности в рамках отдельного отраслевого института, но и рядом других обстоятельств.

Во-первых, любой отраслевой институт юридической ответственности должен обладать собственными принципами, а также нормами-дефинициями, выступающими своеобразными «цементирующими» основаниями всей системы норм правил поведения. Анализ отраслевых образований, устанавливающих процессуальную ответственность, показывает их отсутствие. Так, нет правовой неопределенностью отличаются принципы уголовно-процессуальной, гражданско-процессуальной ответственности, которые не являются тождественными принципам соответствующих видов юридического процесса. Отсутствуют законодательные дефиниции соответствующих видов правонарушений, что в конечном счете и приводит к смещению мер процессуальной защиты и обеспечения. Как верно отмечает В.В. Лазарев правовой институт должен характеризовать признак обособленности в нормативном правовом акте². Схоже рассуждал и С.С. Алексеев, отмечая следующее: «правовой институт в формальном обособлении. Необходимо стремиться к тому, чтобы каждое из укрупненных подразделений нормативного акта (глава, раздел) посвящались отдельному

¹ Киримова Е.А. Правовой институт: понятие и виды. Саратов: СГАП, 2000. 115 с.

² Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 1996. 472 с.

правовому институту»¹. Анализ соответствующих разделов процессуальных нормативных правовых актов показывает, что в них вместе закреплены меры и ответственности. Поэтому, обособленность в структуре нормативного правового акта скорее всего является дополнительным признаком института права. Это в большей степени идеал, к которому необходимо стремиться законодателю в процессе своей деятельности.

В принципе мы не против выделения соответствующих отраслевых институтов процессуальной ответственности, так как система юридической ответственности не является неким застывшим статическим образованием, но возникает вопрос, не преждевременно ли в настоящее время утверждать о уголовно-процессуальном и гражданско-процессуальном, а тем более административно-процессуальном с конституционно-процессуальными институтами ответственности. Думается, что они находятся еще в стадии формирования. При этом нам следует оговориться, что необходимо различать такие понятия как вид юридической ответственности и отраслевой институт юридической ответственности. Отраслевые институты и виды юридической ответственности классифицируются по различным основаниям, но прежде чем классифицировать что либо, необходимо убедиться в наличии соответствующего правового явления.

Ввиду того, что соответствующие отраслевые процессуальные «институты» юридической ответственности находятся в стадии формирования, представляется, что их лучше именовать институциональные образования. Однако в целом, они образуют уже межотраслевой институт процессуальной ответственности. В отсутствие признания в качестве самостоятельных отраслевых процессуальных институтов и утверждении об относительной самостоятельности именно межотраслевого института процессуальной ответственности, коррелирующего с процессуальным правом в целом мы не видим противоречий, так как в основе их выделения находятся совсем иные признаки. Нормы, входящие в межотраслевой институт объединяются в большей степени на основе функциональных связей, именно потому часто, при обозначении таких институтов специально указывают, что он является функциональным, акцентируя внимание, что именно данная характеристика является сущностной.

«Процессуальная ответственность – это институт процессуального права, обладающий межотраслевой и функциональной природой, ставящий перед собой цель – обеспечение нормального хода юридического процесса посредством воздействия на динамику процессуальных отношений, а в случае их наруше-

¹ Алексеев С.С. Отрасли советского права: проблемы, исходные положения // Советское государство и право. 1979. № 9. С. 18–27.

ния – регулирующий правоотношения процессуальной ответственности, которые возникли из юридического факта процессуального правонарушения»¹.

В основе межотраслевого института процессуальной ответственности находятся типовые нормы, направленные на охрану процессуальных отношений. Причем они находятся не только в процессуальных нормативных правовых актах. Так, в УК РФ закреплены такие составы как: «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производства предварительного расследования» (ст. 294); «Неуважение к суду» (ст. 297); «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела» (ст. 299) и др. В КоАП РФ закреплены такие составы как: «Неисполнение распоряжения судьи или судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов» (ст. 17.3); «Воспрепятствование явке в суд присяжного заседателя» (ст. 17.5); «Непредставление информации для составления списков присяжных заседателей» (ст. 17.6) и др.

Следует специально указать, что процессуальная ответственность присутствует там, в случае существования конфликтных отношений, связанных с правонарушением или спором материально-правового характера. Иными словами, мы специально подчеркиваем, что придерживаемся узкой точки зрения о понятии процессуального права как такового, а не расширяем его до рамок юрисдикционного процесса. Между тем, в межотраслевой институт процессуальной ответственности могут входить и нормы материальных отраслей права, именно поэтому, а также по иным причинам он и называется межотраслевым. В определенной степени его характеризует дуализм, ввиду наличия норм с различной (процессуальной или материальной) юридической природой.

Межотраслевая юридическая природа процессуальной ответственности может проявляться по нескольким направлениям. Во-первых, в охране процессуальных отношений нормами с различными отраслевой принадлежностью. Во-вторых, в существовании связей координации и субординации между различными отраслевыми институциональными образованиями, устанавливающими ответственность за различные процессуальные правонарушения, а также в наличии генетических взаимосвязей между нормами материальными и процессуальными.

¹ Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Система права и система юридической ответственности: некоторые проблемы взаимосвязей и соотношения // Право и политика. 2019. № 9. С. 29–47. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.9.30581 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30581

Список использованной литературы

Алексеев С.С. Отрасли советского права: проблемы, исходные положения // Советское государство и право. – 1979. – № 9. – С. 18–27.

Киримова Е.А. Правовой институт: понятие и виды. – Саратов: СГАП, 2000. – 115 с.

Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Система права и система юридической ответственности: некоторые проблемы взаимосвязей и соотношения // Право и политика. – 2019. – № 9. – С. 29–47. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.9.30581 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30581

Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1996. – 472 с.

Петров Д.Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: дис. ...д-ра юрид. наук, 2015. – 505 с.

Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Правоведение. – 1975. – № 3. – С. 12–22.

Макарейко Николай Владимирович

доктор юридических наук, профессор кафедры административного права
и процесса Нижегородской академии МВД России

Makareiko Nikolay Vladimirovich

Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of Administrative Law
and Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs
of Russia

Пределы процессуальной ответственности¹

Limits of procedural responsibility

Аннотация: в статье анализируются пределы процессуальной ответственности, рассматриваются признаки и характеристики процессуального принуждения, а также определяются общетеоретические закономерности функционирования процессуальной ответственности. Отдельное внимание уделяется уровням государственного принуждения во взаимосвязи с процессуальной ответственностью

Ключевые слова: процессуальная ответственность, процессуальное принуждение, юридический процесс, государственное принуждение.

Abstract: the article analyzes the limits of procedural responsibility, examines the signs and characteristics of procedural coercion, and also defines the general theoretical laws of the functioning of procedural responsibility. Special attention is paid to the levels of state coercion in conjunction with procedural responsibility

Keywords: procedural responsibility, procedural humiliation, legal process, state coercion.

Вопросы государственного принуждения, его отдельных форм и мер традиционно находятся в фокусе исследовательского внимания. Об этом свидетельствуют публикации различных жанров. Такое положение имеет под собой вполне логическое объяснение. Принуждение является имманентным свойством права, его исключение является очевидной ошибкой и влечет за собой существенные издержки. Вместе с тем в научной литературе возник очевидный дисбаланс, когда отдельные формы государственного принуждения исследова-

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы»

ны в меньшей степени. Данная посылка в полной мере относится к процессуальной ответственности.

Процессуальная ответственность чаще всего выступает объектом познания со стороны отраслевой процессуальной науки (гражданского, уголовного, арбитражного, административного процесса). В то время как общетеоретические закономерности свойственные названному правовому институту в целом не получили должного внимания. Такое положение негативно сказывается на правотворческой и правоприменительной деятельности. Наряду с этим возникают дидактические сложности, когда у обучаемых не формируется целостное представление о специфике процессуальной ответственности, ее роли в обеспечении правопорядка, защите прав и законных интересов участников соответствующих юридических процессов. Только отдельные авторы на монографическом уровне обратили свое внимание на данный значимый фрагмент государственно-принудительной проблематики¹.

Одной из актуальных проблем процессуальной ответственности выступает определение ее пределов. В этой связи А.П. Роговым обращено внимание, что названная проблематика является значимым для каждого государства, а его практическое разрешение выступает в качестве обязательного составляющего элемента обеспечения безопасности, стабильности общественных отношений. Тем самым государство обретает определенную свободу, создает условия легальности своей деятельности².

Определение пределов государственного принуждения имеет несколько уровней: применительно ко всему государственному принуждению; в отношении отдельной формы государственного принуждения; конкретной меры государственного принуждения. От субъекта правотворчества требуется решение указанной задачи на различных уровнях. В этой связи установление границ процессуальной ответственности направлено на решение значимой и многосложной задачи границ государственного принуждения в целом.

При определении пределов процессуальной ответственности следует учитывать, по меньшей мере, два взаимосвязанных аспекта. Необоснованно минимальное закрепление данного вида государственного принуждения не позволит

¹ Липинский Д.А., Чуклова Е.В. Процессуальная ответственность: монография. М., Юрлитинформ, 2013. 184 с.

Скачкова О.С. Процессуальная ответственность: понятие и содержание : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007. 21 с.

Чуклова Е.В. Понятие, основания и виды процессуальной ответственности: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 28 с.

² Рогов А.П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 89.

эффективно реагировать на процессуальные нарушения. Цели правоохраны в этом случае не будут достигнуты и, при определенных условиях, могут выступить в качестве катализатора противоправной деятельности. В свою очередь немативированное усиление процессуальной ответственности будет способствовать трансформации данного вида юридической ответственности в свой антипод, которым является насилие¹. В подобной ситуации даже качественное обеспечение процессуального порядка получит отрицательную общественную оценку, будет разрушительно сказываться на состоянии правосознания.

В ходе практического определения пределов процессуальной ответственности акцент необходимо сделать на средства, при помощи которых происходит их нормативное правовое закрепление. По нашему мнению, к их числу необходимо отнести следующие. В действующем законодательстве требуется закрепить исчерпывающий перечень соответствующих мер. При этом они не должны подлежать расширительному толкованию субъектом правоприменения. Наряду с этим у правоприменителя должен быть определенная возможность выбора меры ответственности в рамках правоприменительного усмотрения. Такой подход позволит избирать наиболее эффективные средства правового воздействия в отношении нарушителей процессуального законодательства с учетом складывающейся ситуации.

К числу средств определения пределов процессуальной ответственности относятся основания ее применения. Важность названного средства весьма велика. Наличие фактического основания «запускает» механизм реализации процессуальной ответственности. В качестве последнего выступает процессуальное правонарушение. В этой связи Б.Т. Базылев отметил, что «юридическая ответственность – это правоотношение охранительного типа, возникшее на основе правонарушения», а специфика отношения ответственности заключается в том, что «в рамках данного правоотношения осуществляется наказание»². Процессуальная ответственность, возникшая вне соответствующего фактического основания, является нарушением законности.

Одним из средств определения границ процессуальной ответственности выступает ее цель. Она является тем идеальным результатом, который должен быть достигнут в ходе применения названного вида государственного принуждения. В свою очередь, степень ее достижения будет свидетельствовать об эффективности/неэффективности государственно-принудительного воздействия.

¹ Макарейко Н.В. Насилие как средство противоправного ограничения свободы // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 2. С. 51–57.

² Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1985. С. 70, 87.

Одним из средств определения процессуальной ответственности выступает определение субъектов правоприменения. В качестве последних выступают судьи, которые отправляют судопроизводство, что в значительной степени отличает ее от административной, дисциплинарной, материальной ответственности. Все другие участники могут оказывать содействие реализации ответственности, создают необходимые условия для применения ответственности.

Наличие соответствующего механизма назначения процессуальной санкции выступает важным средством закрепления ее пределов. Его наличие будет всемерно способствовать дифференциации ответственности. Он позволяет прогнозировать результаты ее применения.

К числу средств установления пределов процессуальной ответственности относится наличие соответствующей процессуальной формы ее применения. Не случайно ряд авторов отмечают процессуальную форму в качестве обязательного признака процессуальной ответственности¹. Детальная формализация применения процессуальной ответственности является действенной гарантией предупреждения нарушения прав лиц, привлекаемых к ответственности. Не смотря на отличия в нормативном регулировании процессуальной ответственности, в основу которой положены нормы АПК РФ, ГПК РФ, КоАП РФ, УПК РФ, они предусматривают соответствующие процессуальные формы реализации.

Названные средства направлены на установление пределов процессуальной ответственности. Вместе с тем они носят динамический характер, претерпевают изменения с учетом объективных факторов. Их учет позволит стабилизировать процессуальные отношения, минимизировать урон, причиняемый их участникам в результате их применения.

Список использованной литературы

Липинский Д.А., Чуклова Е.В. Процессуальная ответственность: монография. – М., Юрлитинформ, 2013. – 184 с;

Скачкова О.С. Процессуальная ответственность: понятие и содержание : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2007. – 21 с.

Чуклова Е.В. Понятие, основания и виды процессуальной ответственности: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009. – 28 с.

Рогов А.П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013. – С. 89.

¹ Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Некоторые проблемы процессуальной ответственности // Российская юстиция. 2016. № 12. С. 45–48.

Макарейко Н.В. Насилие как средство противоправного ограничения свободы // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – № 2. – С. 51–57.

Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). – Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1985. – С. 70, 87.

Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Некоторые проблемы процессуальной ответственности // Российская юстиция. – 2016. – № 12. – С. 45–48.

Маколкин Никита Николаевич

младший научный сотрудник, аспирант Юридического факультета
Казанского федерального университета

Makolkin Nikita Nikolaevich

Junior Researcher, Post-Graduate Student, Faculty of Law, Kazan Federal University

**Верификация и аутентификация – дополнительные триггеры
формирования комфортной юрисдикции: постановка проблемы¹**

**Verification and authentication are additional triggers for the formation
of a comfortable jurisdiction: formulation of the problem**

Аннотация: В статье анализируются отдельные аспекты влияния развития институтов верификации и аутентификации на формирование комфортной юрисдикции. Также автором в статье рассматриваются подходы к трактовке понятия «комфортная юрисдикция».

Ключевые слова: комфортная юрисдикция, гражданский процесс, арбитражный процесс, электронное правосудие, цифровизация.

Abstract: The article analyzes certain aspects of the influence of the development of the institutions of verification and authentication on the formation of a comfortable jurisdiction. The author also discusses approaches to the interpretation of the concept of «comfortable jurisdiction».

Keywords: comfortable jurisdiction, civil procedure, arbitration process, e-justice, digitalization.

Понятие «комфортная юрисдикция» как таковое, не находит своего прямого отражения в российской юридической научной литературе. Подобное положение дел, определяет необходимость обращения к иным отраслям науки. Так, с точки зрения экономики, комфортной юрисдикцией принято считать максимально удобные условия для осуществления экономической деятельности, и данное понятие является обширным и включает в себя и благоприятный инвестиционный климат, и благоприятные налоговые режимы и наличие иных предпочтений для осуществления предпринимательской деятельности. Если же

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90041 Аспиранты «Верификация и аутентификация в институтах гражданского процесса в условиях трансформации общества и повышении роли цифровых технологий».

к данному вопросу подойти с лингвистической точки зрения, то данное понятие необходимо разложить на отдельные составляющие компоненты и проанализировать их. Так, если обратиться к словарю Ушакова, то у слова «комфортный» значение определяется как синонимичное слову «комфортабельный», которое, в свою очередь, трактуется как «удобный, уютный, с комфортом»¹, аналогичный подход изложен и в словаре Евгеньевой². «Юрисдикция», в свою очередь, являет собой более правовой термин и не вызывает необходимости дополнительного трактования, но исключительно для подтверждения предлагаемого подхода, данный термин, будет рассмотрен с точки зрения его значения. Так, генетически, слово «юрисдикция» происходит от латинского *jurisdictio*, что в переводе на современный русский язык определяется как пределы компетенции того или иного суда либо другого органа государственной власти, а если же обратиться к толковым словарям, то можно увидеть следующие подходы: «лат. *jurisdictio*, от *jus dicere*, говорить правду, правильно. Власть судить, а также пространство, на котором эта власть действительна»³, но больший интерес представляют два других подхода, «право производить суд, а также местность, на которую право это распространяется»⁴ и «1) подсудность; право производить суд, решать правовые вопросы; 2) правовая сфера, на которую распространяются полномочия данного государственного органа»⁵. Соответственно, в данном контексте под юрисдикцией корректнее понимать область в пространстве, определяемую границами государства, в данном конкретном случае, границами Российской Федерации, на территории которой действуют одинаковые для всех нормы права. Таким образом, для целей настоящей статьи, под комфортной юрисдикцией можно понимать такую совокупность внутригосударственных правовых норм, подлежащих применению к спорным правоотношениям, которая обеспечивает максимально удобное разрешение спорных правоотношений. При этом, в данное понятие входят и конкретные короткие сроки рассмотрения дела по существу, и конкретные наборы правовых инструментов, позволяющие реализовать все меры по защите своих прав и законных интересов, конкретные материальные нормы права, обеспечивающие регулирование правоотношений, процессуальные нормы права, обеспечивающие равенство сторон между собой в процессуальных правах и перед судом, а также сложившуюся судебную прак-

¹ Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (1935–1940).

² Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

³ Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. Михельсон А.Д., 1865

⁴ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Чудинов А.Н., 1910.

⁵ Словарь иностранных слов. Комлев Н.Г., 2006.

тику и обычаи делового оборота, позволяющие с высокой степенью доверия относиться к конкретной правовой системе. Одним из примеров комфортной юрисдикции является Великобритания и применимое там английское право, которое в той или иной мере отвечает всем вышеуказанным критериям и являло собой предпосылку для формирования удобной среды для разрешения споров, а соответственно для договорного закрепления оговорок о применимости английского права.

Ключевой идеей данного исследования является рассмотрение перспектив развития и становления комфортной юрисдикции в Российской Федерации, иными словами создания комфортного судебного климата, посредством интеграции в правовое поле дополнительных элементов цифровых технологий, которыми выступают верификация и аутентификация.

Но перед этим, видится возможным сделать небольшое отступление, несколько даже лирическое, и отдельно обозначить одну особенность «комфортной юрисдикции» вскользь указанную выше. Так, комфортная юрисдикция, с правовой точки зрения, определяется совокупностью материальных норм права, их применением и работой, а также процессуальными нормами права, что, в свою очередь, свидетельствует как о наличии межотраслевых связей¹ внутри данного института, так и наглядно проиллюстрировано персональным составом участников Симпозиума.

Возвращаясь же к основной теме настоящего труда, следует говорить об интеграции элементов верификации и аутентификации в правовое поле и в судебную экосистему. Так, в данном контексте подразумевается формирование дополнительных возможностей и гарантий для участников процесса. Примерами таких возможностей и гарантий являются новые цифровые технологии, а равно новые инструменты, внедряемые в процесс отправления правосудия. Если перейти к частностям, то можно рассмотреть возможность поточного сканирования и распознавания отдельных обязательных реквизитов процессуальных документов. Так, например, говоря о верификации документа, в свете распознавания его содержания, было бы целесообразным интегрировать такой инструмент, который бы позволил на стадии подачи искового заявления, после его оцифровки, распознать его и исследовать на наличие такого обязательного атрибута, как подпись. Данный пример безусловно представляет собой простейший элемент, и, возможно, не заслуживает внимания, но в контексте права на обращение за судебной защитой, он способен практически исключить вероят-

¹ См. подробнее: Чельшев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование // автореф. дисс. на соискание степени д.ю.н. Казань, 2009.; Чельшев М.Ю. Гражданско-правовые системные связи: внутриотраслевые и межотраслевые характеристики // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 1. С. 114–120.

ность отказа в принятии заявления по мотивам отсутствия подписи, которая в данном случае рассматривается как человеческий фактор. При этом, не смотря на всю простоту данной ситуации, она может оказаться крайне важной в ситуации, когда исковое заявление подается в последний день истечения срока исковой давности и возврат заявления граничит с дополнительными трудностями в виде восстановления пропущенного срока. При этом, стоит сделать ряд оговорок, во-первых, здесь речь идет именно о подаче документов в электронном виде, и во-вторых, выше говорится о возможности практически исключить отказ в принятии заявления, что связывается как с техническими сбоями и низким качеством предоставленных документов, так и с такой ситуацией, когда исковое заявление подписано ненадлежащим лицом, что не может быть идентифицировано на данной стадии. При этом, это лишь один из возможных сценариев, обеспечиваемых интеграцией института верификации в правовое поле.

Говоря об аутентификации, следует отметить, что потенциальным путём развития судебной системы может стать проведение судебных заседаний посредством ВКС, но не в традиционном понимании, а посредством WhatsApp, Zoom, Microsoft Teams, Google Meet, Skype и иных технических решений, доступных без посещения суда. Так, например в Калифорнии из-за коронавируса все суды были закрыты, кроме тех случаев, когда приходится разбирать наиболее срочные дела. На этом фоне 28 марта 2020 года правительство штата единогласно поддержало временные директивы по введению системы удалённого правосудия в регионе. Суды теперь будут использовать видеоконференции и телефонную связь для удаленных выступлений, судебных отчетов и устного перевода в ходе разбирательства. В первую очередь использовать удалённое правосудие будут в уголовных делах и делах по вопросам несовершеннолетних. Эта мера касается предъявления обвинений и проведения предварительных слушаний¹. Вслед за зарубежными коллегами и российские суды присоединились к данной практике, в частности Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области с 20 апреля 2020 года начал проводить судебные заседания по Skype². А позднее, 29 апреля 2020 года, Верховный суд РФ и Совет судей РФ высказались о возможности проведения заседаний с ис-

¹ California chief justice says courts can hold video hearings amid coronavirus shutdown URL: <https://www.sacbee.com/news/coronavirus/article241596776.html> (дата обращения 17.04.2020).

² В Арбитражном суде Санкт-Петербурга заседания будут проходить через Skype URL: <https://pravo.ru/news/220777/> (дата обращения 03.05.2020).

См. также: Valeev D.K., Nuriev A.G. Digital rights management in a procedural relationship Journal of Sociology and Social Anthropology Volume 10, Issue 4, October 2019, Pp. 281–285. DOI: 10.31901/24566764.2019/10.04.327.

пользованием системы видеоконференцсвязи или системы веб-конференции¹. Одновременно с этим, необходимо сделать оговорку, что вышеуказанные инструменты имеют ряд недостатков. Одним из них является то, что эти системы небезопасны и разговоры в них не являются конфиденциальными, о чем свидетельствует ряд скандалов вокруг них, в частности вокруг Skype². Другой сложностью в данной ситуации может стать то, что необходимо дополнительно устанавливать каналы связи и способы подтверждения личности участников процесса. И именно в этом контексте элементы аутентификации, связанные с возможностью дополнительного удостоверения личности, могут быть признаны полезными нововведениями. Так, например, возможно проведение судебных заседаний в удаленном формате на новой платформе, подразумевающей авторизацию пользователей через ЕСИА или посредством персональных электронных ключей, которые могут быть потенциально внедрены в существующую действительность, что позволит минимизировать риски участия в судебном процессе не того лица.

Таким образом, видится справедливым предположение о том, что интеграция новых дополнительных элементов цифровых технологий в виде верификации и аутентификации в различных их проявлениях в правовое поле и в судебную экосистему, способны сделать российскую юрисдикцию более комфортной и удобной, как для физических и юридических лиц, резидентов РФ, так и для всех, кто намерен применять российское право и разрешать споры в судах Российской Федерации.

Список использованной литературы

Valeev D.K., Nuriev A.G. Digital rights management in a procedural relationship Journal of Sociology and Social Anthropology Volume 10, Issue 4, October 2019, Pp. 281-285. DOI: 10.31901/24566764.2019/10.04.327.

Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. Михельсон А.Д., 1865.

Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Чудинов А.Н., 1910.

Словарь иностранных слов. Комлев Н.Г., 2006.

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 29 апреля 2020 года URL: <http://www.ssrf.ru/news/lienta-novostiei/37629> (дата обращения 03.05.2020)

² См. подробнее: Новый «1984-й»: люди возмущены тем, что их подслушивают голосовые помощники и даже... Skype URL: <https://texterra.ru/blog/novyy-1984-y-lyudi-vozmushcheny-tem-chto-ikh-podslushivayut-golosovye-pomoshchniki-i-dazhe-skype.html> (дата обращения 03.05.2020)

Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (1935–1940).

Челышев М.Ю. Гражданско-правовые системные связи: внутриотраслевые и межотраслевые характеристики // Вестник экономики, права и социологии. – 2007. – № 1. – С. 114–120.

Челышев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование // автореф. дисс. на соискание степени д.ю.н. – Казань, 2009.

Мохов Александр Анатольевич

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

Mokhov Alexandr Anatolyevich

Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Medical Law, Kutafin Moscow State Law University

Стратегические генетические технологии для сферы здравоохранения: правовой аспект¹

Strategic genetic technologies for healthcare: legal aspect

Аннотация: В работе на основе анализа возможностей ряда перспективных генетических технологий целевой направленности предлагается выделять стратегические генетические технологии для сферы здравоохранения. В силу их значимости для отрасли, общества и государства, решения за их счет задач по обеспечению биологической и иных видов безопасности, предлагается разработка и закрепление для них специальных, а также особых (экстраординарных) правовых режимов.

Ключевые слова: технологии, медицинские технологии, генетические технологии, стратегические технологии, здравоохранение, риски, биобезопасность, правовые режимы, специальные и экстраординарные правовые режимы.

Abstract: Based on the analysis of the capabilities of a number of promising targeted genetic technologies, it is proposed to identify strategic genetic technologies for the healthcare sector. Due to their importance for the industry, society and the state, solving problems at their expense to ensure biological and other types of safety, it is proposed to develop and consolidate special and extraordinary legal regimes.

Keywords: technologies, medical technologies, genetic technologies, strategic technologies, health care, risks, biosafety, legal regimes, special and extraordinary legal regimes.

Медицинские технологии – неперемный атрибут современной (научной) медицины. Без них немислим лечебно-диагностический, реабилитационный

¹ Исследование подготовлено при поддержке РФФИ (НИР «Правовое регулирование геномных исследований и внедрение их результатов в медицинской практике» № 18-29-14063).

и иной процесс, целью которого является воздействие специалиста-медика на человеческий организм.

Каждая медицинская технология имеет свой жизненный цикл: создание, разработку, внедрение, применение¹. На смену устаревшим, недостаточно эффективным технологиям должны своевременно приходиться новые, инновационные технологии, позволяющие решать либо новые задачи, либо ранее решаемые задачи, но с гораздо большей эффективностью (медицинской, социальной, экономической). Процесс генерирования новых технологий, замены устаревших должен носить перманентный характер, что позволяет решать как традиционные задачи медицины, так и вновь появляющиеся. Человек с природой находится в довольно непростых взаимоотношениях, все дальше отдаляясь от нее в искусственно созданной им среде обитания.

Например, появление генетических технологий обусловило постановку вопроса о разработке генотерапевтических лекарственных средств для лечения ряда заболеваний (в первую очередь, моногенных наследственных). Одновременно с этим появился соблазн применить достижения генной инженерии для решения немедицинских задач. Так, в литературе уже обсуждается вопрос о геномном допинге², геномном хакинге³ и др. Развитие синтетической биологии позволило не только создавать новые микроорганизмы для биологической промышленности и сельского хозяйства, но также применять ее возможности для «конструирования» патогенных микроорганизмов⁴, пока «из научного интереса». Список позитивных и негативных проявлений новой технологической реальности можно продолжить. Можно сделать вывод о том, что для многих технологий характерна амбивалентность (сочетание позитивных и негативных свойств, качеств), что требует повышенного внимания к ним общества и государства.

Иногда возникает соблазн «новое» просто запретить⁵, таким образом решив проблему либо попросту отодвинув ее решение на будущее. Развитие

¹ Жизненный цикл лекарственных средств / под ред. Ю.В. Олефира, А.А. Свистунова. М.: Медицинское информационное агентство, 2018. 280 с.

² Хаванова И.А. Генный допинг в спорте: международно-правовые запреты и развитие биотехнологий // Спорт: экономика, право, управление. 2019. № 2. С. 36–39.

³ Mokhov A.A., Svirin Y.A., Gureev V.A., Sangadzhiev B.V., Shestov S.N. DIY BIOLOGY AND BIONACKING: SOCIO-LEGAL ASPECT // Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems. Vol. 12. № 04-Special Issue, Mar., 2020. S. 1620–1626.

⁴ Мохов А.А., Чапленко А.А., Яворский А.Н. Достижения синтетической биологии и регуляторная политика государства // Ремедиум. 2020. № 4–6. С. 79–86.

⁵ Шамраева И.Л. Особенности правового регулирования суррогатного материнства // Право и политика. 2019. № 8. С. 140–148.

Сергеев С.А., Сергеева З.Х. Что сказал бы Сократ о нашей постчеловеческой перспективе: мысленный эксперимент // Управление устойчивым развитием. 2017. № 4. С. 48–54.

научно-технического прогресса невозможно остановить, но можно создать для него препятствия на отдельной территории. Такой подход видится недальновидным, так как он не только тормозит развитие отдельного направления науки и практики, но также ведет к рискам, угрозам, противостоять которым в силу технологического отставания либо невозможно, либо крайне затратно. Особенно важным этот тезис становится для стратегических технологий, включая генетические технологии для отрасли здравоохранения.

Ситуация, сложившаяся в России, да и во всем мире в связи с пандемией коронавирусной инфекции, обнажила имеющиеся бреши современных государств в области обеспечения биологической, экономической, национальной безопасности, обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия. Не самый «страшный» возбудитель COVID-19 наделал довольно много шума, привел к значительным негативным социальным, экономическим и иным последствиям. Стало очевидно, что в XXI веке уже не работают сложившиеся ранее подходы, технологии управления рисками, так как изменились сами угрозы, среда, общество. В этой связи вопросы развития биомедицины, биомедицинских и иных технологий, способных эффективно решать проблемы современного общества (биобезопасность, повышение продолжительности и качества жизни населения и др.), должны стать одним из основных приоритетов государственной политики.

В России в последние годы уделяется внимание как вопросам технологического развития в целом, так и вопросам ускоренного развития отдельных технологий (генетических, информационных и некоторых других).

Можно указать такие акты, как: Указ Президента РФ от 16 апреля 2020 г. № 270 «О развитии техники, технологий и научных исследований в области использования атомной энергии в Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу»; Указ Президента РФ от 28 ноября 2018 г. № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»; Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

В тоже время с позиций действующего законодательства некоторые технологии остаются в «серой» зоне. Есть проблемы с пониманием технологий, медицинских технологий, генетических технологий, стратегических технологий, что не способствует их разработке, внедрению и применению.

Под технологиями, на наш взгляд, следует понимать методы, способы, приемы, процессы решения отдельных задач, воздействия на определенный объект, объекты для достижения конкретной задачи. К технологиям при таком широком подходе могут относиться и объекты, посредством которых решаются отдельные задачи, и приемы, способы, процессы.

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» упоминает отдельные технологии (например, репродуктивные, телемедицинские), но не содержит не только необходимого понятийного аппарата, а вообще каких-либо норм, прямо регулирующих технологические процессы в отрасли.

На наш взгляд, под медицинскими технологиями следует понимать методы, средства, приемы, применяющиеся для укрепления здоровья человека, профилактики, диагностики, лечения заболеваний, реабилитации. К ним могут относиться манипуляции, операции, приемы соответствующей направленности, а также лекарственные препараты, медицинские изделия и иные средства медицинского применения.

Под генетическими технологиями обобщенно понимают приемы, методы, способы осуществления манипуляций с генами, создания искусственных генетических программ, а также получение ДНК и РНК для решения различных задач.

В Федеральном законе от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» нет понятия «генетические технологии», но есть дефиниция генной инженерии, под которой понимают совокупность методов и технологий, в том числе технологий получения рекомбинантных рибонуклеиновых и дезоксирибонуклеиновых кислот, по выделению генов из организма, осуществлению манипуляций с генами и введению их в другие организмы.

Сфера применения генетических технологий довольно широка: медицина, ветеринария, промышленность, сельское хозяйство, энергетика и др. Значительная часть генетических технологий в ближайшем будущем по прогнозам ученых будет востребована в медицине¹.

Стратегические технологии в целом также остаются пока малоизученным объектом. В России имеются отдельные упоминания о стратегических, критически значимых и иных технологиях. В основном они упоминаются в контексте

¹ Морозов Д.В., Иванов Р.А., Гершович П.М., Пестова Н.Е., Петрова М.В. Генетические технологии для медицины: потребности общества и бизнеса // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 5. С. 470–474.

Моссэ И.Б. Генетическая диагностика – неотъемлемая часть персональной и превентивной медицины // Молекулярная и прикладная генетика. 2014. Т. 18. С. 31–43.

обеспечения отдельных видов безопасности, ограничения оборотоспособности технологий.

Например, в России действует перечень стратегически значимых лекарственных средств, утвержденный Распоряжением Правительства РФ от 6 июля 2010 г. № 1141-р. В связи с событиями 2020 года Распоряжением Правительства РФ от 1 августа 2020 г. № 2015-р он был серьезно дополнен.

Отдельные преференции рядом федеральных законов предоставлены хозяйствующим субъектам, имеющим стратегическое значение, т. е. производящим продукцию, имеющую значение с позиций обеспечения обороноспособности, безопасности государства.

С учетом изложенного, можно предположить, что стратегические медицинские технологии, в т. ч. генетические, необходимы для решения задач не только отдельного конкретного вмешательства (для спасения жизни, поддержания жизнедеятельности отдельного пациента), а обеспечения биологической и иных видов безопасности, решения задач по сохранению здоровья и жизни населения. Такие задачи могут возникать в связи с чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера, военными действиями и другими экстраординарными событиями.

Место государства и общества на мировой арене, его экономические, военные, технические и иные возможности во многом обусловлены наличием самых современных технологий по ряду направлений. Медицинские и генетические технологии – это технологии, роль которых пока даже сложно в полной мере понять и осознать, но то, что часть из них дает их владельцам уникальные возможности – факт. Речь может идти и о реформатировании национального здравоохранения (переход на новые принципы работы), и о реальном внедрении здоровьесберегающих технологий (генетическая паспортизация, превентивные профилактика и лечение ряда заболеваний и др.), и об эффективном обеспечении биологической безопасности (разработка вакцин, генотерапевтических лекарственных препаратов, диагностических средств и др.).

Следовательно, стратегическое развитие государства и общества требуют стратегических технологий. К ним могут быть отнесены отдельные инновационные технологии для отрасли здравоохранения. Какие – самостоятельный вопрос, ответ на который может дать экспертное сообщество и сама жизнь.

Однако недостаточно просто разработать и закрепить те или иные дефиниции в законодательстве. Они нужны для формирования адекватной этим технологиям нормативной правовой базы, конструирования правовых режимов, позволяющих, с одной стороны, наиболее эффективно и своевременно внедрять, получать, применять, использовать по назначению стратегически значимые технологии, с другой – в необходимых случаях обеспечивать ограничи-

тельные, контрольные и иные меры и мероприятия, позволяющие нивелировать риски, угрозы неправомерного доступа к такого рода технологиям.

В доктрине и законодательстве наряду с общими правовыми режимами той или иной деятельности (научной, образовательной, медицинской, промышленной и иной) выделяют также специальные и особые режимы.

На мой взгляд, для отраслевых генетических технологий, признанных стратегическими (с позиций обеспечения безопасности либо их инновационного потенциала и значения для страны) должен действовать специальный правовой режим (режимы). Он может характеризоваться дополнительными гарантиями, льготами для разработчиков, пользователей технологиями, и (или) содержать дополнительные требования (к разработчикам, пользователям, эксплуатантам).

В случаях возникновения чрезвычайных ситуаций, военных действий и т. п., применения управленцами норм резервного (чрезвычайного) законодательства, необходимо заранее предусмотреть особенности обеспечения здравоохранения стратегически значимыми технологиями. Здесь могут быть и отдельные ограничения интеллектуальных прав, и особый порядок доступа медицинских работников к таким технологиям, и иные меры, позволяющие с наибольшей эффективностью в ограниченный период времени решать важнейшие задачи государства, общества, национального здравоохранения.

Список использованной литературы

Mokhov A.A., Svirin Y.A., Gureev V.A., Sangadzhiev B.V, Shestov S.N. DIY BIOLOGY AND BIONACKING: SOCIO-LEGAL ASPECT // Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems. Vol. 12. № 04-Special Issue, Mar., 2020. – S. 1620–1626.

Жизненный цикл лекарственных средств / под ред. Ю.В. Олефира, А.А. Свистунова. – М.: Медицинское информационное агентство, 2018. – 280 с.

Морозов Д.В., Иванов Р.А., Гершович П.М., Пестова Н.Е., Петрова М.В. Генетические технологии для медицины: потребности общества и бизнеса // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Т. 89. – № 5. – С. 470–474.

Моссэ И.Б. Генетическая диагностика – неотъемлемая часть персональной и превентивной медицины // Молекулярная и прикладная генетика. – 2014. – Т. 18. – С. 31–43.

Мохов А.А., Чапленко А.А., Яворский А.Н. Достижения синтетической биологии и регуляторная политика государства // Ремедиум. – 2020. – № 4–6. – С. 79–86.

Сергеев С.А., Сергеева З.Х. Что сказал бы Сократ о нашей постчеловеческой перспективе: мысленный эксперимент // Управление устойчивым развитием. – 2017. – № 4. – С. 48–54.

Хаванова И.А. Генный допинг в спорте: международно-правовые запреты и развитие биотехнологий // Спорт: экономика, право, управление. – 2019. – № 2. – С. 36–39.

Шамраева И.Л. Особенности правового регулирования суррогатного материнства // Право и политика. – 2019. – № 8. – С. 140–148.

Нахова Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ
ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Nakhova Elena Alexandrovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of civil
procedure law of the North-West branch of the Russian state University of justice

**К вопросу о систематизации института доказывания и доказательств
в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве**

**On the issue of systematization of the Institute of evidence and evidence in civil
proceedings and administrative proceedings**

Аннотация: В статье автор приходит к выводу и о необходимости систематизации норм о доказывании и доказательствах, закрепленных в настоящее время в процессуальных кодексах. В главе процессуальных кодексов, регулирующей институт доказывания и доказательств, предлагается закрепить параграфы, посвященные общим положениям о доказательствах, доказательственной деятельности лиц, участвующих в деле, средствам доказывания. В общих положениях закрепить базовые категории: доказательства, предмет доказывания и механизм его определения, общие и частные правила распределения обязанностей по доказыванию, обстоятельства, не подлежащие доказыванию и т. д. Доказательственную деятельность лиц, участвующих в деле, структурировать по стадиям процесса (первая инстанция, апелляция), а затем по этапам доказывания. Правовой регламент средств доказывания определить через общие вопросы регулирования, порядок собирания, представления (раскрытия), исследования и оценки. В качестве самостоятельных средств доказывания предлагается закрепить электронные доказательства и установить неисчерпывающий перечень средств доказывания.

Ключевые слова: цивилистический процесс, административное судопроизводство, доказывание и доказательства, систематизация.

Abstract: In the article, the author also comes to the conclusion that it is necessary to systematize the rules of proof and evidence currently enshrined in the procedural codes. In the Chapter of the procedural codes regulating the institution of proof and evidence, it is proposed to fix paragraphs devoted to General provisions on evidence, evidentiary activities of persons involved in the case, and means of evidence. In the General provisions, fix the basic categories: evidence, the subject of

proof and the mechanism for determining it, General and specific rules for the distribution of responsibilities for proof, circumstances that are not subject to proof, etc. The evidentiary activities of the persons involved in the case should be structured according to the stages of the process (first instance, appeal), and then according to the stages of proof. The legal rules of evidence should be defined through General regulatory issues, the procedure for collecting, presenting (disclosing), research and evaluation. As independent means of proof, it is proposed to consolidate electronic evidence and establish a non-exhaustive list of means of proof.

Keywords: civil procedure, administrative proceedings, proof and evidence, systematization.

По смыслу части 2 статьи 118 Конституции РФ судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства¹. Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»² была изменена редакция указанной нормы, и арбитражное судопроизводство было закреплено в качестве самостоятельного наряду с конституционным, гражданским, арбитражным, административным и уголовным судопроизводством. В настоящее время разработана и действует Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1))(далее – Концепция), которая среди теоретиков и практиков имеет как сторонников, так и противников³.

Проблема единства гражданского судопроизводства нашла отражение в фундаментальных исследованиях следующих ученых: В.А. Рязановского⁴, которым была обоснована концепция судебного права; Н.А. Громошиной, ука-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 08.10.2020).

² Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения 08.10.2020).

³ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172071/ (дата обращения 08.10.2020).

⁴ Рязановский В.А. Единство процесса: учебное пособие. М.: ОАО «Издательский Дом «Городец», 2005. 80 с.

завшей, что единство гражданского судопроизводства, включающего в себя гражданский и арбитражный процессы, определяется тем, что посредством обоих процессов обеспечивается реализация охранительных правоотношений гражданского типа, и оба процесса имеют одну и ту же главную цель – защиту прав и охраняемых законом интересов¹, для разграничения гражданского и административного судопроизводства предлагается использовать в качестве критерия тип охранительного материального правоотношения (уголовно-правовой, и гражданско-правовой)²; Е.В. Силиной (Слепченко) отмечавшей, что российский гражданский процесс еще нуждается в совершенствовании, в поиске и закреплении процессуального режима, сочетающего необходимое соотношение частного и публичного в гражданском процессуальном праве и внешней форме его выражения – Кодексе гражданского судопроизводства³ и предложившей впервые его структуру.

Думается, что есть рациональное зерно в обосновании Концепции единого процессуального кодекса с точки зрения фундаментальных положений процессуальной доктрины, соответствующие идеи необходимо изучать и развивать. В то же время современное процессуальное регулирование (а именно наличие трех процессуальных кодексов), закрепление аналогии процессуального закона позволяет эффективно применять нормы процессуального права на практике. Принятие единого Гражданского процессуального кодекса вызовет значительные проблемы в правоприменении. В настоящее время уже сложилась длительная практика применения процессуальных кодексов, она понятна для правоприменителя. Принятие единого Гражданского процессуального кодекса приведет к фундаментальной процессуальной революции в вопросах правоприменения.

Не подвергая критическому анализу доводы сторонников и противников принятия единого Гражданского процессуального кодекса, хотелось бы остановиться в настоящем исследовании на предложениях по совершенствованию действующего процессуального законодательства, регулирующего институт доказывания и доказательства, которые отражены в Концепции⁴. Многие из этих

¹ Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 10.

² Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 9.

³ Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации: дисс. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2012. С. 80.

⁴ Решетникова И.В. Доказательства и доказывание // Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172071 // (дата обращения 08.10.2020).

предложений И.В. Решетниковой уже восприняты законодателем и реализованы в действующем процессуальном законодательстве, например, к таковым можно отнести закрепление принципа раскрытия доказательств в гражданском судопроизводстве, регламентация соглашения о признании обстоятельств по делу как результата примирительных процедур. Большая часть предложений заслуживает поддержки: закрепление перечня недопустимых доказательств, усиление принципа судейского руководства в закреплении обязанности суда предложить сторонам представить дополнительные доказательства, регламентация порядка обеспечения доказательств по правилам ГПК РФ и т. д.

Вместе с тем представляется правильным обосновать собственные суждения на закрепление в процессуальных кодексах неисчерпывающего перечня средств доказывания, который обеспечит гибкость процесса доказывания, отсутствие излишнего формализма, будет адекватен динамично развивающимся материальным правоотношениям.

В то же время нормы о доказывании и доказательствах нуждаются в систематизации. При анализе процессуальных кодексов нормы о доказывании и доказательствах можно найти в различных главах: главах, посвященных доказыванию и доказательствам, возбуждению дела в суде, подготовке дела к судебному разбирательству, постановлениям суда первой инстанции, апелляции, первой кассации в части оснований для отмены судебного акта, связанных с его необоснованностью, в главах, посвященных отдельным видам судопроизводств, и главах, регламентирующих особенности производства по отдельным категориям дел. Систематизация норм о доказывании и доказательствах существенно бы упростила их применение. В главе процессуальных кодексов, регулирующей институт доказывания и доказательств, предлагается закрепить параграфы, посвященные общим положениям о доказательствах, доказательственной деятельности лиц, участвующих в деле, средствам доказывания. В общих положениях закрепить базовые категории: доказательства, предмет доказывания и механизм его определения, общие и частные правила распределения обязанностей по доказыванию, обстоятельства, не подлежащие доказыванию и т. д. Доказательственную деятельность лиц, участвующих в деле, структурировать по стадиям процесса (первая инстанция, апелляция), а затем по этапам доказывания в рамках производства в суде первой инстанции. Правовой регламент средств доказывания определить через общие вопросы регулирования, порядок собирания, представления (раскрытия), исследования и оценки.

Период пандемии показал острую необходимость развития и совершенствование имеющихся информационных технологий, используемых при рассмотрении и разрешении дел, закрепление электронной процессуальной формы и цифровых процессуальных прав. 03 декабря 2018 года Европейской комисси-

ей по эффективности правосудия была принята Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. На необходимость развития принципов цивилистического процесса в контексте применения искусственного интеллекта¹ и необходимость закрепления цифровых процессуальных прав уже указывалось в процессуальной доктрине². В настоящее время принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в России, подготовленная Правительством РФ совместно со Сбербанком России и другими ведущими компаниями (Указ Президента РФ от 10 октября 2019 года «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»³).

В связи с изложенным, необходимо закрепить новые средства доказывания в процессуальных кодексах. В качестве самостоятельных средств доказывания предлагается закрепить электронные доказательства, их примерный перечень, порядок представления, раскрытия, исследования, оценки.

В заключении хотелось бы отметить, что изложенные предложения способствовали бы оптимизации в первую очередь правоприменения в не зависимости от того, где они были бы они реализованы законодателем либо в существующих процессуальных кодексах, либо в существующей Концепции и в последующем в едином Гражданском процессуальном кодексе РФ.

Список использованной литературы

Афанасьев С.Ф. К вопросу о развитии принципов цивилистического процесса в контексте применения искусственного интеллекта // *Фундаментальные проблемы и перспективы гражданского и предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса в современных экономических условиях / Материалы Первой международной научно-практической конференции «Абов-*

¹ Афанасьев С.Ф. К вопросу о развитии принципов цивилистического процесса в контексте применения искусственного интеллекта // *Фундаментальные проблемы и перспективы гражданского и предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса в современных экономических условиях / Материалы Первой международной научно-практической конференции «Абовские чтения», г. Москва, 18 ноября 2019 г. / под ред. С.С. Занковского. М., 2020. С. 263–268.*

² Ярков В.В. Электронное правосудие и принципы цивилистического процесса // *Закон.* – 2011. № 2. С. 44; Кудрявцева Е.В. Внедрение информационных технологий в гражданский процесс и принципы гражданского процесса // *Вестник судейского сообщества Белгородской области. Специальный выпуск.* 2016. № 5. С. 43–49.

³ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 года «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731/>(дата обращения 08.10.2020).

ские чтения», г. Москва, 18 ноября 2019 г. / под ред. С.С. Занковского. – М., 2020. – С. 263–268.

Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010. – 409 с.

Кудрявцева Е.В. Внедрение информационных технологий в гражданский процесс и принципы гражданского процесса // Вестник судейского сообщества Белгородской области. Специальный выпуск. – 2016. – № 5. – С. 43–49.

Решетникова И.В. Доказательства и доказывание // Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124 (1)) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172071 // (дата обращения 08.10.2020).

Рязановский В.А. Единство процесса: учебное пособие. – М.: ОАО «Издательский Дом «Городец», 2005. – 80 с.

Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2012. – 484 с.

Ярков В.В. Электронное правосудие и принципы цивилистического процесса // Закон. – 2011. – № 2. – С. 44–50.

Новоселова Людмила Александровна

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой интеллектуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, Председатель суда по интеллектуальным правам

Novoselova Lyudmila Alexandrovna

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Intellectual Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafina, President of the Intellectual Property Rights Court

Доказательства из сети «Интернет»

Evidence from the Internet

Аннотация: Согласно легальному определению, данному в части 1 статьи 64 Арбитражного процессуального кодекса РФ доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном настоящим Кодексом и другими федеральными законами порядке сведения о фактах, на основании которых арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, доказательственное право, электронные доказательства, электронное правосудие.

Abstract: According to the legal definition given in Part 1 of Article 64 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, evidence in the case is information about the facts obtained in the manner prescribed by this Code and other federal laws, on the basis of which the arbitration court establishes the presence or absence of circumstances justifying the claims and objections of the persons participating in the case, as well as other circumstances that are important for the correct consideration of the case.

Keywords: evidence, proof, law of evidence, electronic evidence, e-justice.

В качестве доказательств допускаются письменные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключения экспертов, консультации специалистов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы; объяснения лиц, участвующих в деле, и иных участников арбитражного процесса, полученные путем использования систем видеоконференц-связи.

В гражданском процессе электронные документы рассматриваются в качестве письменного доказательства, если имеется возможность установить достоверность документа (ч. 1 ст. 71 ГПК РФ). В арбитражном процессе электронные документы рассматриваются как письменные доказательства (ст. 75 АПК РФ). Документы, полученных посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием сети Интернет, а также документов, подписанных электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации допускаются в качестве письменных доказательств в случаях и порядке, которые предусмотрены АПК РФ, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами или договором (ч. 3 ст. 75 АПК РФ)¹.

Информация, полученная из сети Интернет и представляемая на бумажном носителе (распечатки различных баз данных, распечатки электронных документов и проч.), приобщается судами к материалам дела в качестве письменных доказательств².

В последнее время высказывается мнение о возникновении нового вида доказательств – электронных доказательств, под которыми предлагается понимать:

– цифровые носители информации, которые существуют ввне и имеют материальную форму выражения (например, отсканированная или оцифрованная копия документа);

– информацию, существующую исключительно в электронном виде и полученную путем использования информационно-телекоммуникационных технологий (сообщения электронной почты, распечатки интернет-сайтов, переписка из сетевых мессенджеров)³.

Предположения о возникновении нового вида доказательств, существующих в указанных выше формах можно оценить как преждевременные и практически не оправданные. Новый вид доказательства подразумевает возникновение принципиально нового способа подтверждения позиции стороны. Например, с изобретением технологии видеофиксации видеозаписи стали новым видом доказательств в судебном процессе. В настоящее время все существующие в цифровой среде доказательства по своей форме существования

¹ См. подр.: Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон, № 5. 2017. СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 18.04.2019 по делу № СИП-226/2018 // СПС «КонсультантПлюс»

³ Журкина О.В. Электронные доказательства: понятие и признаки // Российская юстиция, № 9. 2020. С. 45.

и выражения принципиально не отличаются от документов, оформленных на иных видах носителей. С точки зрения их фиксации и представления в материалы дела они приобщаются в виде письменных доказательств. Признание их в качестве самостоятельного вида доказательств потребовало бы пересмотра огромного массива норм материального права, в которых устанавливается требование о допустимости только письменных доказательств.

В российской судебной практике доказательства, полученные из сети Интернет, используются очень широко, особенно если споры касаются защиты исключительных прав, например, для подтверждения фактов нарушений исключительных прав, в рамках споров о приоритете.

В соответствии с правовой позицией Верховного Суда РФ (Постановление Пленума ВС РФ № 10 от 23.04.2019, пункт 55) при рассмотрении дел о защите нарушенных интеллектуальных прав судам следует учитывать, что законом не установлен перечень допустимых доказательств, на основании которых устанавливается факт нарушения (статья 55 ГПК РФ, статья 64 АПК РФ). Поэтому при разрешении вопроса о том, имел ли место такой факт, суд в силу статей 55 и 60 ГПК РФ, статей 64 и 68 АПК РФ вправе принять любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством, в том числе полученные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в частности сети «Интернет».

Допустимыми доказательствами являются в том числе сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения. Такие распечатки подлежат оценке судом при рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами (статья 67 ГПК РФ, статья 71 АПК РФ).

Необходимые для дела доказательства могут быть обеспечены нотариусом, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным (статьи 102, 103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 года № 4462-1), в том числе посредством удостоверения содержания сайта в сети «Интернет» по состоянию на определенный момент.

Достоверность доказательств, полученных посредством самостоятельной фиксации информации, находящейся в сети Интернет, лицами, участвующими в деле (скриншоты интернет-страниц, распечатки электронных ресурсов, аудио- и видеоносители), суд оценивает как на предмет факта размещения такой информации в сети Интернет в определенный период времени, так и на предмет достоверности самой по себе размещенной в сети Интернет информации по своему внутреннему убеждению, с учетом формирования предмета доказыва-

ния на основании требований и возражений лиц, участвующих в деле (принцип состязательности)¹.

Поскольку одним из основополагающих принципов осуществления правосудия в арбитражных судах является принцип состязательности, то достоверность сведений, полученных с использованием сети Интернет и представленных одной из сторон спора, при отсутствии возражений иных лиц, участвующих в деле, предполагается.

Так, в одном из дел, рассмотренных Судом по интеллектуальным правам, суд, оценивая доводы общества «БонтемпиРест» о несоответствии принятой Роспатентом во внимание распечатки сведений с сайта it.wikipedia.org критериям относимости и достоверности, указал, что поскольку сайт it.wikipedia.org является сайтом свободного наполнения и изменение информации на соответствующей странице произошло после даты приоритета спорного товарного знака, указанные доводы общества «БонтемпиРест» обоснованы.

Кроме того, суд учел, что информация с онлайн-сервиса свободного наполнения «Википедия» не является объективной и не считается подтверждающей изложенные в ней обстоятельства, поскольку такая информация может быть внесена и отредактирована каждым желающим. В связи с этим суд указал, что выводы Роспатента в отношении использования в качестве доказательства информации, размещенной в сети «Интернет», сделаны без учета специфики указанной информационно-телекоммуникационной сети, обуславливающей необходимость подтверждения достоверности таких сведений с использованием иных источников².

В другом деле Суд по интеллектуальным правам признал допустимость использования данных из архива «Интернета» (сайт web-archive.org) для подтверждения нахождения сведений в сети «Интернет» на какую-либо дату.

Архивом управляет некоммерческая организация, которая собирает информацию, включая копии веб-страниц, обеспечивает долгосрочное архивирование материалов и бесплатный доступ к своим базам данных для пользователей.

В рамках дела оспаривалось решение Роспатента, которым был аннулирован патент на промышленный образец. Индивидуальный предприниматель доказал, что промышленный образец не является оригинальным, предоставив, в частности, распечатки с сайта web-archive.org. Патентообладатель парировал, указав, что доказательства недопустимы, подлинность распечаток из сети «Интернет» кем-либо сторонним (нотариусом или судом) не проверялась, а доказа-

¹ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 01.11.2019 по делу № СИП-881/2018 // СПС «КонсультантПлюс»

² Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 02.12.2019 № С01-586/2018 по делу N СИП-341/2018 // СПС «КонсультантПлюс»

тельства того, что Роспатент при рассмотрении возражения проверил подлинность распечаток, в судебном заседании представлены не были.

Роспатент признал, что указанные сведения могут подтверждать дату размещения в электронной среде изображений, содержащихся на интернет-распечатке. Он отметил, что процесс архивирования полностью автоматизирован. В связи с этим не нужно дополнительно подтверждать достоверность такой информации.

Суд по интеллектуальным правам поддержал позицию Роспатента, указав, что данные интернет-архива могут использоваться в качестве доказательства¹.

С точки зрения общего подхода, содержащегося в Постановлении Пленума ВС РФ № 10, доказательства, полученные с использованием технологий блокчейн являются допустимыми с учетом соблюдения требований к их оформлению. Такие доказательства следует относить к письменным доказательствам, так как в суд представляются в форме распечатанных документов – выписок с определенной информацией.

Вместе с тем, как справедливо отмечает А.И. Савельев², возникает проблема выявления содержательной части информации из блокчейна в письменной форме, поскольку, по общему правилу, предоставление документа должно осуществляться в таком виде, который позволяет уяснить его содержание. В случае с информацией, содержащейся в блокчейне, для уяснения содержания документа в ряде случаев необходимы специальные технические познания.

Для оценки такой информации, существующей в «необработанном» виде в качестве технического описания определенного действия в сети необходимы специальные знания, а, следовательно, привлечение экспертов и специалистов.

Второй проблемой является оценка судом достоверности содержащихся в блокчейне сведений. Провозглашаемая надежность технологий в настоящее время не очевидна для суда и так же требует подтверждения требует подтверждения специалистами. Решение проблемы в будущем видится в определении признанных и санкционированных государством либо деловым сообществом стандартов блокчейна и создании методик выявления соответствия существующих систем указанным выше стандартам.

По мере популяризации и стандартизации блокчейн-технологий, неизбежно возникнет необходимость введении установления определенных презумпций, в частности, презумпции верности даты совершения определенных действий, соответствия действительности факта совершения трансакций между определенными лицами и т. д.

¹ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28 марта 2019 г. по делу № 881/2018

² Савельев А.И. Указ. соч.

При выработке подходов к определению статуса информации, содержащейся в блокчейне в качестве доказательства, не следует абсолютизировать достоверность такой информации. Тот факт, что протоколы блокчейна обеспечивают аутентичность данных, еще не гарантирует, что сами такие данные являются точными или достоверными.

Блокчейн не может гарантировать полного отсутствия ошибок на стадии ввода информации в блокчейн.

Соответствующая информация первоначально вносится человеком, который может ее исказить, умышленно или по неосторожности. Если внесенная в блокчейн информация не может быть изменена впоследствии, такая ошибка может стать критичной, что потребует введение дополнительных механизмов верификации точности вводимых данных конкретным пользователем. Если же неточность можно будет исправить впоследствии, то непонятно, то надежность такой системы под большим вопросом, раз ее содержание допускает изменение после формального подтверждения.

Существует также ряд проблем, не связанных напрямую с возможностью внешнего несанкционированного вмешательства в систему или ошибкой ввода первичных данных.

Проблема подтверждения авторства может быть разрешена уже сейчас с помощью проставления уникального ID произведения, своеобразной авторской карточки. Широко применяется практика выдачи авторских свидетельств в электронной форме, подтверждающих факт и время создания произведения с указанием автора. Платформы также могут использовать и предмодерацию через автоматический поиск авторов схожих произведений на иных платформах¹.

Вместе с тем, следует учитывать, что действующее законодательство связывает презумпции авторства с фактами учета (депонирования) тех или иных результатов интеллектуальной деятельности. ГК РФ предусматривает возникновение презумпции авторства в случае, если лицо указано в качестве автора на экземпляре произведения или в Реестре программ для ЭВМ или баз данных.

Иные источники, подтверждающие презумпцию авторства, ГК РФ не установлены.

Авторское право на произведение возникает в силу факта создания объекта, отвечающего условиям охраноспособности: являющегося результатом творческого труда автора и выраженного в объективной форме.

¹ Наградская В.Б. Новые технологии (блокчейн/искусственный интеллект) на службе права: Научно-методическое пособие / под. ред. Новоселовой Л.А. М.: Проспект, 2019. СПС «КонсультантПлюс».

С учетом этого установить авторство конкретного лица могут только доказательства, подтверждающие факт создания произведения конкретным лицом (например, свидетельские показания, публикации, черновики, доказательства, основанные на установлении творческого стиля автора, и т. п.).

Депонирование произведения является добровольной, не предусмотренной законом процедурой, с которой закон не связывает наступление каких-либо последствий. Депонирование лишь подтверждает существование в определенный момент времени экземпляра определенного произведения.

С фактом депонирования произведения не связывается установленная статьей 1257 ГК РФ презумпция, согласно которой лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения либо иным образом в соответствии с пунктом 1 статьи 1300 ГК РФ, считается его автором, если не доказано иное¹.

Проблема дублирования учета объектов интеллектуальных прав может иметь место, если объект размещен на разных платформах. Проблема дублирования объектов технически разрешима, но требует дополнительных и весьма значительных усилий со стороны разработчиков платформ, что может повлиять на стоимость оказываемых услуг².

В зарубежной практике также отсутствует однозначный подход к оценке доказательств, полученных из системы блокчейн.

Показательным является опыт КНР³ в использовании информации из блокчейна в качестве доказательства. Интернет – суд в Ханчжоу 28 июня 2018 года разрешил использование блокчейна в качестве доказательства в деле о нарушении авторских прав без нотариального заверения. Суд впервые признал доказательства, которые были аутентифицированы с помощью технологии цепочки блоков, в деле о нарушении авторских прав в Интернете. Эти доказательства подтвердили, что данные, загруженные на платформу цепочки блоков, отражают их источник, путь распространения и, следовательно, были надежными доказательствами.

Впоследствии Верховный народный суд Китая (SPC) издал Положения по ряду вопросов при рассмотрении дел интернет-судом, которые позволяют им использовать доказательства, хранящиеся и проверенные на платформах блокчейна, в правовых спорах, рассматриваемых такими-судами в Ханчжоу, Пекине и Гуанчжоу. Эти суды могут рассматривать доказательства, представленные

¹ Определение ВС РФ от 17.09.2020 по делу № А40-46622 // СПС «КонсультантПлюс»

² Нагородская В.Б. Указ. соч.

³ См. подробнее: Харитонов Ю.С. Платформизация правосудия: опыт Китая и будущее судебных систем мира // Вестник арбитражной практики, № 3. 2020. СПС «КонсультантПлюс».

ответчиками и истцами, подтвержденные с помощью электронных подписей, отметок времени, проверок хеш-значений и методов проверки защищенности от несанкционированного доступа, хранящихся на платформах блокчейна.

Если сторона возражает против подлинности электронных данных, интернет-суд должен проверить и оценить подлинность процесса генерирования, сбора, хранения и передачи электронных данных в свете перекрестного допроса и сосредоточится на следующих вопросах:

1. Безопасна ли и надежна аппаратная и программная среда, в которой генерируются, собираются, хранятся и передаются электронные данные;

2. Ясны ли предмет и время создания электронных данных, а также ясны ли, объективны и точны их содержание;

3. Чиста ли среда хранения электронных данных, а также приемлемы ли способ и средства хранения;

4. Надежны ли предмет, инструменты и методы электронного извлечения и фиксации данных и можно ли воспроизвести процесс извлечения;

5. Удалено или изменено содержание электронных данных;

6. Могут ли электронные данные быть проверены с помощью специальных форм.

Учитывая, что российские суды в принципе придерживаются также либерального подхода к допустимости подобных доказательств, данный алгоритм проверки может быть взят за основу выработки методики оценки судами доказательств, полученных из блокчейна при наличии возражений, касающихся их надежности и достоверности.

Список использованной литературы

Журкина О.В. Электронные доказательства: понятие и признаки // Российская юстиция, № 9. – 2020.

Нагородская В.Б. Новые технологии (блокчейн/искусственный интеллект) на службе права: Научно-методическое пособие / под. ред. Новоселовой Л.А. – М.: Проспект, 2019.

Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон, № 5. – 2017.

Харитонов Ю.С. Платформизация правосудия: опыт Китая и будущее судебных систем мира // Вестник арбитражной практики, № 3. – 2020.

Нуриев Анас Гаптрауфович

кандидат юридических наук, доцент, руководитель аппарата
Конституционного суда Республики Татарстан

Nuriev Anas Gaptraufovich

Candidat of Legal Sciences, Associate Professor, Chief of Staff of the Constitutional
Court of the Republic of Tatarstan

Электронное делопроизводство как фактор максимизации уровня цифровой безопасности и ее влияние на развитие процессуальных отношений¹

Electronic office work as a factor in maximizing the level of digital security and its impact on the development of procedural relations

Аннотация: Внедрение цифровых инструментов в процессуальную деятельность создает принципиально новый уклад взаимодействия аппарата суда и участников процессуальных отношений. Цифровизация как объективная действительность определяет максимально удобные каналы коммуникации в процессуальных отношениях. Вместе с тем характер взаимодействия в условиях цифровизации создает зависимость от технологических платформ с одной стороны и приводит к упрощению процессуальной формы и фактически складывается область общественных отношений, имеющее подзаконное нормативное регулирование, между ответственными работниками аппарата суда и участниками процессуальных отношений, которую мы можем обозначить как электронное делопроизводство. Поэтому электронное делопроизводство должно стать фактором максимизации уровня цифровой безопасности и оказывать влияние на развитие процессуальных отношений.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, электронное делопроизводство, электронное правосудие, процессуальные отношения.

Abstract: The introduction of digital tools into procedural activities creates a fundamentally new way of interaction between the court apparatus and participants in procedural relations. Digitalization as an objective reality determines the most convenient communication channels in procedural relations. At the same time, the nature of interaction in the context of digitalization creates a dependence on technological platforms, on the one hand, and leads to a simplification of the procedural form, and

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16147 мк «Электронное правосудие как фактор трансформации процессуальных отраслей права».

in fact, an area of public relations is formed, which has subordinate normative regulation, between responsible employees of the court apparatus and participants in procedural relations, which we can designate as electronic office work. Therefore, electronic office work should become a factor in maximizing the level of digital security and influence the development of procedural relations.

Keywords: digitalization, digital economy, electronic office work, e-justice, procedural relations.

Реализация права на судебную защиту в современных условиях может быть осуществлено в электронном виде благодаря возможностям платформ, обеспечивающих технологический алгоритм, имеющий юридические последствия, связанные с возможностью возбуждения дела и дальнейшим его развитием в суде. При этом реализация данного права происходит благодаря взаимодействию аппарата суда, который посредством «допроцессуальных»¹ инструментов осуществляет отбор поступающих в суд обращений для дальнейшего рассмотрения в рамках судебных процедур. Вместе с тем, как отметил Конституционный Суд РФ, реализация такого способа «лишь один из способов обращения в суд, направлено не на ограничение, а, наоборот, на создание условий для реализации права на судебную защиту, призвано обеспечить достоверность подаваемых документов и само по себе не может расцениваться в качестве нарушающего конституционные права граждан»².

Как определено в п. 11 «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы»³ в качестве ключевых задач закреплено: применение в органах государственной власти новых технологий, обеспечивающих повышение качества государственного управления; использование инфраструктуры электронного правительства для оказания государствен-

¹ См., например, Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. «Допроцессуальный» технический этап предъявления искового заявления в электронном виде и его особенности в контексте реализации конституционного права на судебную защиту в условиях цифровой экономики // Российский судья. 2019. № 4. С. 56–63.

² Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 г. № 2009-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Казакова Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 4741 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и положением пункта 4 статьи 1 Федерального закона от 23 июня 2016 года № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // Официальный сайт Конституционного суда РФ. Адрес: ksrf.ru. Доступ: свободный.

³ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017– 2030 годы» // СЗ РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.

ных, а также востребованных гражданами коммерческих и некоммерческих услуг.

Закрепляя трансформацию модели государственного управления, сопряженную с применением новых информационных и коммуникационных технологий мы становимся зависимыми от технологического фактора. Соответственно внедрение инноваций с использованием электронного правительства предполагает и наличие такой функции как защита конфиденциальности, безопасности информации и электронных транзакций, доступа к онлайн-материалам, аппаратному и программному обеспечению, а также эффективная техническая поддержка¹. Все это свидетельствует о появлении на современном этапе развития государства новых «цифровых» функций государственного управления к числу которых можно отнести максимизацию уровня безопасности как работы с цифровыми данными, так и обеспечение доступа к цифровым данным.

Внедрение информационных и коммуникационных технологий в деятельность органов обеспечения правопорядка как одно из проявлений цифровой трансформации системы государственного управления предполагает особый контроль в вопросах обеспечения сохранности цифровых данных и бесперебойности работы систем, которые могут гарантировать безопасность данных при реализации конституционного права на судебную защиту посредством реализации функции максимизации уровня безопасности при отправлении правосудия в условиях цифровой экономики.

Максимизация уровня безопасности при отправлении правосудия как функция всегда присутствовала, так как государственная монополия на разрешение конфликтных ситуаций предполагает особый подход к урегулированию спорных ситуаций в любой момент требующих оперативного внешнего вмешательства.

Действующее российское процессуальное законодательство устанавливает возможность возбуждения дела в суде и дальнейшее влияние на развитие процессуальных отношений в рамках судебного разбирательства на основе письменных обращений, составленных в электронном виде путем создания электронного документа либо электронного образа документа. Данная процессуальная возможность, предполагающее максимизацию функцию безопасности в цифровой плоскости, позволяет говорить о цифровой среде доверия в процессуальных отношениях. Указанный алгоритм достигается благодаря симбиозу двух технологических платформ, призванных обеспечить безопасность при отправлении правосудия в цифровой плоскости и распространить гарантирован-

¹ M. Kemal Öktem Innovation with public administration in Turkey // Journal of US-China Public Administration. Jan. 2010, Volume 7. No.1 (Serial No.51). Pp. 42–50.

ную законом строгую процессуальную форму и к процессуальным отношениям, реализуем в цифровом виде и обеспечить тем самым реализацию конституционного права на судебную защиту независимости от способа передачи данных в отношениях, в которых одной из обязательных сторон является ответственный работник аппарата суда. В гражданском, уголовном, административном судопроизводстве это: ГАС «Правосудие» и ЕСИА; в арбитражном судопроизводстве: сервис «Мой арбитр» и ЕСИА.

В соответствии с п. 2.1 Приказа СД при ВС РФ¹ ГАС «Правосудие» это государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», представляющая собой территориально распределенную автоматизированную информационную систему, предназначенную для формирования единого информационного пространства. В составе системообразующего оборудования к комплексу средств автоматизации ГАС «Правосудие» относится: серверное и активное сетевое оборудование, оборудование подсистем «Обеспечение безопасности информации», «Видеоконференцсвязь», «Связь и передача данных», «Судебное делопроизводство и статистика», «Отображение информации коллективного пользования», в том числе: серверы, межсетевые экраны, комплексы аудиофиксации и аудиовидеофиксации хода судебных заседаний, комплексы скрытия свидетеля, информационные киоски, средства видеоконференцсвязи, коммутаторы и маршрутизаторы. Соответственно участники спорного процессуального отношения и суд, рассматривающий дело благодаря платформе ГАС «Правосудие», призванной обеспечить максимизацию функции безопасности при отправлении правосудия создает цифровую среду доверия, которая позволяет развивать процессуальные отношения в цифровой плоскости. Как прямо установлено в Приказе СД при ВС РФ от 27.12.2016 № 251², личный кабинет, который стороны судебного разбирательства используют как инструмент, влияющий на развитие процессуальных отношений в цифровом пространстве это информационный ресурс, размещенный на официальном сайте суда интернет-портала Государственной автоматизированной системы «Правосудие» (www.sudrf.ru) в информационно-телекоммуникационной сети «Интер-

¹ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17.03.2014 № 52 «Об утверждении Положения об организации эксплуатации Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»

² Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2 (февраль).

нет», предназначенный для реализации участниками судебного процесса права на подачу в суд документов в электронном виде.

Платформа ГАС «Правосудие» может быть доступна пользователям благодаря системе ЕСИА – единая система идентификации и аутентификации. В соответствии со ст. 2 ФЗ № 149¹ ЕСИА это федеральная государственная информационная система, порядок использования которой устанавливается Правительством Российской Федерации и которая обеспечивает в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, санкционированный доступ к информации, содержащейся в информационных системах.

Внедрение информационных и коммуникационных технологий в деятельность органов обеспечения правопорядка как одно из проявлений цифровой трансформации системы государственного управления предполагает особый контроль в вопросах обеспечения сохранности цифровых данных и бесперебойности работы систем, которые могут гарантировать безопасность данных при реализации конституционного права на судебную защиту. Максимизация функции безопасности в цифровой плоскости, позволяет говорить о цифровой среде доверия в процессуальных отношениях.

Список использованной литературы

Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. «Допроцессуальный» технический этап предъявления искового заявления в электронном виде и его особенности в контексте реализации конституционного права на судебную защиту в условиях цифровой экономики // Российский судья. – 2019. – № 4. – С. 56–63.

M. Kemal Öktem Innovation with public administration in Turkey // Journal of US-China Public Administration. Jan. 2010, Volume 7. No.1 (Serial No.51). – Pp. 42–50.

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ от 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

Росенко Мария Ивановна

доктор политических наук, профессор кафедры конституционного
и административного права Юридического института
Севастопольского государственного университета

Rosenko Maria Ivanovna

Doctor of Political Science, Professor of the Department of Constitutional
and Administrative Law of the Law Institute of Sevastopol State University

**К вопросу о систематизации административного права
Российской Федерации**

**On the issue of systematization of the administrative law
of the Russian Federation**

Аннотация: в статье исследованы проблемы систематизации норм административного права, изучены подходы к проведению кодификации, рассмотрены аргументы против кодификации административного права, предложен подход комплексной кодификации административно-правовых норм регулирующих основные группы общественных отношений: отношений, возникающих в процессе выполнения регулятивной функции государственной администрации; отношений, возникающих в процессе выполнения охранительной функции государственной администрации, отношений, возникающих в процессе осуществления административного судопроизводства.

Ключевые слова: административное право, систематизация кодификация, административная реформа, государственное управление, общественные отношения.

Abstract: the article studies the problem of systematization of administrative law, studied approaches to codifying considered the arguments against the codification of administrative law, the proposed approach is a comprehensive codification of administrative law governing the main groups of public relations: relations arising in the process of implementing regulatory functions of public administration; the relations arising in the process of performing security functions of state administration, relations arising in the process of implementing administrative procedure.

Keywords: administrative law, codification, administrative reform, public administration, public relations.

Проводимая в Российской Федерации административная реформа направлена на изменение места и роли государства в жизни общества, сниже-

ние административных барьеров, создание благоприятных условий для развития бизнеса и инвестиционной привлекательности. В связи с этим одной из актуальных проблем науки административного права является совершенствование административно-правового регулирования различных общественных отношений, возникающих в сфере государственного управления, деятельности государственных исполнительных органов и их отношений с гражданами.

Нормы административного права определяют административно-правовой статус органов местного самоуправления, общественных и иных общественных объединений, а также правовой статус государственных служащих и работников общественных организаций; регулируют общественно-управленческие отношения в междисциплинарной, общественно-политической, социально-культурной и экономической сферах государственного управления. Административно-правовые нормы играют огромную роль в обеспечении личной безопасности, предупреждении и пресечении правонарушений, обеспечении защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечении охраны общественного порядка и общественной безопасности.

В современных условиях реализация административно-правовых норм осложняется тем, что они рассредоточены по многим правовым актам. Следует отметить, что административно-правовые нормы развиваются быстрее другие правовые нормы, подчиняясь общим законам социально-экономического и политического развития, и, конечно же, чаще других склонны к переменам: правовые нормы, не соответствующие вновь возникшим общественным отношениям, изменяются, отменяются, принимаются новые правовые нормы, порожденные новыми социально-экономическими реалиями. Указанная мобильность норм административного права актуализирует проблему совершенствования законодательных норм.

Среди подходов к совершенствованию административного права выделяются два основных направления: текущее правотворчество и кодификация.

В первом случае в современном правотворческом процессе главной целью будет решение актуальных конкретных вопросов жизни общества и государства. Во втором случае в ходе кодификации, наряду с принятием новых законодательных актов, будут совершенствоваться ранее принятые нормы по всему спектру вопросов данной отрасли права. Отличие основных целей в каждой из этих областей определяет различия в содержании и форме актов, являющихся результатом деятельности нормотворческого органа.

Однако общим задачам, как современного правотворчества, так и кодификации является сокращение количества нормативных правовых актов путем систематизации и кодификации административного права, выделение и выделение из него административно-правовых норм, соответствующих характеру

управленческих отношений в современный период, концентрации их в единых сводных актах кодификации, придания им новых форм, соответствующих их сущности и смысла.

Целью кодификации является создание новых консолидированных унифицированных законодательных и других нормативных актов административного права на основе общих принципов путем отбора, пересмотра, отмены устаревших и противоречивых норм, разработки норм, восполняющих пробелы в правовом регулировании общественно-управленческих отношений и направленных на развитие этих отношений в современных условиях.

Сложность решения задач кодификации обусловлена большим количеством административных норм, которые трудно собрать в единый нормативный акт. Такой же позиции придерживаются ученые Ю.Н. Стариков, Н.С. Студеникина¹, Н.В. Костенников², Е.Н. Томбулова³.

Аргументы, указывающие на существующие в российской юридической науке проблемы кодификации административного права, заключаются в значительном разнообразии административных отношений, управленческой деятельности, административно-правовых институтов по их сущности, назначению и роли в государственной и общественной жизни, в соотношении законодательного и подзаконного регулирования в административной сфере. Мобильность административного регулирования, то есть, предоставление органам исполнительной власти права свободно определять порядок своей деятельности создает предпосылки для выборочного применения административно-правовых норм, чрезмерной регламентации и невозможности установления каких-либо серьезных гарантий для граждан и организаций, необходимых в правовом государстве.

В то же время решение данного вопроса видится в комплексной кодификации административно-правовых норм, регулирующих основные группы общественных отношений: отношения, возникающие в процессе выполнения регулятивной функции государственного управления; отношения, возникающие в процессе выполнения охранной функции государственного управления; отношения, возникающие в процессе административного судопроизводства. Бо-

¹ См. подробнее: Студеникина, М.С. Возможные пути кодификации административного законодательства // Административное право: теория и практика. Укрепление государства и динамика социально-экономического развития. Материалы научной конференции (Москва, 28 ноября 2001 г.). М., 2002.

² См. подробнее: Костенников, М.В. Теоретические проблемы кодификации административного права России: Дис. д-ра юрид. наук 12.00.14 Москва, 2001. 355 с.

³ См. подробнее: Томбулова Е. Н. Проблема кодификации административного права // Наука через призму времени. 2019. № 1 (22).

лее детальная кодификация административно-правовых норм может быть осуществлена на отраслевой основе и, в частности, путем установления общих требований к различным видам административной деятельности, предусмотренных действующими актами о системе федеральных органов исполнительной власти.

Развитие общественных отношений и их трансформация приводит к изменению административно-правового статуса органов исполнительной власти, их структуры, функций и полномочий в системе органов государственной и муниципальной власти, а также ведет к совершенствованию форм участия граждан и общественных формирований в государственном управлении. Все эти изменения в государственном управлении должны найти свое отражение в процессе кодификации административного права.

Таким образом, в процессе кодификации административного права необходимо формализовать и закрепить основные изменения в сфере административно-правовых отношений в период социальных реформ.

Фактически кодифицирован только один институт действующего административного законодательства – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, объединяющий нормы материального и процессуального административного права. Но это лишь частичная кодификация.

В настоящее время ведется работа по внедрению «регуляторной гильотины». В соответствии с поручением президента, в рамках его послания Федеральному собранию и Правительству Российской Федерации от 1 января 2021 года, необходимо обеспечить отмену всех нормативных правовых актов, устанавливающих требования, подлежащие проверке при осуществлении государственного контроля (надзора), и введение новых стандартов, содержащих обновленные требования. С учетом риск-ориентированного подхода и опережающего уровня технологического развития по соответствующим направлениям (подпункт «б» пункта 3 перечня поручений Президента Российской Федерации (№ Пр-294 от 26 февраля 2019 года) по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 20 февраля 2019 года).

Основной задачей «регуляторной гильотины» является создание новой системы четких и понятных требований к субъектам хозяйствования в сферах регулирования, снятие чрезмерной административной нагрузки на субъекты хозяйствования, снижение рисков причинения вреда (вреда) охраняемым ценностям.

В рамках кодификации административно-правового законодательства, направленной на повышение эффективности деятельности органов государственной власти при разработке проектов нормативных правовых актов, а так-

же масштабного пересмотра и отмены нормативных правовых актов, негативно влияющих на общий деловой климат и нормативную среду («Регуляторная гильотина»), были приняты Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» и Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и контроле в Российской Федерации».

Изменения направлены на повышение эффективности деятельности органов государственной власти при разработке проектов нормативных правовых актов.

Та же цель преследовалась и при разработке проекта Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации». Законопроект определяет понятие, виды и формы нормативных правовых актов, принимаемых (издаваемых) в Российской Федерации, устанавливает их юридическую силу и соотношение между собой, общий порядок их подготовки, регистрации, экспертизы, принятия (опубликования) обнародования (опубликования), вступления в силу, толкования, учета и систематизации; основы реализации и мониторинга правоприменения нормативных правовых актов, порядок преодоления и устранения коллизий и пробелов в правовом регулировании, ответственность в сфере нормотворчества и реализации нормативных правовых актов. В настоящее время работа над этим актом приостановлена.

Комплексный подход к кодификации административно-правового законодательства позволяет сохранить существующий комплекс законодательных актов, но в то же время систематизировать общие принципы и нормы по видам административной деятельности, например такие, как государственное принуждение, обременительный для граждан и ограничивает их права, и государственные услуги, представляющие собой общественно значимые блага. Таким образом, если систематизация административного законодательства не может быть осуществлена путем подготовки и принятия единого кодификационного акта, что объединяет все административные отношения и административно-правовые институты, то институционализация административно-правовых норм возможно путем принятия основных федеральных законов, в том числе кодексов.

Рассмотренные теоретические проблемы, связанные с кодификацией административного права, так же как и предлагаемые пути их разрешения, не исчерпывают комплекса всех задач в этом отношении. Большая часть из этих проблем и способов их решения нами осталась не рассмотренной, в том числе и проблемы законодательного порядка закрепления и детального урегулирования форм федеральных кодификационных актов и соответствующих актов субъектов Российской Федерации.

Список использованной литературы

Костенников, М.В. Теоретические проблемы кодификации административного права России: дис. д-ра юрид. наук 12.00.14. – Москва, 2001. – 355 с.

Студеникина, М.С. Возможные пути кодификации административного законодательства // Административное право: теория и практика. Укрепление государства и динамика социально-экономического развития. Материалы научной конференции (Москва, 28 ноября 2001 г.). – М., 2002.

Томбулова Е.Н. Проблема кодификации административного права // Наука через призму времени. – 2019. – № 1 (22).

Самсонов Николай Владимирович

кандидат юридических наук,

доцент кафедры гражданского процессуального права Ростовского филиала
Российского государственного университета правосудия

Samsonov Nikolay Vladimirovich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil
Procedure Law of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice

**Проблемы соотношения Гражданского процессуального кодекса
Российской Федерации и иных федеральных законов,
содержащих процессуальные нормы**

**Problems of relationship of the Civil procedure code of the Russian Federation
and other federal laws containing procedural regulations**

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию значения ГПК РФ в регулировании гражданских процессуальных отношений, как кодекса, устанавливающего собственный приоритет. Анализируются вопросы его соотношения с иноотраслевыми федеральными законами, содержащими нормы гражданского процессуального права.

Делается вывод о приоритете ГПК РФ над остальными федеральными законами, но приоритете не безусловном, а ограниченном рамками специального предмета регулирования, а именно – общественными отношениями сфере гражданского судопроизводства в российских судах общей юрисдикции.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, гражданский процесс, источники права, формы права.

Abstract: This article is devoted to the study of the value of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation in the regulation of civil procedural relations, as a code establishing its own priority. The author analyzes the issues of its correlation with foreign federal laws containing norms of civil procedural law.

The conclusion is made about the priority of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation over other federal laws, but the priority is not unconditional, but limited by the scope of a special subject of regulation, namely, by public relations in the sphere of civil proceedings in Russian courts of general jurisdiction.

Keywords: civil procedural law, civil procedure, sources of law, forms of law.

Очевидно, что ГПК РФ занимает в системе источников гражданского процессуального права ключевую позицию, так как формально закрепляет и си-

стематизирует подавляющую часть гражданских процессуальных нормативных предписаний, в то же время гражданские процессуальные нормы зачастую содержатся в актах материального права и других иноотраслевых законах. Специальные нормы, закрепленные в таких материально-правовых актах, регулируют, по сравнению с содержащимися в ГПК РФ «нормами общими, более узкий круг общественных отношений»¹. Сужение сферы действия и конкретизация предмета регулирования, характерные для специальных процессуальных норм, содержащихся в актах материального права и иных иноотраслевых законах, дает законодателю возможность регламентировать процессуальные отношения более детально, учитывая специфику материальных отношений дел той или другой категории.

Нормы, содержащиеся в актах материального права и других иноотраслевых законах, могут как конкретизировать действие общих процессуальных норм, так и исключать их применение. Например, статья 390 Трудового Кодекса РФ говорит о праве работника перенести рассмотрение трудового спора в суд, а также устанавливает правило, согласно которому решение КТС может быть обжаловано работником или работодателем в суд в десятидневный срок со дня вручения ему копии решения комиссии.

Исходя из этих положений ТК РФ Свердловский областной суд в апелляционном определении от 26.09.2017 по делу № 33-15495/2017 пришел к выводу, что, независимо от того, кем возбуждено в суде дело – по заявлению работника или работодателя, не согласных с решением комиссии по трудовым спорам, – суд разрешает этот трудовой спор в порядке искового производства, в котором истцом является работник, а ответчиком – организация, индивидуальный предприниматель, оспаривающие его требования. Подобный вывод можно было рассматривать как условно обоснованный в период действия Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 1992 г. № 16 «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации законодательства при разрешении трудовых споров»², в п. 6 которого содержалось аналогичное разъяснение.

Однако в настоящий период подобный подход нам представляется не совместимым с принципами диспозитивности, состязательности и равноправия сторон, пронизывающими действующий ГПК РФ, тем более что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»³, действующем в настоящее время, указанное разъяснение не сохранено.

¹ Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1997. С. 6.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. 1993.

³ Российская газета. № 297. 2006.

Каким же образом следует разрешать возникающие коллизии между нормами гражданского процессуального права, содержащимися в ГПК РФ, и нормами, содержащимися в иноотраслевых законах, или выбирать подлежащую применению норму в случае конкуренции между ними? На первый взгляд положения статьи 1 ГПК РФ дают основания для вывода о приоритете норм в нём содержащихся, с другой стороны, подавляющее большинство действующих в России кодексов устанавливает свой собственный приоритет.

В результате, в юридической науке и судебной практике существуют принципиально различные подходы к проблеме соотношения норм, содержащихся в актах материального и процессуального права. Так, например, в справке Свердловского областного суда, посвященной применению процессуального законодательства, указывается «При коллизии норм материального и процессуального права подлежат применению нормы материального права»¹.

Есть и противоположная позиция, согласно которой «При решении вопроса о возможности применения норм материального или процессуального права в отношении судопроизводства по гражданскому делу стоит применять нормы материального права только в той части, в которой они не противоречат нормам процессуального права»².

Так каким же образом следует разрешать коллизии между ГПК РФ и другими федеральными законами, содержащими нормы права, регулирующие гражданские процессуальные правоотношения? Отвечая на этот вопрос, следует учитывать существование нескольких точек зрения на проблему соотношения кодифицированного и некодифицированного законодательства.

Согласно одной из них, находящей подтверждение в актах Конституционного Суда РФ, ни один федеральный закон не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой, так как Конституцией Российской Федерации не определяется и не может определяться иерархия актов внутри одного их вида, в данном случае – федеральных законов³. На наш

¹ Справка по результатам изучения практики применения районными судами Свердловской области процессуального законодательства на стадии принятия заявлений к производству" (с изм. от 25.09.2008) // подготовлена судьей Свердловского областного суда Панкратовой Н.А. 03.09.2007.

² Соловьева Т.В. Возвращение искового заявления в гражданском судопроизводстве / под ред. О.В. Исаенковой. Саратов: Издательство ГОУ ВПО Саратовская государственная академия права, 2008. 156 с.

³ По запросу Арбитражного суда города Москвы о проверке конституционности пунктов 1 и 4 части четвертой статьи 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 05.11.1999 № 182-О // Собрание законодательства РФ. 1999. № 52. ст. 6460 ; По запросу Питкярантского городского суда Республики Карелия о проверке конституционности статьи 26 Федерального закона «О несостоятельно-

взгляд, данный вывод представляется не вполне убедительным, поскольку в Конституции отсутствует адресованный законодателю запрет устанавливать приоритет того или иного нормативного правового акта, то есть такой приоритет может быть установлен, если он не противоречит Конституции.

Согласно другой точке зрения, кодексы занимают среди законов место первого среди равных и по своей юридической силе в определённой мере приравниваются к федеральным конституционным законам¹. С таким подходом также сложно согласиться. На наш взгляд, неверно уравнивать кодексы и федеральные конституционные законы, поскольку приоритет последних закреплён Конституцией Российской Федерации.

Поэтому для решения вопроса о приоритете одноуровневых актов необходимо обратиться к общим принципам права, согласно которым признаётся наличие приоритета специального закона над общим того же уровня и последующего над предыдущим («*lex specialis derogat lex generalis*» и «*lex posterior derogat priori*»). Данные правила являются универсальными, позволяющими разрешить вопрос иерархического приоритета одного закона над другим, и в подавляющем большинстве случаев их достаточно для решения такого вопроса. Однако, по нашему мнению, наличие названных правил разрешения коллизий не исключает возможность существования других правил приоритета. Так, например, Д.Х. Валеев вполне обоснованно говорит о приоритете публично-правовых правил над частноправовыми². Следовательно, теоретические препятствия для установления национальным законодательством иерархии между нормативными актами одного уровня отсутствуют.

Поэтому мы полагаем допустимым признать правильной законодательную технику, в соответствии с которой в тексте того или иного нормативного правового акта, как правило кодекса, устанавливается правило о его приоритете над остальными актами того же уровня, регулирующими ту же сферу общественных отношений, что даёт нам основания для вывода о приоритете Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации над остальными федеральными законами, но приоритете не безусловном, а ограниченном рамками

сти (банкротстве) кредитных организаций»: определение Конституционного Суда РФ от 03.02.2000 № 22-О // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1532.

¹ См.: Чушнякова Л.Д. Теоретические вопросы соотношения федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2000. С. 11; Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стер. М.: Статут, 2011. Кн. 1. С. 20; Колобова С.В. Трудовое право России: учебное пособие для вузов. М.: Юстицинформ, 2005. 288 с.

² Валеев Д.Х. Система принципов исполнительного производства // Исполнительное право. 2006. № 1. С. 6-13.

специального предмета регулирования, а именно – общественных отношений в сфере определения порядка гражданского судопроизводства в российских судах общей юрисдикции.

Список использованной литературы

Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1997. – 101 с.

Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стер. – М.: Статут, 2011. – Кн. 1. – 847 с.

Валеев Д.Х. Система принципов исполнительного производства // Исполнительное право. – 2006. – № 1. – С. 6–13.

Колобова С.В. Трудовое право России: учебное пособие для вузов. – М.: Юстицинформ, 2005. – 288 с.

Соловьева Т.В. Возвращение искового заявления в гражданском судопроизводстве / под ред. О.В. Исаенковой. – Саратов: Издательство ГОУ ВПО Саратовская государственная академия права, 2008. – 156 с.

Чушнякова Л.Д. Теоретические вопросы соотношения федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М. 2000. – 23 с.

Терехова Лидия Александровна

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского
и арбитражного процесса Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского

Terekhova Lidia Alexandrovna

Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Civil
and Arbitration Procedure Dostoevsky Omsk State University

**Дела из административных и иных публичных правоотношений
в действующих процессуальных кодексах**

**Cases from administrative and other public legal relations
in the existing procedural codes**

Аннотация: В статье рассматриваются ошибки в кодификации норм административного судопроизводства: не создано единственного кодекса, который бы регулировал рассмотрение дел, возникающих из публичных правоотношений; Кодекс административного судопроизводства не отвечает признакам «юридически и логически цельного, внутренне согласованного нормативного акта»; ошибочно высказанное предложение считать предметом административного судопроизводства как административно-правовой спор, так и административное правонарушение.

Ключевые слова: кодификация, административное судопроизводство, производство по делам об административных правонарушениях, дела из публичных правоотношений, процессуальная форма.

Abstract: The article examines the errors in the codification of the norms of administrative proceedings: there is no single code that would regulate the consideration of cases arising from public legal relations; The Code of Administrative Procedure does not meet the criteria of “legally and logically integral, internally agreed normative act”; the erroneously expressed proposal to consider both an administrative-legal dispute and an administrative offense as the subject of administrative proceedings.

Keywords: codification, administrative proceedings, proceedings on cases of administrative offenses, cases from public legal relations, procedural form.

По определению С.С. Алексеева, кодификация – «такой вид правотворчества, при котором обеспечивается единое и упорядоченное нормативное регла-

ментирование данного вида общественных отношений путем издания единого, юридически и логически цельного, внутренне согласованного нормативного акта..., выражающего юридическое своеобразие и содержание соответствующего подразделения системы права»¹. Главная особенность кодификации – упорядочение нормативного материала достигает особого, наиболее высокого вида правотворчества. Кодифицированный акт характеризуется наиболее высоким уровнем нормативных обобщений. Не по всем сферам отношений могут быть приняты кодифицированные акты². Нормативный материал не всегда настолько согласован и готов к тому виду упорядочения, который необходим для кодификации.

Сам факт принятия в 2015 году Кодекса административного судопроизводства означает попытку кодифицировать нормы о рассмотрении дел, возникающих из публичных правоотношений. Кодекс благожелательно встречен представителями науки административного права и процесса. Ю.Н. Старилов отмечает, что организация административного судопроизводства в процессуально-правовом плане в разных странах имеет особенности, но административное судопроизводство и его кодификация обусловлены сложившимися на протяжении длительного времени представлениями о значении административной юстиции и преимущественных подходах к выработке законов о порядке рассмотрения и разрешения специально учрежденными судами административных дел³.

Тем не менее, считать принятие КАС завершением кодификации процессуальных норм, устанавливающих порядок рассмотрения дел, возникающих из административных или иных публичных правоотношений, преждевременно по следующим причинам.

Во-первых, КАС не является единым и единственным кодексом, который бы регулировал рассмотрение дел, возникающих из публичных правоотношений. Помимо него действуют еще Арбитражный процессуальный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях.

В АПК имеется раздел III «Производство в арбитражном суде первой инстанции по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений», включающий Главу 22 «Особенности рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений»; и главы, посвященные отдельным категориям дел: Главу 23 об оспаривании норматив-

¹ Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций // Алексеев С.С. Собрание сочинений в 10 т. Том 3. Москва. Статут. 2010. С. 491.

² Там же. С. 494–495.

³ Старилов Ю.Н. Административное судопроизводство и КАС РФ: к прекращению дискуссии о его отраслевой принадлежности, уникальности, самостоятельности, избыточности или несостоятельности // Судебные и несудебные формы защиты гражданских прав. Сборник статей к юбилею Е.И. Носыревой. Москва. 2020. С. 106–108.

ных актов в Суде по интеллектуальным правам; Главу 24 об оспаривании ненормативных актов, действий (бездействия) публичных субъектов; Главу 25 о рассмотрении дел об административных правонарушениях; Главу 26 о рассмотрении дел о взыскании обязательных платежей и санкций.

То, что кодификация не затронула нормы АПК о порядке рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений (при том, что из ГПК соответствующие нормы были изъяты) обосновывается следующим: «Учитывая сложившиеся организационно-судоустройственные аспекты судебной системы, вряд ли кодификация законодательства об административном судопроизводстве в 2015 г. смогла бы распространиться и на арбитражный процесс»¹. Фактически указывается на наличие системы арбитражных судов как на основную причину.

Производство по рассмотрению дел об административных правонарушениях судами общей юрисдикции и арбитражными судами осуществляется по нормам КоАП, Раздел IV которого содержит процессуальные нормы.

Фактически АПК невольно выступает «промежуточным звеном» между КАС и КоАП, показывая пример совместного существования в одном кодексе норм о рассмотрении дел, возникающих из публичных правоотношений и норм о привлечении к административной ответственности.

Таким образом, если оттолкнуться от классического определения С.С. Алексеева, приведенного выше, следует признать, что единого и упорядоченного нормативного регулирования данного вида общественных отношений не получилось.

Во-вторых, принятый КАС не отвечает признакам «юридически и логически цельного, внутренне согласованного нормативного акта». Большая часть КАС дублирует нормы ГПК, и с этой точки зрения КАС не является собственно продуктом кодификации, это скорее клонирование с элементами вносимой специфики (например, мер предварительной защиты и ряда других).

Заметим, в КАС были включены, путем выделения их из ГПК, не только нормы, регулирующие производство из публичных правоотношений, но и нормы, регулирующие рассмотрение других категорий дел: о компенсациях за нарушение права на рассмотрение дела в разумный срок или на исполнение судебного акта в разумный срок (глава 22.1 ГПК), а также относимых к особому производству дел о недобровольной госпитализации в стационар психиатрической помощи (глава 35 ГПК). Подобный подход к «кодификации» не согласуется с требованием создания цельного и внутренне согласованного документа.

¹ Стариков Ю.Н. Указ. соч. С.104.

Для кодификации, как отмечено выше, требуется наиболее высокий уровень нормативных обобщений. Однако общая часть КАС создана не способом нормативных обобщений, а копированием ГПК. Действительная особенность КАС проявляется в порядке создания раздела, посвященного отдельным категориям дел. Когда эти нормы были частью ГПК, специфика их обосновывалась следующим образом: гражданская процессуальная форма универсальна, позволяет рассматривать дела любой материально-правовой основы, однако, существует и обратное влияние, при котором материально-правовая основа оказывает влияние на ту форму, в которой будет рассмотрено дело. Эти специальные правила появляются путем некоторых (небольших) изъятий или дополнений к общим правилам гражданского судопроизводства. При этом определять именно в процессуальном кодексе предмет доказывания, перечислять необходимые и относимые к делу доказательства, представляется излишним. В действующем КАС, напротив, расширяют сферу норм, посвященных отдельным категориям дел, при этом вольно или невольно в соответствующие главы попадают и нормы материального права.

И.В. Решетникова обоснованно указывает на специфику законодательной техники в КАС: перечисление основных обстоятельств, входящих в предмет доказывания, что неизбежно дублирует нормы специального законодательства. В качестве примера она называет ст.278 КАС и законодательство о психиатрической помощи. Такая техника приведет к увеличению размеров КАС и необходимости менять его нормы всякий раз, когда меняется норма материального права. Автор напоминает, что нормы о содержании предмета доказывания, презумпциях, влияющих на распределение обязанности доказывания, находятся в отраслях материального права¹.

Безусловно, споры, возникающие в публичной сфере, обладают спецификой. Однако, спецификой обладают многие дела, но попытки принять, к примеру, Семейный процессуальный кодекс или Кодекс по рассмотрению корпоративных споров, на наш взгляд, лишены смысла. Не по всем сферам отношений могут быть приняты кодифицированные акты. Все же основой процессуальной кодификации является установление единой процессуальной формы, универсальность которой позволяет рассматривать дела с различной материально-правовой основой. Если при кодификации не создается нового качества, новой процессуальной формы, не является ли такой Кодекс «увеличением сущности без необходимости», не демонстрирует ли он чрезмерность правового регулирования?

¹ Решетникова И.В. Современное процессуальное право: унификация или дифференциация? // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 32–52.

Т.В. Сахнова указывает на «процессуализацию» КАС через те изменения, которые последовали после его принятия, благодаря чему КАС возвращается «под сень цивилистической процессуальной формы». Автор приводит примеры, когда КАС оказался «в ловушке собственных амбиций», например, с гражданским иском¹.

В-третьих, у административного судопроизводства имеется существенный правозащитный аспект: это возможность «слабой стороны», частного субъекта действовать на равных с публичным субъектом, защитить свои права, нарушенные в административной, публичной сфере. Этот аспект появился не случайно и значение его огромно. Его утрата приведет к необходимости заново проходить весь тот путь, который пришлось проделать обществу и законодателю в период с 1975 г. до начала 2010-х. Ошибочным решением, в частности, будет соединение рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений с наказательной юрисдикцией (КоАП).

Некоторыми авторами, например, указывается, что предусмотренная КАС структура производств, входящих в административное судопроизводство, порождает вопрос об отнесении к данному виду судопроизводства производства по делам об административных правонарушениях; причем аргументом выступает якобы сложившаяся исторически реальность при которой суды рассматривают дела об административных правонарушениях и уголовные дела². Высказывается предложение считать предметом административного судопроизводства как административно-правовой спор, так и административное правонарушение и последовательно развивать научные исследования, основанные на этом предмете³.

В то же время, Ю.Н. Старилов правильно пишет, что правосудие по делам об административных правонарушениях невозможно приравнять к административному судопроизводству, оно находится на одном уровне с уголовным процессом. Для рассмотрения дел об административных правонарушениях созданная в КАС процессуальная форма неприменима⁴. С.В. Никитин указывает, что административная ответственность, по существу – вид уголовной ответствен-

¹ Сахнова Т.В. Процессуализация КАС РФ как зеркало процессуальной эволюции // Вестник гражданского процесса. 2018. № 4. Том 8. С. 12–13, 19, 23.

² См.: Кононов П.И. О конституционно-правовых основах понимания сущности и структуры административного процесса, административного судопроизводства и административно-процессуального законодательства в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2019. № 9. С. 9–14 // КонсультантПлюс.

³ Гречкина О.В. Развитие научных идей должно основываться на модернизации современного административного процессуального законодательства // Административное право и процесс. 2018. № 9. С. 7–10// КонсультантПлюс.

⁴ Старилов Ю.Н. Указ. соч. С. 115–117.

ности, только за менее опасные деяния. В российском законодательстве и доктрине административное правонарушение и административное наказание описываются во многом по модели уголовного преступления и наказания: состав правонарушения, форма вины, давность привлечения к ответственности и т. д.¹

Принципы и методы, близкие к уголовно-правовому методу регулирования отношений, не должны вливаться в административное судопроизводство, этим будут снижены гарантии для граждан и организаций, которые дает гражданская процессуальная форма. Они просто могут быть сведены до положения нарушителя, неравного в борьбе за свои права с административной машиной, до положения субъекта, ожидающего административного наказания, вместо равноправной стороны в споре.

И последнее. КАС был подписан 08 марта 2015 года. В соответствии с календарем – это праздничный день. Документы, подписанные датой нерабочего дня, обычно приходится переделывать.

Список использованной литературы

Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций // Алексеев С.С. Собрание сочинений в 10 т. – Том 3. – Москва. – Статут. – 2010. – 781 с.

Гречкина О.В. Развитие научных идей должно основываться на модернизации современного административного процессуального законодательства // Административное право и процесс. – 2018. – № 9. – С. 7–10.

Кононов П.И. О конституционно-правовых основах понимания сущности и структуры административного процесса, административного судопроизводства и административно-процессуального законодательства в Российской Федерации // Административное право и процесс. – 2019. – № 9. – С. 9–14.

Никитин С.В. Проблемы реформирования законодательства об административной ответственности юридических лиц в сфере экономической деятельности // Закон. – 2016. – № 3. – С. 102–108.

Решетникова И.В. Современное процессуальное право: унификация или дифференциация? // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 2. – С. 32–52.

Сахнова Т.В. Процессуализация КАС РФ как зеркало процессуальной эволюции // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 4. – Том 8. – С. 11–24.

Старилов Ю.Н. Административное судопроизводство и КАС РФ: к прекращению дискуссии о его отраслевой принадлежности, уникальности, самостоятельности, избыточности или несостоятельности // Судебные и несудебные формы защиты гражданских прав. Сборник статей к юбилею Е.И. Носыревой. – Москва. – 2020. – С. 96–124.

¹ Никитин С.В. Проблемы реформирования законодательства об административной ответственности юридических лиц в сфере экономической деятельности // Закон. 2016. № 3. С.102–108 // КонсультантПлюс.

Федосеев Александр Андреевич

аспирант Пермского государственного национального исследовательского
университета

Fedoseev Alexander Andreevich

Postgraduate student of the Perm State National Research University

**Влияние принципа информационного сотрудничества субъектов
гражданского правоотношения на распределение бремени доказывания¹**

**The influence of the principle of information cooperation of civil relation's
subjects to the burden sharing of proof**

Аннотация: Для облегчения процесса доказывания в гражданском процессе используются различные технико-юридические приемы. Одним из таких приемов является применение специализированных норм – презумпций, эффектом которых становится «сдвигание» бремени опровержения предполагаемого обстоятельства на противоположную сторону процесса. Пунктом 2 статьи 434.1 Гражданского кодекса РФ закреплена презумпция недобросовестности участника переговоров, предоставившего заведомо недостоверную или неполную информацию, опровергнуть которую ответчик может лишь доказав свою добросовестность, критерии которой в российском гражданском праве характеризуются известной долей субъективизма. Принцип информационного сотрудничества сторон гражданского правоотношения в этом случае служит инструментом объективации принципа добросовестности и укрепляет действие анализируемой презумпции.

Ключевые слова: принцип добросовестности, принцип информационного сотрудничества, принцип содействия, преддоговорные отношения, переговоры.

Abstract: To facilitate the process of proof in civil proceedings, various technical and legal methods are used. One of these techniques is the use of specialized norms – presumptions, the effect of which is to «shift» the burden of refuting the alleged circumstance to the opposite side of the process. Clause 2 of Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation enshrines the presumption of bad faith of a negotiator who provided deliberately false or incomplete information, which the defendant can refute only by proving his good faith, the criteria of which in Russian

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90007.

civil law are characterized by a certain degree of subjectivity. In this case, the principle of information cooperation between the parties to a civil legal relationship serves as an instrument for objectifying the principle of good faith and strengthens the effect of the analyzed presumption.

Keywords: the principle of good faith, the principle of information cooperation, the principle of assistance, pre-contractual relations, negotiations.

Принцип информационного сотрудничества субъектов гражданского правоотношения является одним из отраслевых принципов гражданского права. Генетически данный принцип связан с принципом взаимного содействия сторон обязательства, в содержании которого традиционно определялся информационный императив – обязанность сторон обязательства по предоставлению друг другу необходимой информации, без которой осуществление прав и исполнение обязанностей по договору невозможны¹.

Выделение принципа информационного сотрудничества из состава императивов принципа обязательственного права произошло в результате распространения действия информационного императива на отношения, не являющиеся обязательственными. Например, на организационные отношения, отличающиеся неимущественной направленностью².

Свое нормативное закрепление в качестве самостоятельного принципа гражданского права информационное сотрудничество или, как его еще именуют в литературе, принцип необходимости предоставления друг другу информации³, получил, например, в пункте 3 статьи 307 и пункте 2 статьи 434.1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)⁴.

В самом общем виде содержание принципа информационного сотрудничества субъектов гражданского правоотношения можно определить как обязанность сторон правоотношения предоставлять информацию, необходимую, по их мнению, а также по просьбе другой стороны правоотношения, такой другой стороне правоотношения.

¹ Панченко П.В. Принцип содействия сторон обязательственного правоотношения: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2018. С. 44–58.

² Кирсанов К.А. Гражданско-правовое регулирование организационных отношений: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 8.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права» / А.В. Барков, А.В. Габов, М.Н. Илюшина, Л.В. Кузнецова, В.В. Кулаков, М.А. Рожкова, Л.В. Санникова, С.Ю. Филиппова, Ю.С. Харитонов. М.: Статут, 2016. С. 16–17.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

При этом толковать содержание принципа информационного сотрудничества необходимо с учетом сущности сотрудничества, заключающейся, по справедливому замечанию С.Ф. Филипповой, в заранее несогласованном и непредполагаемом объеме действий, которые совершает субъект группы лиц с организованными правовыми целями¹.

Изложенное означает, что содержание принципа информационного сотрудничества предписывает сторонам правоотношения раскрывать друг другу информацию, необходимость в получении которой хотя бы для одной из сторон возникла в ходе существования правоотношения (не только обязательно, но и любого другого) в ситуации, когда заранее определить необходимость в раскрытии такого рода информации было невозможно.

Принцип информационного сотрудничества очень тесно связан с принципом добросовестности, одним из императивов которого является принцип содействия сторон обязательства², из которого, как было отмечено выше, был выделен рассматриваемый нами принцип информационного сотрудничества. Такая цепочка выведения принципов один за другим означает, что формулируемый нами принцип информационного сотрудничества является императивом принципа добросовестности, что в целом не противоречит теории построения системы принципов гражданского права.

Коль скоро принцип информационного сотрудничества субъектов гражданского правоотношения является частью принципа добросовестности, детализируя его и одновременно раскрывая и укрепляя его действие, проявление информационного сотрудничества можно обнаружить во взаимозависимости действия принципов гражданского права и процедуры доказывания в гражданском процессе, а именно при распределении бремени доказывания между сторонами процесса.

Одним из способов упрощения процедуры доказывания является применение специализированных норм – презумпций, то есть вероятных предположений, выполняющих системоупрощающую функцию путем необходимости их применения при условии, что не будет доказано наличие противоположного предположению³.

И.В. Решетникова отмечает, что, в отличие от общего правила распределения бремени доказывания по принципу «кто на что ссылается, тот то и доказывает», в случае с презумпциями происходит «сдвигание» бремени доказыва-

¹ Филиппова С.Ф. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М., Статут. 2011. 317 с.

² Панченко П.В. Указ. соч. С. 91.

³ Кузнецова О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: автореф. ... дис. докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 8.

ния, потому что какое-то из обстоятельств считается установленным, пока иное не будет доказано, то есть презумпция не будет опровергнута¹.

Одним из примеров применения презумпции для упрощения доказывания в гражданском и, соответственно, арбитражном процессе является закрепленная в пункте 2 статьи 434.1 ГК РФ презумпция недобросовестности участника переговоров, предоставившего своему контрагенту (второму участнику переговоров) неполную или недостоверную информацию. В этом случае, как отмечает Верховный Суд РФ в пункте 19 постановления Пленума от 24.03.2016 № 7², на ответчика возлагается обязанность по доказыванию собственной добросовестности.

При стандартном распределении бремени доказывания, в силу действия норм части 1 статьи 56 Гражданского процессуального кодекса РФ³ и части 1 статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ⁴, бремя доказывания недобросовестности ответчика возлагалось бы на истца.

Вместе с тем, любая презумпция в российском гражданском праве является опровержимой⁵. Применительно к рассматриваемому нами случаю, это означает, что ответчик по иску о взыскании убытков, причиненных вследствие недобросовестного ведения переговоров, всегда может опровергнуть презумпцию собственной недобросовестности, доказав, что при предоставлении недостоверной или неполной информации он действовал добросовестно.

Поскольку эффектом действия презумпции для процессуального права является перенос бремени доказывания отдельных обстоятельств на противоположную сторону спора, опровержение ответчиком презумпции недобросовестности в анализируемых нами преддоговорных правоотношениях влечет за собой перераспределение бремени доказывания между сторонами процесса в соответствии с общим принципом – «кто на что ссылается, тот то и доказывает».

В тексте абзаца 3 пункта 1 постановления Пленума от 23.06.2015 № 25⁶ Верховный Суд РФ предлагает следующую формулировку добросовестности

¹ Решетникова И.В. Презумпции и фикции в арбитражном процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1.

² О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) // Российская газета. 04.04.2016. № 70.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // СЗ РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

⁵ Кузнецова О.А. Указ. соч. С. 9.

⁶ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Российская газета. 30.06.2015. № 140.

участника гражданского правоотношения: «...следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе, в получении необходимой информации...».

Представляется, что формулировка «... от любого участника гражданского оборота...» свидетельствует о высокой роли субъективного фактора при определении критериев добросовестности поведения, поскольку она открывает возможность опровержения презумпции недобросовестности стороны договорного правоотношения путем доказывания того факта, что непредоставление определенной информации является обычной для участников гражданского оборота практикой, то есть такое поведение ожидается от любого участника сходных правоотношений. В таком случае суд обязан будет перераспределить бремя доказывания между участниками процесса в соответствии с вышеописанным общим правилом.

Вместе с тем, совершение определенного действия определенным образом большим количеством участников схожих отношений даже в ситуации, когда такое поведение для общества на определенном этапе развития является нормой, не может, на наш взгляд, служить критерием добросовестности, применяемым при правоприменении, поскольку умаляет регулятивную функцию права.

Чтобы такого не происходило, Пленумом Верховного Суда РФ совершенно обоснованно при толковании принципа добросовестности вводится критерий «...содействующего ей, в том числе, в получении необходимой информации...». Данное положение является проявлением принципа информационного сотрудничества сторон гражданского правоотношения, действие которого приводит к объективации критериев добросовестного поведения участников гражданского оборота. Тем самым исключается возможность опровержения презумпции недобросовестности участника переговоров, предоставившего неполную или недостоверную информацию, путем доказывания лишь субъективного критерия – того, что аналогичное поведение можно было бы ожидать от любого участника гражданского оборота.

Список использованной литературы

Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права» / А.В. Барков, А.В. Габов, М.Н. Илюшина, Л.В. Кузнецова, В.В. Кулаков, М.А. Рожкова, Л.В. Санникова, С.Ю. Филиппова, Ю.С. Харитоновна. – М.: Статут, 2016. – 621 с.

Кирсанов К.А. Гражданско-правовое регулирование организационных отношений: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – 28 с.

Кузнецова О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: автореф. ...дис. докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2007. – 44 с.

Панченко П.В. Принцип содействия сторон обязательственного правоотношения: дис. ...канд. юрид. наук. – М., 2018. – 188 с.

Решетникова И.В. Презумпции и фикции в арбитражном процессе // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. – С. 16–28.

Филиппова С.Ф. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. – М., Статут. – 2011. – 317 с.

Фомин Алексей Александрович

доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного
и административного права ФГБОУВО «Санкт-Петербургский
государственный экономический университет»

Fomin Aleksey Aleksandrovich

Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of Constitutional
and Administrative Law of the FSBEIHE «SPbSUE»

**Право на судебную защиту как конституционный принцип правосудия
(на примере гражданского процесса)¹**

**The right to judicial protection as a constitutional principle of justice
(on the example of the civil process)**

Аннотация: Процессуально-правовые принципы, среди которых базовое значение имеет право на судебную защиту, отражают специфические закономерности юстиционных охранительных правоотношений, новационные идеи процессуальной юридической доктрины и результаты развития судебной практики. Особое внимание уделяется рассмотрению конституционных и отраслевых правомочий, образующих содержание права на судебную защиту, как процессуального принципа права, и выступающих гарантиями справедливости судебного разбирательства (на примере гражданского процесса).

Ключевые слова: процессуальные принципы права, правосудие, судебная защита.

Annotation: Procedural legal principles, among which the basic value is the right to judicial protection, reflect the specific laws of judicial protection relations, innovative ideas of procedural legal doctrine and the results of the development of judicial practice. Special attention is paid to the consideration of constitutional and sectoral powers that form the content of the right to judicial protection, as a procedural principle of law, and act as guarantees of the fairness of the trial (on the example of the civil process).

Keywords: procedural principles of law, justice, judicial protection.

Достижение состояния юридической безопасности граждан и их организаций в сфере осуществления правосудия осуществляется на основе принципов

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках гранта «Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности» (проект № 19-011-00083 А).

процессуального права. В условиях продолжающейся судебной реформы¹ исследование принципов процессуального права сохраняет свою актуальность и научно-практическую значимость. Процессуальные принципы права служат критериями оценки эффективности реализуемой в стране судебной политики и дальнейшей модернизации законодательства России. Как писал Н.И. Матузов, «принципы государственно-правовых явлений ... вопрос не «проходной» и не второстепенный, а сущностный, ключевой, ... позволяющий раскрывать подлинное «кредо» изучаемых объектов»².

Содержанием процессуально-правовых принципов, в том числе и гражданского процесса, выступают общие принципы права: приоритет прав и свобод человека и гражданина, справедливость, законность, равноправие и т. д. Те или иные проявления каждого из перечисленных положений наиболее общего характера правового регулирования можно обнаружить в принципах процессуального права, отражающих специфику непосредственно судебной деятельности. Тем не менее, сущностью процессуально-правовых принципов, в отличие от общих принципов права, являются специфические закономерности юстиционных охранительных правоотношений, аккумулирующие новационные идеи процессуальной юридической доктрины и результаты развития судебной практики.

В ряду процессуально-правовых принципов особое значение имеет такой принцип, как право на судебную защиту, которому придан статус конституционного (ст. 46 Конституции РФ) и международно-правового (ст. 8 Всеобщей Декларации ООН о правах человека, ст. 6 Конвенции Совета Европы о защите прав и основных свобод человека). В государственно-правовом и международном механизме обеспечения юридической безопасности граждан судебной защите принадлежит главенствующая роль. Закрепление основ судебной защиты в Конституции (в общей сложности праву на судебную защиту и конкретизирующим его реализацию положениям посвящено около тридцати статей Основного Закона) означает приверженность российской правовой системы международным стандартам обеспечения прав человека и гражданина.

¹ Так, Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» внесены изменения и дополнения в ст. ст. 118, 119, 125, 126, 128 и др., закрепляющие конституционные основы организации и функционирования судебной власти в Российской Федерации.

² Матузов Н.И. Принципы права как объект научного исследования // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2010. С. 12.

Сущностным, базовым правомочием содержательной характеристики права на судебную защиту в качестве процессуально-правового принципа выступает гарантированная на конституционном уровне возможность беспрепятственно обратиться в суд за защитой своих нарушенных прав, свобод и законных интересов (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ). Согласно ч. 3 ст. 56 Конституции РФ право на судебную защиту относится к числу так называемых «абсолютных» прав и свобод, т. е. не подлежащих ограничению даже в условиях чрезвычайного положения. При этом право на судебную защиту нельзя сводить только к реализации одного правомочия индивида на обращение в суд.

Так, важнейшим правомочием в структуре права на судебную защиту и гарантией справедливого правосудия является право на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (ст. 47 Конституции РФ). Ряд ученых-юристов этот элемент содержательной характеристики судебной защиты образно именуют правом на «своего судью»¹. Однако в судебной практике возникают ситуации, когда изменение подсудности конкретного дела вызывается необходимостью соблюдения процессуальных прав участников процесса (например, в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 33 ГПК РФ подсудность изменяется на основании ходатайства обеих сторон о рассмотрении дела по месту нахождения большинства доказательств) и обеспечения выполнения иных требований для надлежащего осуществления правосудия, когда после отвода одного или нескольких судей либо по другим причинам замена судей или рассмотрение дела в данном суде становятся невозможными (п. 4 ч. 2 ст. 33 ГПК РФ). Например, в связи с недопустимостью повторного участия судьи в рассмотрении дела (ст. 17 ГПК РФ), с наличием обстоятельств, являющихся основаниями для отвода судьи (ст. 16 ГПК РФ).

Одним из правомочий права на судебную защиту и существенной гарантией обеспечения правовой определенности и юридической безопасности судебного процесса является право на личное участие гражданина при рассмотрении его дела в суде². Речь идет о предоставлении истцу и ответчику реальной возможности донесения до суда своей позиции о всех юридически значимых обстоятельствах дела для его справедливого разрешения.

Судебная защита реализуется путем принятия судебного акта. Процессуальное законодательство содержит ряд требований, которым должны отвечать выносимые судебные акты. Основными из них являются – законность, обосно-

¹ См., например: Щварц О.А. Право на «своего судью» // Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий / под ред. В.А. Четвернина. – М., 1997. – С. 270–271.

² См.: Терехин В.А. Право личности на судебную защиту и институт судебной защиты: содержание и соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 8. – С. 52–60.

ванность и справедливость (ст. 195 ГПК РФ). Вместе с тем некоторые авторы (в частности, С.Ф. Афанасьев, С.К. Загайнова) в числе самостоятельных правомочий права на судебную защиту выделяют получение мотивированного судебного решения¹. Данная точка зрения нашла нормативное подтверждение и получила закрепление в ст. 15 АПК РФ, согласно которой акты арбитражного суда должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Мы солидаризируемся с позицией В.А. Терехина, по мнению которого мотивированность судебного документа является составной частью его обоснованности, поэтому необходимости в выделении еще одного самостоятельного требования, предъявляемого к судебным актам, нет². Так или иначе, в качестве самостоятельного требования или в составе обоснованности, обсуждаемый компонент эффективности судебной защиты имеет существенное прикладное значение, поскольку ориентирует судей на убедительную аргументацию в мотивировочной части судебных актов принимаемых решений. К сожалению, немало судебных актов страдают дефектностью в виде излишней краткости, неполноты описания как доводов сторон, заявленных в подтверждение своих требований или возражений, так и аргументов суда в обоснование сделанных выводов. Как результат, необоснованность (отсутствие должной мотивации) становится юридическим основанием к отмене судебных решений вышестоящей судебной инстанцией.

В продолжение и развитие предыдущего тезиса, хотелось бы подчеркнуть, что не менее принципиальное значение для эффективного восстановления нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан имеет конституционное положение (ч. 3 ст. 50 Конституции РФ), устанавливающее правомочие обжаловать незаконные судебные постановления в вышестоящую судебную инстанцию с целью исправить судебную ошибку (а тем более умышленное неправоудное решение). Отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт и устранить нарушение закона умаляет и ограничивает право на судебную защиту.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007г. № 52 (в ред. от 09.02.2012г.) «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» одной из составляющих права на судебную защиту является опера-

¹ См.: Афанасьев С.Ф. Право на справедливое судебное разбирательство: общая характеристика и его реализация в российском гражданском судопроизводстве. Саратов, 2009. С. 272; Загайнова С.К. Мотивированная оценка доказательств в судебных актах арбитражного суда // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1. С. 27–31.

² См.: Терехин В.А. Суд в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека: теория и практика. М., 2013. С. 241.

тивность правосудия – рассмотрение и разрешение дела в «разумный» срок. Требование своевременности разрешения судебных дел означает необходимость соблюдения судами процессуальных сроков, установленных отраслевым законодательством. В случае нарушения разумных сроков судопроизводства или исполнения судебного акта Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ (в ред. от 19.12.2016 г.) «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» устанавливает право на денежную компенсацию за «волоконное» правосудие.

Самым проблемным элементом содержания права личности на судебную защиту в гражданском процессе является исполнение вступившего в законную силу судебного акта и восстановление нарушенных прав и законных интересов граждан. Эффективность судебной защиты во многом определяется не столько фактом вынесения качественных судебных актов (хотя, несомненно, это обязательное условие судебной защиты), сколько реальным исполнением судебных актов. Как отмечается в Постановлении Европейского Суда по правам человека от 7 мая 2002 г. «Бурдов против России», «право <на справедливое судебное разбирательство> было бы иллюзорным, если бы правовая система государства допускала, чтобы судебное решение ... оставалось бы недействующим» (пункт 34).

Россия, несмотря на все трудности переходного периода, последовательно продвигается по пути демократизации судебной системы, судоустройственного и судопроизводственного законодательства, повышения эффективности и транспарентности института судебной защиты, придания праву граждан на судебную защиту характера реального, а не просто формально декларированного принципа государственно-правовой жизни.

Список использованной литературы

Афанасьев С.Ф. Право на справедливое судебное разбирательство: общая характеристика и его реализация в российском гражданском судопроизводстве: монография. – Саратов: Научная книга, 2009. – 312 с.

Загайнова С.К. Мотивированная оценка доказательств в судебных актах арбитражного суда // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 1. – С. 27–31.

Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. – 704 с.

Терехин В.А. Суд в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека: теория и практика: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 352 с.

Терехин В.А. Право личности на судебную защиту и институт судебной защиты: содержание и соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 8. – С. 52–60.

Хисамов Азат Хамзович

кандидат юридических наук, судья Верховного Суда Республики Татарстан
доцент кафедры гражданского процессуального права Казанского филиала
ФГБУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Khislamov Azat Khamzovich

Candidate of Legal Sciences, Judge of the Supreme Court of the Republic
of Tatarstan Associate Professor of the Department of Civil Procedure Law
of the Kazan Branch of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice»

Проблемы систематизации норм о процессуальной компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов в правоприменительной практике¹

Problems of systematization of norms on the procedural competence of courts of general jurisdiction and arbitration courts in law enforcement practice

Аннотация: В статье исследуются современные тенденции систематизации норм, регулирующих компетенцию подсистем судов общей юрисдикции и арбитражных судов после принятия Федерального закона от 28.11.2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, подсудность, цифровизация, кодификация.

Abstract: The article examines modern trends in the systematization of the rules governing the competence of subsystems of courts of general jurisdiction and arbitration courts after the adoption of the Federal Law of 28.11.2018, No. 451-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation».

Keywords: civil proceedings, jurisdiction, digitalization, codification.

Подсудность представляет собой институт, регулирующий относимость определенной категории дел, подлежащих рассмотрению в судах, к компетенции конкретного суда судебной системы для рассмотрения дела по первой инстанции.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16147 мк «Электронное правосудие как фактор трансформации процессуальных отраслей права».

Актуальность исследования норм института подсудности в современном гражданском процессе обусловлена конституционным закреплением основ института подсудности в части 1 статьи 47 Конституции Российской Федерации, согласно которой гарантируется право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

При этом конституционно правовой смысл подсудности подлежит раскрытию в контексте исследования данного института как совокупности правил разграничения предметной компетенции между судами разного уровня подсистемы судов общей юрисдикции Российской Федерации, а также между разными подсистемами – судов общей юрисдикции и арбитражными судами.

Новый организационный этап функционирования судебной системы с августа 2014 года – начала функционирования Верховного Суда Российской Федерации стал предпосылкой процессуального сближения правоприменительных процедур между гражданским и арбитражным судопроизводством при сохраняющейся специфике разрешения споров, вытекающих из экономических правоотношений. Системно указанное сближение нашло свое оформление с принятием Федерального закона от 28.11.2018 года № 451 ФЗ (в ред. от 26.07.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступившего в силу со дня начала деятельности кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции.

Принятым законом внесены изменения и дополнения в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации путем исключения термина «подведомственность» для разграничения предметов ведения между судами общей юрисдикции и арбитражными судами с трансформацией его в понятие «подсудность»¹. Одновременно закон предусматривает новое процессуальное решение, которое принимает судья при принятии искового заявления к производству в случае его несоответствия компетенции суда общей юрисдикции. В этом случае такое исковое заявление подлежит возвращению заявителю с разъяснением необходимости обращения за разрешением спора в соответствующий арбитражный суд. Если вывод об отсутствии компетенции у суда общей юрисдикции, рассматривающего спор, возник в ходе производства по делу, суд выносит определение о передаче дела по подсудности в арбитражный суд того субъекта, к компетенции которого оно отнесено в соответствии с требованиями. Разъяснения по вопросам применения процессуальных норм о подсудности дел неоднократно давались Верховным Судом Российской Федерации в постановлениях Пленума, тематических и периодических обзорах судебной

¹ Смагина Е.С. Завершена ли «процессуальная революция»? // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С.113–123.

практики, правовые позиции по ним высказывались в судебных актах по конкретным делам, вынесенных судебной коллегией по гражданским делам.

Изложенные в них разъяснения сохраняют актуальность, но требуют уточнений с учетом изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, внесенных указанным выше законом.

Как показывает практика, суды при рассмотрении дел продолжают допускать ошибки в применении норм института подсудности, что диктует необходимость систематизации и актуализации некоторых подходов по вопросам подсудности¹.

Проблемы разграничения предметной компетенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами обусловлены тем, что суды общей юрисдикции и арбитражные суды при разрешении споров применяют одно и то же материальное законодательство, выполняют общую задачу защиты прав заинтересованных лиц, используют одни и те же способы защиты гражданских прав, предусмотренные статьей 12 Гражданского кодекса Российской Федерации.

По общему правилу процессуальное законодательство разграничивает предметную компетенцию судов общей юрисдикции и арбитражных судов по критериям субъектного состава процесса и участия в предпринимательской или иной экономической деятельности. предпринимательской деятельности без образования юридического лица². В целях обеспечения правильного разграничения дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами следует руководствоваться разъяснениями, содержащимися в совместном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 18.08.1992 года № 12/12 «О некоторых вопросах подведомственности дел судам и арбитражным судам». Согласно пункту 1 указанного постановления предпринимательской признается инициативная самостоятельная деятельность граждан и их объединений, направленная на получение прибыли или иного дохода, осуществляемая на свой риск и под имущественную ответственность. В силу абзаца первого пункта 3 постановления гражданские дела подлежат рассмотрению в суде, если хотя бы одной из сторон является гражданин, не имеющий статуса предпринимателя, либо в случае, когда гражданин имеет такой статус, но дело возникло не в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности или объединение граждан, не являющееся юридическим лицом, либо орган местного самоуправления, не

¹ Бекашева Д.И. Отказ законодателя от термина «подведомственность», или Уязвимые правила «новой» подсудности: что дальше? // Вестник гражданского процесса. 2019. № 3. С. 126–143.

² Юдин А.В. Интерпретация критерия субъектного состава гражданско-правового спора для целей определения подведомственности дела суду общей юрисдикции (по материалам практики ВС РФ) // Вестник гражданского процесса. 2012. № 4. С. 269–287.

имеющий статуса юридического лица. Как разъяснено в пункте 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 1.07.1996 года № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», гражданин, занимающийся предпринимательской деятельностью, но не прошедший государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя, не приобретает в связи с занятием этой деятельностью статуса предпринимателя, споры с участием таких лиц, в том числе связанные с осуществлением ими предпринимательской деятельности, подведомственны суду общей юрисдикции. С момента прекращения действия государственной регистрации гражданина в качестве индивидуального предпринимателя, в частности в связи с истечением срока действия свидетельства о государственной регистрации, аннулированием государственной регистрации и т. п., дела с участием указанных граждан, в том числе и связанные с осуществлявшейся ими ранее предпринимательской деятельностью, подведомственны судам общей юрисдикции, за исключением случаев, когда такие дела были приняты к производству арбитражным судом с соблюдением правил о подведомственности до наступления указанных выше обстоятельств.

В связи с изложенным, необходимо учитывать следующий системный подход к разрешению споров отдельных категорий.

Во-первых, в соответствии с абзацем пятым статьи 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, введенным Федеральным законом от 28.06.2014 года № 186 ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации», прокурор вправе обратиться в арбитражный суд с иском об истребовании государственного и муниципального имущества из чужого незаконного владения.

С учетом положений указанной процессуальной нормы заявление прокурора в интересах публично правового образования к коммерческой организации об истребовании государственного или муниципального имущества из чужого незаконного владения относится к компетенции арбитражного суда. Аналогичным образом определяется подсудность заявления прокурора в интересах публично правового образования к индивидуальному предпринимателю о vindикации имущества, при условии, что указанное имущество находится в его владении в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности. При этом Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 03.07.2018 года по делу № 77-КГ18-7 высказался относительно подсудности спора по заявлению прокурора в интересах муниципального образования к коммерческой организации о взыскании задолженности по арендной плате, указав, что такой экономический спор подлежит рассмотрению арбитражным судом независимо от того, что с заявлением в интересах муниципального образования обращается прокурор.

Во-вторых, для отнесения спора к компетенции арбитражного суда необходимо не только наличие у гражданина статуса индивидуального предпринимателя, но и то, чтобы дело возникло в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности в этом статусе. В частности, по спорам, вытекающим из полномочий собственника индивидуального предпринимателя по владению, пользованию и распоряжению имуществом, следует учитывать, что в силу статьи 209 Гражданского кодекса Российской Федерации собственник по своему усмотрению определяет порядок использования имущества, в связи с чем юридически значимым обстоятельством для разграничения предметной компетенции иска является приобретение имущества исключительно для целей осуществления предпринимательской деятельности и последующее его использование в указанных целях. Так, иск физического лица, хотя и имеющего статус индивидуального предпринимателя, о признании права собственности на объект недвижимости коммерческого назначения, либо об оспаривании сделок с такой недвижимостью, об истребовании имущества из чужого незаконного владения рассматривается судом общей юрисдикции, если договор купли-продажи недвижимого имущества заключался им как физическим лицом без указания статуса индивидуального предпринимателя, поскольку с учетом пункта 2 статьи 212, статьи 218 Гражданского кодекса Российской Федерации установленное гражданским законодательством право гражданина иметь в собственности имущество не обусловлено наличием или отсутствием у него статуса индивидуального предпринимателя. При регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним в силу положений статьи Федерального закона от 13 июля 2015 года № 218 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» предприниматель без образования юридического лица вступает в правоотношения, регулируемые указанным Законом, как физическое лицо в общеустановленном порядке независимо от наличия у него статуса индивидуального предпринимателя. Таким образом, наличие у гражданина статуса индивидуального предпринимателя при отсутствии данных, свидетельствующих о том, что спорный объект недвижимости используется или будет использован для целей предпринимательской деятельности, само по себе не является препятствием для рассмотрения спора судом общей юрисдикции (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.07.2018 года № 53-КГ18-15, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.08.2017 года № 11-КГ17-17).

Приведенные примеры, лишь часть из тех правоприменительных казусов, с которыми в настоящее время продолжают сталкиваться суды двух подсистем судебной системы Российской Федерации.

При этом следует отметить, что в настоящее время системно разрешен вопрос о последствиях предъявления требований с нарушением правил подсудности. Так в настоящее время в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации действует правило, в соответствии с которым суд общей юрисдикции, ошибочно принявший к производству дело, не относящееся к его компетенции, направляет дело для рассмотрения в соответствующий арбитражный суд часть 2.1 статьи 33 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Если же отсутствие компетенции суда на рассмотрение дела выявлено на стадии принятия заявления, заявление возвращается лицу в связи с неподсудностью пункт 2 части 1 статьи 136 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации). При этом сохранен существовавший в прежней редакции Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации приоритет компетенции суда общей юрисдикции рассмотреть гражданско-правовой спор, содержащий несколько заявленных суду требований, одно из которых относится к компетенции арбитражного суда, но отсутствует возможность выделить его в отдельное производство (часть 4 статьи 22 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации). На стадии принятия к производству искового заявления судьям следует рекомендовать при наличии сомнений в компетенции суда по разрешению заявленного спора принимать его к производству суда и вопрос о передаче по подсудности в арбитражный суд разрешать с учетом мнения сторон и оценки добросовестности их процессуального поведения. Если в ходе выяснения процессуально правовой позиции сторон по вопросу передачи дела по подсудности в арбитражный суд будет установлена недобросовестность лиц участвующих деле, направленная на искусственное изменение подсудности спора, суду надлежит разрешить вопрос без учета мнения стороны, злоупотребляющей правом. Вместе с тем в случае установления в суде первой инстанции факта ошибочного принятия заявления, рассмотрение которого отнесено к компетенции арбитражного суда, дело подлежит безусловной передаче в соответствующий арбитражный суд, поскольку нарушается конституционный принцип, закрепленный в пункте 1 статьи 47 Конституции Российской Федерации: никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Подводя итог изложенному выше, следует отметить, что законодатель с осени 2019 года существенно сблизил правоприменительные позиции судов общей юрисдикции и арбитражных судов в части разграничения их предметной компетенции в целях обеспечения беспрепятственной реализации права на судебную защиту, что является несомненно позитивным вектором общей систематизации процессуальных институтов, действующих в гражданском и арбитражном процессе. Вместе с тем направления такой систематизации далеко еще не исчерпаны.

Список использованной литературы

Бекашева Д.И. Отказ законодателя от термина «подведомственность», или Уязвимые правила «новой» подсудности: что дальше? // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 3. – С. 126–143.

Смагина Е.С. Завершена ли «процессуальная революция»? // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 4. – С. 113–123.

Юдин А.В. Интерпретация критерия субъектного состава гражданско-правового спора для целей определения подведомственности дела суду общей юрисдикции (по материалам практики ВС РФ) // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 4. – С. 269–287.

Чекмарева Анастасия Валериевна

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Chekmareva Anastasia Valerievna

Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of Civil Procedure
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Saratov State Law Academy»

**Целевые установки гражданского судопроизводства в контексте
кодификации цивилистического процессуального законодательства**

**Target achievements of civil proceedings in the context of codification
of civil procedural legislation**

Аннотация: Рассматриваются проблемы определения цели и задач гражданского судопроизводства, влияния их достижения и реализации на эффективность судебной защиты. На основе исследования зарубежного опыта делается вывод о необходимости выделения социальной функции правосудия, как важной составляющей целей гражданского, арбитражного, административного судопроизводства. Во многом этому должна способствовать задача примирения, нашедшая отражение в цивилистических процессуальных кодексах.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, цели и задачи гражданского судопроизводства, цивилистический процесс, примирительные процедуры, судебное примирение.

Abstract: The problems of determining the goals and objectives of civil proceedings, the impact of their achievement and implementation on the effectiveness of judicial protection are considered. Based on the study of foreign experience, it is concluded that it is necessary to highlight the social function of justice as an important component of the goals of civil, arbitration, and administrative proceedings. In many ways, this should be facilitated by the task of reconciliation, which is reflected in the civil procedural codes.

Keywords: civil proceedings, goals and objectives of civil proceedings, civil procedure, conciliation procedures, judicial conciliation.

Проблематика научного осмысления целей и задач гражданского судопроизводства в последнее время вызывает все больший интерес исследовате-

лей¹. Данная ситуация обусловлена принятием концептуальных основ единого кодифицированного акта, реформированием системы судов общей юрисдикции, и в целом, модернизацией цивилистического процессуального законодательства. В этих условиях все большую актуальность приобретает выяснение вопроса о современной роли судопроизводства, действительности судебной защиты, социального предназначения судебной деятельности, условиях достижения и повышения эффективности правосудия.

Особый вклад в рассматриваемую проблематику внес Г.А. Жилин, обративший внимание, прежде всего, на социальное предназначение правосудия. Особая роль в его исследовании отводится анализу противоречий в понимании целей и задач судопроизводства, как в законодательстве, так и в научной литературе. Ученый приходит к выводу, что «в законотворческой деятельности не придается должного значения необходимости правильного определения задач и целей правосудия. Соответствующие законопроекты готовятся разными рабочими группами со своими, нередко противоречивыми, взглядами на соотношение целевых установок разного уровня при осуществлении судопроизводства»². Г.А. Жилин пришел к выводу о необходимости объединения целей и задач гражданского судопроизводства в понятие «целевые установки». При этом под задачей автор понимает частную промежуточную цель и нормативно закрепленное средство достижения более отдаленных целей, а под целью – обще-

¹ См.: Некрошус В. Цель гражданского процесса: установление правды или примирение сторон? // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса / под ред. В.В. Яркова. 2005. № 4; Курочкин С.А. Реализация целей гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах Российской Федерации // Государство и право. 2016. № 8; Шеменева О.Н. Цели гражданского судопроизводства в работах дореволюционных ученых // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3; Поспелов Б.И. Цели и задачи гражданского судопроизводства: теоретические проблемы правоприменения // Российская юстиция. 2014. № 4. Исаенкова О.В. Целевые установки неисковых производств в гражданском процессе // Закон. 2008. № 7; Некрасов С.Ю., Калиновская Д.С. Объективная истина и справедливое судебное разбирательство как цели и задачи гражданского судопроизводства // Администратор суда. 2020. № 2; Зайчиков Я.В. Достижение цели гражданского судопроизводства в условиях пандемии // Перспективы развития гражданского процессуального права: сборник по материалам IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА (г. Саратов, 3 октября 2020 г.) / под ред. О.В. Исаенковой. Саратов, 2020. Ярков В.В. Цели правосудия и доступ к правосудию // Проблема доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. И.А. Приходько. М., 2001. С. 81.

² Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М., 2010. С. 36–47.

ственно необходимый и желаемый результат процессуальной деятельности в целом или на отдельных ее этапах¹.

Поскольку данные противоречия не изжиты, а вопрос о целях и задачах судопроизводства на стадиях гражданского процесса продолжает оставаться актуальным и малоизученным, постараемся изложить свое видение этой проблемы, сосредоточив первостепенное внимание на конституционности целей, уточнении дефиниций «цели и задачи», роли суда в достижении как основной, так и промежуточных целей, конкретизации целей каждой отдельной стадии судопроизводства. В качестве методологической основы осмысления цели гражданского судопроизводства может служить гл. 2 Конституции РФ, закрепившая главную цель деятельности всех государственных структур, в том числе и суда, в реализации основных прав и свобод человека. В ст. 18 отмечается, что «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием»². Конституционная цель защиты прав и свобод вполне солидаризируется со ст. 6 Конвенции о защите прав человека и его основных свобод.

Определяя общую цель правосудия, Конституция РФ позволяет в законодательном порядке определять конечные и промежуточные цели правосудия применительно к конкретным отраслям права. Для анализа целей и задач на каждой конкретной стадии предполагается гипотеза о том, что общая цель – защита прав человека будет оставаться неизменной, а промежуточные цели и соответствующие им задачи будут меняться.

Поскольку любая цель – это, прежде всего объективное отражение реальности, под целью необходимо подразумевать стратегическую направленность действий на конечный результат. Цель гражданского судопроизводства – защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Цель производства в суде первой инстанции – правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дела. Под задачами следует понимать совокупность мер, средств, способствующих достижению конечной цели, а также промежуточных целей. Полагаем, что можно

¹См.: Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2000.

²Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

говорить о соотношении общей (конечной) цели гражданского судопроизводства и промежуточной, присущей каждой отдельной стадии. Разумеется, промежуточные цели требуют установления специфических задач, позволяющих достигнуть желаемого результата.

Проблематика целей гражданского судопроизводства имеет не только национальную, но и международную значимость. Безусловно, определение цели гражданского судопроизводства в различных правовых системах зависит от многих факторов, таких как: политические, экономические, социальные, культурологические особенности общества. В широком смысле можно обозначить две основные направленности целевых установок¹:

- разрешение индивидуальных споров системой государственных судов;
- реализация социальных целей, функций и стратегии.

Такие различия в определении цели судопроизводства Д.Я. Малешин объясняет социокультурными особенностями конкретного общества, а именно различием гражданских процессуальных систем коллективистских и индивидуалистских обществ. Разрешение спора в коллективистских обществах осуществляется только в соответствии с общественными интересами, в связи с чем, целью гражданского судопроизводства является не только разрешение споров, но и защита общественных интересов. Приоритет частных интересов в индивидуалистских обществах объясняет целевую установку исключительно на разрешение спора и защиту прав сторон².

Освещению цели гражданского судопроизводства различных гражданских процессуальных систем была посвящена секция ежегодной конференции Международной ассоциации процессуального права в 2012 г. (г. Москва), собравшей процессуалистов из 40 стран мира. В большинстве представленных докладов освещены системы гражданского судопроизводства, в которых обозначены в качестве целей урегулирование конфликта и социальное предназначение. В некоторых докладах отмечалась функция гражданского судопроизводства с позиции правопорядка: «гражданское судопроизводство защищает правопорядок в целом» (Венгрия), «цель состоит в поддержке общественного строя» (Китай), «правопорядок устанавливается через гражданские процессы» (Австрия)³. Другая важная составляющая цели гражданского судопроизводства,

¹ Узелач А. Цели гражданского судопроизводства. Основной доклад // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: Евразийский контекст: Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права, 18–21 сентября 2012 г., Москва, Россия: сборник докладов / под ред. д.ю.н. Д.Я. Малешина; Международная ассоциация процессуального права. М.: Статут, 2012. С. 143.

² Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. М., 2011. С. 123.

³ Узелач А. Указ. соч. С. 147.

основывающаяся на идеологии Франца Кляйна¹ – социальная, заключающаяся в том, что гражданское судопроизводство должно способствовать социальной справедливости, приблизить правосудие к потребностям общества, и в целом способствовать социальной гармонии. В этой связи особое значение имеет вопрос, является ли отправление правосудия деятельностью по нахождению верных решений проблем, лежащих в основе споров, или же главная цель состоит в эффективном разрешении дела? Является ли примирение сторон и разрешение дела – взаимоисключающими целями гражданского судопроизводства? По австрийскому и немецкому праву цель может пониматься, как с позиции сторон, так и с точки зрения общества. Гражданское судопроизводство служит разрешению «социальных конфликтов», и в связи с этим выполняет задачу поддержания общественного благосостояния. При этом примирение сторон не преобладает над целью гражданского процесса как можно быстрее разрешить дело². Основной целью системы гражданского правосудия Нидерландов является вынесение авторитетных, обеспеченных правовой санкцией решений в разумные сроки. Судебное разбирательство рассматривается как *ultimum remedium* и должно быть инициировано только когда все другие возможности примирения уже исчерпаны³. Таким образом, две основные обозначенные зарубежными исследователями цели почти никогда не отделяются друг от друга, но соотношение между ними может меняться в зависимости от социальных, политических, национальных особенностей. Стоит согласиться с доводом о том, что наилучшим решением являлось бы равновесие между этими целями⁴. Данный подход вполне применим и для России.

В настоящее время примирение сторон нашло свое закрепление в цивилистических процессуальных кодексах в числе задач гражданского, арбитражного и административного судопроизводства⁵. Модернизация правовой систе-

¹ Klein, Engel, *Der Zivilprozess Oesterreichs*, 1927.

² Коллер К. Австрийский национальный доклад, включающий дополнительную информацию о Германии // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: Евразийский контекст. Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права, 18–21 сентября 2012 г. Москва. Россия: сборник докладов / под ред. д.ю.н. Д.Я. Малешина; Международная ассоциация процессуального права. – М.: Статут, 2012. С. 188.

³ Ремко ванн Ре. Нидерландский национальный доклад с дополнительными сведениями по Бельгии и Франции // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: Евразийский контекст. Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права, 18–21 сентября 2012 г. Москва. Россия: сборник докладов / под ред. д.ю.н. Д.Я. Малешина; Международная ассоциация процессуального права. М.: Статут, 2012. С. 188. С. 239, 248.

⁴ Узелач А. Указ. соч. С. 164.

⁵ Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

мы и трансформация средств достижения цели цивилистического процесса требует развития механизмов убеждения, примирения сторон и отхода от методов принуждения, в результате чего примирение должно стать более приемлемым, чем принятие судебного решения. Примирение следует признать обязательным элементом осуществления правосудия демократически ориентированного общества. Основы правовой регламентации примирительных процедур были заложены в Концепции единого ГПК РФ и нашли свое отражение в результате проводимой в 2019 г. модернизации процессуального законодательства. Безусловно, ежегодный рост количества рассматриваемых судами гражданских дел и низкий процент дел, завершающихся мировым соглашением, диктует необходимость совершенствования законодательства в части развития примирительных процедур. Так, например, в 2019 году по первой инстанции судами рассмотрены 19,6 млн. гражданских дел – на 2,3 млн. больше, чем в 2018 г.¹ При этом мировыми соглашениями заканчивается менее 2 % арбитражных, 0,5 % гражданских и до 0,01 % административных дел². Использование сторонами процедуры медиации продолжает оставаться на низком уровне вследствие ее дороговизны. Так, в 2019 г. процедура медиации применялась в 1,2 тыс. гражданских дел и всего в 11 делах по экономическим спорам³.

Поиск путей развития альтернативных способов урегулирования споров продолжается на протяжении длительного времени, как в научной литературе, так и в рамках законопроектной деятельности⁴. Следует признать целесообразным введение в цивилистический процесс судебного примирения, как одного из видов примирительных процедур, являющегося бесплатным для сторон. Как отмечает секретарь Пленума Верховного Суда РФ В. Момотов, судебные примирители выгодны и государству, и судам. Если один день работы суда, рас-

¹ Лебедев В.М. О подведении итогов работы судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2019 год и обсуждение задач на 2020 год. 11 февраля 2020 г. / URL: <https://www.iuaj.net/node/2808> (дата обращения 09.10.2020)

² Как истец с ответчиком будут мириться: инструкции от Пленума Верховного суда // Право ру. URL: <https://pravo.ru/story/215731> (дата обращения 09.10.2020).

³ Лебедев В.М. О подведении итогов работы судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2019 год и обсуждение задач на 2020 год. 11 февраля 2020 г. / URL: <https://www.iuaj.net/node/2808> (дата обращения 09.10.2020)

⁴ См. Чекмарева А.В. Внедрение медиации в гражданское судопроизводство: от теоретической концепции к реальной практике (по итогам II международной научно-практической конференции «Практика медиации в России: проблемы, трудности, решения» // Третейский суд. 2014. №1 (94). С. 183; Законопроект № 290871-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования медиативной практики» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/290871-7> (дата обращения 09.10.2020).

смаатривающего дело по существу, стоит 70–80 тыс. рублей, то работа судебного примирителя обойдется дешевле, даже если он будет получать вдвое больше адвоката по назначению – 7–8 тыс. рублей в день¹.

В соответствии с Регламентом судебного примирения процедура проводится в целях достижения сторонами взаимоприемлемого результата и урегулирования конфликта с учетом интересов сторон. К задачам судебного примирения относятся: соотнесение и сближение позиций сторон по делу, выявление дополнительных возможностей для урегулирования спора с учетом интересов сторон, оказания им содействия в достижении результата примирения². В Концепции единого ГПК РФ предлагались в качестве судебных примирителей помощники судей, работники аппарата суда, имеющие высшее юридическое образование. Однако законодатель доверил процедуру судебного примирения только судьям в отставке, с учетом опыта их работы в качестве судьи, опыта научной деятельности, специализации, проживания кандидата, деятельности, осуществлявшейся судьей в отставке с момента ухода в отставку, и ее соответствия законодательству о статусе судей и кодексу судейской этики. Не умаляя высокий статус судей в отставке, тем не менее, полагаем, что отсутствие навыков примирения и предшествующая судебная деятельность, связанная с реализацией властных полномочий от имени государства, могут затруднить осуществление рассматриваемой процедуры. В связи с этим, считаем не лишним обучение судебных примирителей медиативным техникам урегулирования споров.

В целом анализ научных достижений, судебной практики и гражданского процессуального законодательства позволяет сделать следующие выводы.

1. В современных условиях эффективность судебной защиты напрямую зависит от реализации целевых установок гражданского судопроизводства.

2. Наблюдается сближение основанных на конституционных положениях общих целей правосудия и целевых установок гражданского, арбитражного и административного судопроизводства.

3. Зарубежный опыт свидетельствует о том, что наряду с эффективным разрешением споров важной составляющей цели гражданского судопроизводства становится социальная функция, без которой, на наш взгляд, не может обойтись и отечественное правосудие. Во многом этому должно способствовать законодательное закрепление примирения в числе задач гражданского, арбитражного и административного судопроизводства.

¹ Верховный суд России утвердил список из 342 примирителей в судах / URL: <https://tass.ru/obschestvo/7622057> (дата обращения 09.10.2020).

² Постановление Пленума Верховного суда РФ № 41 от 31 октября 2019 г. «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // СПС «КонсультантПлюс»

Список использованной литературы

Klein, Engel, Der Zivilprozess Oesterreichs, 1927.

Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. – М., 2010.

Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора юридических наук. – М., 2000.

Коллер К. Австрийский национальный доклад, включающий дополнительную информацию о Германии // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: Евразийский контекст. Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права, 18–21 сентября 2012 г. Москва, Россия: сборник докладов / под ред. д.ю.н. Д.Я. Малешина; Международная ассоциация процессуального права. – М.: Статут, 2012.

Лебедев В.М. О подведении итогов работы судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2019 год и обсуждение задач на 2020 год. 11 февраля 2020 г. / URL: <https://www.iaaj.net/node/2808> (дата обращения 09.10.2020).

Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. – М., 2011.

Постановление Пленума Верховного суда РФ № 41 от 31 октября 2019 г. «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // СПС «КонсультантПлюс».

Ремко ванн Ре. Нидерландский национальный доклад с дополнительными сведениями по Бельгии и Франции // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: Евразийский контекст. Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права, 18–21 сентября 2012 г. Россия: сборник докладов / под ред. д.ю.н. Д.Я. Малешина; Международная ассоциация процессуального права. – М.: Статут, 2012.

Узелач А. Цели гражданского судопроизводства. Основной доклад. // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: Евразийский контекст: Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права, 18–21 сентября 2012 г., Москва, Россия: сборник докладов / под ред. д.ю.н. Д.Я. Малешина; Международная ассоциация процессуального права. – М.: Статут, 2012.

Чепарина Ольга Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского
и энергетического права Казанского федерального университета

Cheparina Olga Alexandrovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Business
and Energy Law, Kazan Federal University

**Презумпция добросовестности и разумности: межотраслевые связи
корпоративного права и арбитражно-процессуального права**

**The presumption of good faith and reasonableness: intersectoral links
between corporate law and arbitration procedural law**

Аннотация: В статье анализируется содержание категорий «добросовестность участников гражданских правоотношений» и «разумность действий участников гражданских правоотношений» как оснований гражданско-правовой ответственности и как элементов гражданско-правовой презумпции. В ходе исследования на примере действия указанной презумпции в отношении гражданско-правовой ответственности лиц, входящих в состав органов юридического лица, оснований такой ответственности рассматриваются межотраслевые связи корпоративного права и арбитражно-процессуального права.

Ключевые слова: корпоративные отношения, добросовестность участников гражданских правоотношений, разумность действий участников гражданских правоотношений, презумпции в гражданском праве, межотраслевые связи гражданского процесса.

Abstract: The article analyzes the content of the categories “conscientiousness of participants in civil legal relations” and “reasonableness of actions of participants in civil legal relations” as grounds for civil liability and as elements of civil law presumption. In the course of the study, using the example of the effect of this presumption in relation to the civil liability of persons who are members of the bodies of a legal entity, the grounds for such liability, the author examines the intersectoral links between corporate law and arbitration law.

Keywords: corporate relations, conscientiousness of participants in civil legal relations, reasonableness of actions of participants in civil legal relations, presumptions in civil law, intersectoral relations of civil procedure.

Взаимосвязь корпоративного права с одной стороны, и арбитражно-процессуального права, с другой, явилась предметом исследования Чельшева

Михаила Юрьевича, который анализировал такое межотраслевое взаимодействие на примере института реорганизации юридического лица¹. Нам хотелось бы продолжить тему, начатую в исследованиях профессора М.Ю. Чельшева, и рассмотреть межотраслевые связи корпоративного и арбитражно-процессуального права на примере проявления презумпции добросовестности и разумности в гражданском праве.

Прежде чем приступить непосредственно к исследованию заданной проблематики, хотелось бы остановиться на понимании сущности корпоративного права. Определение корпоративных отношений закреплено в ст. 2 ГК РФ: это отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими. При внесении изменений в положения ГК РФ о корпоративных отношениях законодатель отступил от принципов, заданных Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации², где в качестве таковых предлагалось рассматривать отношения, связанные исключительно с участием в корпоративных организациях. Определение, представленное в ГК РФ, усложнило понимание корпоративных отношений, включило в круг его субъектов помимо корпорации и ее участников (членов), также органы корпорации и третьих лиц, которым законом предоставлено право участвовать в управлении корпорацией. На этом фоне встает вопрос о единых гражданско-правовых началах корпоративного права, поскольку отношения, связанные с управлением юридическим лицом, так или иначе формируются во всех юридических лицах, независимо от их деления на корпорации и унитарные организации. Указанная проблематика стала предметом исследования целого ряда ученых³, в том числе М.Ю. Чельшева, который рассматривал корпоративное право как подотрасль гражданского права, включающую совокупность норм, посвященных юридическим лицам. Ученый отмечал, что в рамках предмета гражданского права корпоративное право имеет свой собственный предмет, особенности метода, принципов, свои юридические процедуры. Наконец, оно имеет собственную внутреннюю структуру: общую часть – нормы, применяемые в отношении всех юридических лиц, сосредоточенные в части первой ГК РФ, систему специальных правовых институтов, включающие совокупности норм об отдельных юридических лицах. Таким образом, определение корпора-

¹ Чельшев М.Ю. О межотраслевых связях корпоративного права // Вестник экономики, права и социологии. 2010. № 3. С. 64–73.

² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 2009 г., № 11.

³ Н.В. Козлова. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут. 476 с.

тивного права в понимании М.Ю. Чельшева расходится с позицией законодателя, однако имеет под собой весомые научные основания.

Таким образом, опираясь на смысл определения корпоративных отношений, изложенного в ст. 2 ГК РФ, институт ответственности лиц, входящих в состав органов юридического лица, мы рассматриваем как правовую основу управления корпорацией (юридическим лицом), и, соответственно, как предмет корпоративного права.

Тема добросовестности и разумности в действиях участников гражданских правоотношений приобретает особую актуальность в условиях распространения в мире пандемии коронавируса, которая коренным образом изменила ситуацию в мировом бизнес-сообществе и потребовала от государств принятия решительных мер в целях поддержки бизнеса. В этих условиях остро встают вопросы ответственности лиц, входящих в состав органов юридического лица, за причиненные юридическому лицу убытки.

В соответствии с п. 3 ст. 53 ГК РФ лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. В соответствии с п. 1 ст. 53.1 ГК РФ 1. лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, обязано возместить по требованию юридического лица, его учредителей (участников), выступающих в интересах юридического лица, убытки, причиненные по его вине юридическому лицу. Лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, несет ответственность, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей оно действовало недобросовестно или неразумно, в том числе если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску. Наиболее распространённым примером подобного корпоративного спора является спор, инициированный участниками корпорации, действующими в интересах и от имени корпорации, в отношении руководителя (бывшего руководителя) корпорации, по поводу взыскания убытков, причиненных корпорации действиями руководителя (бывшего руководителя).

Анализ положений статей 53 и 53.1 ГК РФ позволяет обобщить основания ответственности лица, уполномоченного выступать от его имени, к числу которых относятся и лица, входящие в состав органов юридического лица – это:

- 1) факт причинения юридическому лицу убытков,
- 2) недобросовестность или неразумность в действиях лица, входящего в состав органов юридического лица,

3) причинная связь между недобросовестными или неразумными действиями такого лица и причинением юридическому лицу убытков.

Свое развитие указанные положения ГК РФ нашли в судебной практике (Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 года № 62¹).

Хотя в гражданском законодательстве не представлено определений категорий добросовестности и разумности действий участников гражданских правоотношений, анализ содержания вышеизложенных положений гражданского законодательства и судебной практики позволяют нам сделать вывод, что добросовестность и разумность в действиях лица, входящего в состав органа юридического лица (далее – руководитель юридического лица), имеет место, когда такие действия:

1) соответствуют обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску;

2) соответствуют целям деятельности юридического лица, в том числе положениям учредительных документов и решениям органов юридического лица (например, об определении приоритетных направлений его деятельности, об утверждении стратегий и бизнес-планов и т. п.).

В корпоративном судебном споре по привлечению к ответственности руководителя юридического лица, встает необходимость доказывания вышеуказанных фактов.

Обязанности сторон в ходе рассмотрения судебного спора о привлечении к ответственности руководителя предопределяются действующей в гражданском праве презумпцией добросовестности и разумности действий участников гражданских правоотношений. В соответствии с п. 5 ст. 10 ГК РФ в гражданских отношениях добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются.

Исследователи роли и назначения презумпций в праве отмечают, что ключевым в понимании категории «презумпции» являются признаки «вероятного предположения» и «правового закрепления»². Правовой смысл и назначение презумпций в праве состоит в закреплении в нормах права предположения о наличии или отсутствии юридических фактов, основанных на связи между ними и фактами наличными и подтвержденными предшествующим опытом³.

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 года № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»// Вестник ВАС РФ. 2013. № 10.

² Годовалова М.Н. Понятие и значения презюмирования вины в гражданском праве// Вестник Пермского университета. Выпуск 14(22). 2013. С. 139.

³ Бабаев В.К. Презумпции в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид.наук. Свердловск 1969 // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 16.

Отмечается свойство презумпции выполнять доказательственную функцию, презумпция освобождает сторону от необходимости доказывания факта при установлении другого факта¹.

Таким образом, закрепленная в нормах материального права презумпция является связующим звеном между нормами материального права и процессуального права, выполняет функцию распределения бремени доказывания в корпоративном споре по защите материального права.

При этом необходимо разделять понятие презумпции в материальном праве (материально-правовые презумпции) и в процессуальных отраслях права (процессуально-правовые презумпции). Так, А.В. Хорошавина отмечает, что и те и другие презумпции имеют свое правовое значение именно в рамках гражданского судопроизводства². Но назначение общих процессуальных презумпций, по ее мнению, заключается в том, что они позволяют обеспечить надлежащую процедуру рассмотрения гражданского дела для вынесения законного и обоснованного решения, а назначения материально-правовых презумпций выполняют целый ряд функций в рамках гражданского судопроизводства, а именно функцию определения фактов предмета доказывания; функцию освобождения стороны от доказывания презюмируемого факта; функцию процессуальной экономии; императивная функция (суд обязан применить презумпцию в случае установления факта-основания)³.

Анализ презумпции добросовестности и разумности, в нашем случае презумпции добросовестности и разумности действий руководителя юридического лица является наглядным проявлением выполнения указанных выше функций.

Материально-правовой аспект содержания данной презумпции состоит в том, что такое лицо изначально признается действовавшим добросовестно. На уровне процессуального аспекта данная презумпция:

1) выполняет функцию освобождения стороны от доказывания презюмируемого факта. Так, в соответствии с Постановлением Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 на первом этапе рассмотрения данного корпоративного спора ответчик (руководитель юридического лица) не обязан доказывать свою добросовестность и разумность своих действий. Обязанность доказать факты, свидетельствующие о наличии у юридического лица убытков, вызванных дей-

¹ Воложанин В.П. Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе: автореф. дис. ... канд. юрид.наук. Свердловск. 1953.

² Хорошавина Н.Ю. Процессуально-правовые презумпции в гражданском судопроизводстве. Юридическая техника. 2010. ; 4 С. 562–565. С. 564–565.

³ Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 года № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник ВАС РФ. 2013 № 10.

ствиями (бездействием) ответчика, возлагается на истца. На втором этапе рассмотрения корпоративного спора в случае отказа директора от дачи пояснений или их явной неполноты, если суд сочтет такое поведение директора недобросовестным (статья 1 ГК РФ), на него судом может быть возложено бремя доказывания отсутствия нарушения обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно. Таким образом, на этом этапе рассмотрения спора уже истец может быть освобождён судом от бремени доказывания.

2) определяет факты предмета доказывания. Постановление Пленума определяет круг фактов, которые подлежат доказыванию ответчиков на первом этапе корпоративного спора, и круг фактов, которые должен доказать ответчик на втором этапе спора (в случае представления истцом соответствующих доказательств и возложения судом бремени доказывания на ответчика). Так, на втором этапе судебного разбирательства, когда истцу удалось представить доказательства, свидетельствующие о наличии у юридического лица убытков, вызванных действиями (бездействием) руководителя, происходит перераспределение бремени доказывания. В этом случае уже ответчику (руководителю юридического лица) предлагается дать пояснения относительно своих действий (бездействия) и указать на причины возникновения убытков (например, неблагоприятная рыночная конъюнктура, недобросовестность выбранного им контрагента, работника или представителя юридического лица, неправомерные действия третьих лиц, аварии, стихийные бедствия и иные события и т. п.) и представить соответствующие доказательства. В случае отказа директора от дачи пояснений или их явной неполноты, если суд сочтет такое поведение директора недобросовестным (статья 1 ГК РФ), на него судом может быть возложено бремя доказывания отсутствия нарушения обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно. Таким образом, в этом случае перестает действовать презумпция добросовестности ответчика (руководителя юридического лица).

3) выполняет функцию процессуальной экономии. Описанное выше распределение бремени доказывания по данному корпоративному спору свидетельствует о выполнении рассматриваемой нами презумпцией указанной функции;

4) выполняет императивную функцию (суд обязан применить презумпцию в случае установления факта-основания). В нашем споре в случае недоказанности истцом совокупности фактов – оснований для привлечения ответчика к гражданско-правовой ответственности – суд обязан применить презумпцию добросовестности участника гражданских правоотношений и разумности его действий (действий ответчика).

Таким образом, презумпция добросовестности и разумности действий лица, входящего в состав органов юридического лица, является материально-

правовой презумпцией, имеющей как материально-правовое, так и процессуально-правовое проявление. В нашем примере ее материально-правовое содержание сводится к наличию у участников корпоративного спора материальных гражданских прав (права на взыскание убытков, права на защиту). Процессуальное проявление рассмотренной презумпции проявляется в функциях распределения бремени доказывания (определения предмета доказывания), освобождения стороны от доказывания, функции процессуальной экономии и императивной функции (для суда, рассматривающего спор).

Действие рассмотренной нами презумпции на примере гражданско-правовой ответственности руководителя юридического лица за убытки, причиненные юридическому лицу, является наглядным проявлением межотраслевых связей гражданского права и арбитражно-процессуального права в регулировании корпоративных отношений. Данная презумпция позволяет участникам корпоративного спора эффективно реализовать свои материальные (гражданские) права с помощью процессуальных правовых средств.

Список использованной литературы

Бабаев В.К. Презумпции в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид.наук. Свердловск 1969 // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 16.

Воложанин В.П. Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе: автореф. дис. ... канд. юрид.наук. – Свердловск. – 1953.

Годовалова М.Н. Понятие и значения презюмирования вины в гражданском праве // Вестник Пермского университета. Выпуск 14(22). – 2013. – С. 139.

Хорошавина Н.Ю. Процессуально-правовые презумпции в гражданском судопроизводстве. Юридическая техника. 2010. ; 4 С. 562–565. – С. 564–565.

Чельшев М.Ю. О межотраслевых связях корпоративного права // Вестник экономики, права и социологии. – 2010. – № 3. – С. 64–73.

Чуклова Елена Валериевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского
и трудового права Тольяттинского государственного университета

Chuklova Elena Valerievna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Business
and Labor Law, Togliatti State University

Межотраслевые связи процессуальной ответственности¹

Interbranch links of procedural responsibility

Аннотация: В работе исследуются межотраслевые связи процессуальной ответственности: на уровне правовых норм и институтов, на стадии правоприменения.

Ключевые слова: юридическая ответственность, взаимодействие норм права, комплексный подход.

Abstract: The paper examines the intersectoral links of procedural responsibility: at the level of legal norms and institutions, at the stage of law enforcement.

Keywords: legal responsibility, interaction of legal norms, an integrated approach.

Одной из значимых проблем теории процессуальной ответственности является обеспечение системной взаимосвязи рассматриваемого правового института с нормами и институтами иной отраслевой принадлежности. Стоит отметить, что исследование межотраслевых связей не является новым для юридической науки. М.Ю. Чельшев определял межотраслевые связи «как отношения взаимной зависимости, обусловленности и общности между различными правовыми отраслями, включая и их отдельные части»².

Д.Х. Валеев и В.Г. Голубцов исследуя методологические аспекты межотраслевых связей гражданского процессуального права, указывали на то, что

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

² Чельшев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование // автореф. дисс. на соискание степени д.ю.н. Казань, 2009.

«особую значимость метод межотраслевых связей приобретает при исследовании «стыковых» понятий»¹.

По мнению Е.Е. Уксусовой, «тесная связь процессуального права с материальным, является одним из основных юридических факторов существования, функционирования и развития отраслевой процессуальной формы судопроизводства»².

Процессуальная ответственность, являясь частью системы права, представляет собой сложный межотраслевой, регулятивно-охранительный институт процессуального права, оказывающий воздействие как на юрисдикционный процесс, так и на обеспечение реализации норм материального права, включая исполнение ранее не исполненной обязанности. Она выступает одной из основ процессуального права, являясь его интегративным элементом ввиду того, что её нормами обеспечивается действие предписаний иных отраслей права. Одни и те же общественные отношения находятся, как правило, под воздействием различных элементов системы процессуальной ответственности, которые должны состоять в координационной, генетической и системной связи друг с другом³.

При детальном изучении положений действующего законодательства становится очевидным наличие межотраслевых связей института процессуальной ответственности на всех уровнях его структуры⁴. Наиболее очевидными являются: связи на уровне норм и институтов и на стадии правоприменения. Межотраслевые связи процессуальной ответственности на уровне норм и институтов можно проследить на основании следующего:

Во-первых, нормы процессуальной ответственности связаны с нормами иной отраслевой принадлежности. Так, п. 2 ст. 105 ГПК РФ предусматривает, что судебные штрафы, наложенные судом на не участвующих в рассмотрении

¹ Валеев Д.Х., Голубцов В.Г. Методологические аспекты межотраслевых связей гражданского процессуального права // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. С. 34–44.

² Уксусова Е.Е. Взаимосвязи гражданского процессуального права с правом материальным: проблемы теории и практики (Окончание) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4.

³ Lipinsky D.A., Musatkina A.A., Chuklova E.V. Protsessual'naia otvetstvennost' i bezotvetstvennost', protsessual'naia i natsional'naia bezopasnost': problemy sootnosheniia i sistemnykh svyazei [Procedural Responsibility and Irresponsibility, Procedural and National Security: Problems of Relationship and System Communications]. Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 149–166. (In Russ.) <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-4-149-166>.

⁴ Жук М.С. Бланкетность как форма отражения межотраслевых связей уголовного права // Общество и право. 2010. № 4.

дела должностных лиц взыскиваются из их личных средств, применение которого требует обращения, например, к примечанию ст. 2.4 КоАП РФ, закрепляющему понятие должностного лица.

Во-вторых, норма процессуальной ответственности связана с институтами и субинститутами других отраслей. Например, такая ситуация складывается при применении ст. 66 АПК РФ, когда в случае неисполнения обязанности представить истребуемое судом доказательство по причинам, признанным арбитражным судом неуважительными, на лицо, от которого истребуется доказательство, судом налагается судебный штраф. Здесь можно обнаружить связь с институтом ответственности за незаконное использование товарного знака (подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ), когда истец должен представить доказательства, обосновывающие расчет суммы компенсации (ст. 65 АПК РФ).

В-третьих, институт процессуальной ответственности связан с институтами другой отраслевой принадлежности. Например, процессуальным законодательством устанавливается ответственности в виде судебного штрафа в отношении эксперта в случае невыполнения требования суда, назначившего экспертизу, о направлении заключения эксперта в суд в срок, установленный в определении о назначении экспертизы. Так как, при проведении экспертизы и подготовке заключения привлеченный в судебный процесс эксперт-оценщик пользуется положениями Закона о судебно-экспертной деятельности¹, то институт процессуальной ответственности тесно связан с предписаниями, входящими в состав институтов судебно-экспертной и оценочной деятельности.

На уровне правоприменения межотраслевые связи института процессуальной ответственности проявляются в следующем: норма института процессуальной ответственности является частью механизма правового регулирования, основная цель которого упорядочивание состояния юрисдикционного процесса. Формой проявления межотраслевых связей институтов процессуальной ответственности и уголовной ответственности является их взаимодействие по линии борьбы с некоторыми видами правонарушений. В действующем законодательстве присутствуют составы процессуальных правонарушений, за которые предусмотрены меры, как процессуальной, так и уголовной или административной ответственности. В их конструкции проявляется основной принцип российской юрисдикции: принцип экономии принудительных средств, суть которого заключается в том, что уголовная ответственность за процессуальные правонарушения возможна только после наложения мер процессуальной и административной ответственности².

¹ Кузнецов А.П., Генералов А.В., Ворончихин Д.В. Оценочная деятельность в арбитражном и гражданском процессе. Учебное пособие. М.: Статут. 2016.

² Чуклова Е.В. Место института процессуальной ответственности в системе права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3.

Список использованной литературы

Lipinsky D.A., Musatkina A.A., Chuklova E.V. Protsexual'naia otvetstvennost' i bezotvetstvennost', protsexual'naia i natsional'naia bezopasnost': problemy sootnosheniia i sistemnykh sviazei [Procedural Responsibility and Irresponsibility, Procedural and National Security: Problems of Relationship and System Communications]. Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 149–166. (In Russ.) <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-4-149-166>.

Валеев Д.Х., Голубцов В.Г. Методологические аспекты межотраслевых связей гражданского процессуального права // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2019. – С. 34–44.

Жук М.С. Бланкетность как форма отражения межотраслевых связей уголовного права // Общество и право. – 2010. – № 4.

Кузнецов А.П., Генералов А.В., Ворончихин Д.В. Оценочная деятельность в арбитражном и гражданском процессе. Учебное пособие. – М.: Статут. – 2016

Уксусова Е.Е. Взаимосвязи гражданского процессуального права с правом материальным: проблемы теории и практики (Окончание) // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 4.

Чельшев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование // автореф. дисс. на соискание степени д.ю.н. Казань, 2009.

Чуклова Е.В. Место института процессуальной ответственности в системе права // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 3.

Шакирьянов Рафаиль Валиевич

кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, судья Верховного суда Республики Татарстан в отставке, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета

Shakiryaynov Rafail Valievich

Candidate of Legal Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired judge of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan, Associate Professor of Kazan (Volga Region) Federal University

Национальный язык субъектов Российской Федерации в цивилистическом судопроизводстве¹

The national language of the constituent entities of the Russian Federation in civil law proceedings

Аннотация: автором статьи исследуется проблема национального языка республик в составе Российской Федерации в цивилистическом судопроизводстве. Обосновывается важность национального компонента в судопроизводстве, обращается внимание на необходимость соблюдения конституционного права граждан на пользование родным языком в судопроизводстве, основанного на федеративном устройстве России. Анализируются практика ЕСПЧ в сфере применения языка судопроизводства, а также вопросы, связанные с участием переводчика при разрешении споров, указывается на необходимость повышения процессуального статуса переводчика.

Ключевые слова: государственные языки республик в составе Российской Федерации, язык в гражданском судопроизводстве, практика ЕСПЧ в сфере применения языка судопроизводства, соблюдение норм процессуального права, участие в деле переводчика.

Abstract: The author of the article investigates the problem of the national language of the republics within the Russian Federation in civil law proceedings. The importance of the national component in legal proceedings is substantiated, attention is drawn to the need to observe the constitutional right of citizens to use their native language in legal proceedings based on the federal structure of Russia. The practice of the ECHR in the field of using the language of legal proceedings is analyzed, as

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-411-160004 р_а «Реализация конституционного права на судебную защиту по гражданским делам на государственных языках субъекта Российской Федерации».

well as issues related to the participation of an interpreter in resolving disputes, the need to increase the procedural status of an interpreter is indicated.

Keywords: state languages of the republics of the Russian Federation, language in civil proceedings, the practice of the ECHR in the field of using the language of legal proceedings, compliance with procedural law, participation in the case of an interpreter.

Право субъектов Российской Федерации на использование национального языка субъектов Российской Федерации в гражданском судопроизводстве основано на положениях Конституции Российской Федерации. Статьей 26 Конституции РФ установлено, что каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

В РФ 22 субъекта имеют статус республик и вправе установить свои государственные языки, и это право было реализовано всеми республиками в составе РФ, за исключением Республики Карелия. Статьей 11 Конституции Республики Карелия установлено, что государственным языком в Республике Карелия является русский.

Кроме Республики Карелия можно указать на следующие особенности установления государственных языков в конституциях республик в составе РФ.

В Республики Дагестан государственными языками являются русский язык и языки народов Дагестана (среди них наиболее распространены аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский, чеченский языки), а в Республики Башкортостан, где проживают три основные группы населения: башкиры, русские и татары, государственными являются башкирский и русский языки.

Несомненно, что во всех четырех формах отправления правосудия (конституционного, гражданского, административного, уголовного) существует возможность реализации права на судебную защиту на государственных языках субъекта РФ, однако представляется, что она больше всего реализована в гражданском судопроизводстве.

Нормы о языке гражданского судопроизводства содержатся в ст. 9 ГПК РФ, согласно части первой которой гражданское судопроизводство ведется на русском языке-государственном языке РФ или на государственном языке республики, которая входит в состав РФ и на территории которой находится соответствующий суд.

Некоторые процессуалисты¹ с учетом положений ст. 68 Конституции РФ о том, что государственным языком РФ на всей ее территории является русский

¹ Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации /под редакцией Викут М.А. М., 2012. С. 24 (автор главы первой Грось Г.А.).

язык, указывают, что законодатель в ч. 1 ст. 9 ГПК РФ, устанавливая, что гражданское судопроизводство ведется и на государственном языке республики, которая входит в состав РФ и на территории которой находится соответствующий суд, вышел за пределы, установленные Конституцией.

Представляется, что с такой точкой зрения согласиться нельзя, так как указанные положения ст. 68 Конституции РФ подлежат толкованию (применению) с установленным в ст. 26 Конституции РФ правом на пользование родным языком.

Так, принцип национального языка судопроизводства относится к основополагающим, организационно – функциональным принципам судопроизводства, он вытекает из федеративного устройства Российского государства, этим принципом на практике реализуются указанные выше положения ст. 26 Конституции РФ и обеспечивается равноправие граждан в языковой сфере, в том числе и в судопроизводстве. Возможность ведения гражданского судопроизводства и на государственном языке республики, которая входит в состав РФ, предусмотрена и в ст. 10 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

Кроме того, несмотря на важность принципа и национального языка судопроизводства, некоторые процессуалисты¹ обращают внимание и на то, что из семи сформулированных, в частности, в ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, безусловных оснований к отмене судебных актов ввиду нарушения норм процессуального права реально действующими и применяемыми на практике являются главным образом два. Это рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, а также принятие судом решения о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле (п. 2 и 4 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ). Авторы «к реально действующим и применяемым на практике» принцип национального языка судопроизводства не относят.

Действительно положение ст. 330 ГПК РФ о нарушении правил о языке, на котором ведется судебное производство, на практике применяется не так часто, однако это обстоятельство не может снизить значение принципа национального языка судопроизводства.

Кроме того, практика судов изобилует примерами, где из-за нарушения Конституцией РФ установленного принцип языка судопроизводства были отменены решения судов разных уровней РФ².

¹ См.: Боннер А.Т. Основания к отмене судебных постановлений по гражданским и арбитражным делам должны быть приведены в соответствие с жизнью//Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 9. № 5. С. 15.

² Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 09.09.2015 по делу № 33-8417/2015 // СПС Консультант Плюс; Решение Забайкальского районного суда Забай-

Вместе с тем, нельзя не обратить внимание и на следующие обстоятельства.

Так, нами¹ для выяснения вопросов прикладного значения и реальной реализации права на судебную защиту на государственных языках субъектов РФ в рамках гранта РФФИ и Правительства Республики Татарстан № 18-411-160004 ра был проведен опрос верховных судов субъектов РФ, обладающих возможностью рассмотрения гражданских дел на государственном языке субъекта РФ.

Как показал опрос судебных органов практическое применение государственного языка субъекта РФ в сфере судопроизводства имеет на территории трех субъектов РФ: в Республике Татарстан, Республике Саха (Якутия) и Республике Бурятия.

Представляется, что изложенное выше свидетельствует о наличии оснований и для утверждений о незначительном применении в судопроизводстве государственных языков республик в составе РФ.

Вместе с тем, при исследовании вопроса о действиях принципов судопроизводства, об их эффективности в гражданском судопроизводстве необходимо учесть точку зрения М.К.Треушникова² о том, что принципы подобно маятнику, который качается то в одну, то в другую сторону.

Действительно, многие принципы гражданского судопроизводства кажутся незыблемыми, однако изменение социально-правовых реалий, доктрины, наличие (нахождение) в свойствах принципов их внутреннего потенциала для дальнейшего развития (для изменения их внутреннего содержания) приводят к тому, что со временем многие принципы получают иное звучание, иное развитие.

В этой связи А.Ю. Кузнецов обоснованно указывает о том, что не имеется оснований говорить о том, что отраслевой принцип языка судопроизводства играет якобы вспомогательную роль или имеет второстепенное значение. Как и все важнейшие принципы той или иной отрасли процессуального права, рассматриваемый принцип обладает конституционно-правовым происхождением и природой, а потому имеет равную с ними юридическую силу и значимость:

кальского края по делу № 12-19\13 12-19/2013 от 11 марта 2013 г. // Судебные и нормативные акты. Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/MxuXVWUfKEro/>. Проверено: 17.01.2019 г.

¹ Валеев Д.Х., Нуриев А.Г., Шакирьянов Р.В. Практические и доктринальные проблемы применения государственных языков субъектов Российской Федерации в процессуальных отраслях права на примере гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 3. С. 16–23.

² Треушников М.К. Гражданский процесс. М., 2007. С. 784.

в противном случае система соответствующей отрасли права не обладала бы внутренним единством и целостностью. Таким образом, принцип языка судопроизводства, гарантируя и обеспечивая права и законные интересы субъектов процессуальных правоотношений, не владеющих языком, на котором осуществляется рассмотрение дела с их участием, одновременно обеспечивает сбалансированность и гармоничность применения процедур правосудия в зависимости от предмета разбирательства по делу и субъективных характеристик личности его участников¹.

В Стандарт справедливого судебного разбирательства, сформулированного Европейским судом по правам человека и состоящего из 16 принципов входят и 2 правила, правило об обеспечении бесплатной помощью переводчика в случае незнания языка, на котором осуществляется судопроизводство, а также правило быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном человеку языке о характере и основании предъявленного ему обвинения².

Основополагающие требования о национальном языке судопроизводства и о праве на использование услуг переводчика периодически разъясняются в правовых позициях Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и часто ЕСПЧ в своих решениях «подправляет» правоприменительную практику на национальном уровне в этом вопросе (см. дела «Йечус против Латвии»³, «Озтрюк против Германии»⁴ и т. д.).

О.Ю. Кузнецов, проанализировав, практику ЕСПЧ в контексте нарушения прав человека в сфере применения языка судопроизводства, а им исследованы 11 решений ЕСПЧ по данному вопросу, пришел к выводу, что нормативно-правовое содержание института языка судопроизводства российского процессуального права не только в полной мере соответствует европейским стандартам, но и в отдельных его аспектах даже превосходит их⁵.

При наличии в РФ такого высокого уровня обеспечения судебной защиты лиц, участвующих в судопроизводстве, необходимо и в дальнейшем как на

¹ См.: Кузнецов О.Ю. Понятие «язык судопроизводства» в системе российского процессуального законодательства // Современное право. 2005. № 4. С. 47.

² См.: Алексеевская Е.И. Целевые показатели устойчивого развития правосудия // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 9. № 5. С. 53.

³ Официальный сайт базы данных Европейского Суда по правам человека HUDOC. Адрес: <https://hudoc.echr.coe.int/>. Режим доступа: свободный. Проверено: 21.12.2019 г.

⁴ Официальный сайт базы данных Европейского Суда по правам человека HUDOC. Адрес: <https://hudoc.echr.coe.int/>. Режим доступа: свободный. Проверено: 21.12.2019 г.

⁵ См.: Кузнецов О.В. Международно- правовая практика обеспечения прав лиц, не владеющих языком судопроизводства страны, осуществляющей правосудие (по материалам Европейского суда по правам человека) // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 3. С. 15–20.

практике, так и на законодательном уровне соответствовать этим высоким европейским стандартам.

Кроме того, изложенное выше позиция о важности исследуемого вопроса, подтверждается и тем, что в полученных нами ответах из верховных судов республик в составе РФ, указывалось также на ряд существующих проблем (отсутствие официальных переводов кодексов и других нормативных правовых актов, отсутствие кадров, не владение судьями юридической лексикой, правовыми терминами на государственном языке субъекта РФ; отсутствие специальных юридических справочных материалов и терминологических словарей и т. д.), которые, на наш взгляд, являются подспорьем для выработки конкретных предложений, резервов роста, которые способствовали бы дальнейшему улучшению применения государственных языков субъектов РФ в судопроизводстве, способствующих укреплению основ федерализма России.

Вместе с тем сфера использования государственных языков субъектов РФ в области отправления правосудия достаточно широка и она не может быть ограничена лишь исследованием вопросов связанных с рассмотрением конкретных дел на государственных языках республик в составе РФ.

Реальную картину реализации государственного языка субъекта РФ в сфере судопроизводства можно установить лишь при совместном исследовании вопросов связанных с рассмотрением дела и принятием с соответствующим вручением лицам, участвующим в деле, судебных постановлений на государственном языке субъекта РФ, а также путем изучения вопросов связанных с привлечением переводчика при рассмотрении судебных дел.

Работа переводчика играет важную роль при разрешении гражданско-правовых споров, его эффективное участие в судопроизводстве зачастую является одним из основных вариантов реализации «языковых гарантий», предусмотренных ст. 26 Конституции РФ.

В этой связи мы можем утверждать, что о реальном использовании государственного языка субъекта РФ в сфере судопроизводства можно говорить лишь как с учетом рассмотрения дела и принятия судебных постановлений на государственном языке субъекта РФ, так и с учетом привлечения переводчиков при рассмотрении судебных дел. С учетом этого обстоятельства все процессуальные источники, закрепляя возможность защиты права в суде на государственном языке субъекта РФ отдельно оговаривают, что лицам, участвующим в деле и не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, разъясняется и обеспечивается право давать объяснения, заключения, выступать, заявлять ходатайства, подавать жалобы на родном языке, а также пользоваться услугами переводчика. Во всех процессуальных источниках основным критерием, характеризующим переводчика является свободное владение языком на

котором ведется судопроизводство и языка, знание которого необходимо для перевода. При этом определение уровня свободного владения языком посредством установления минимальных требований, предъявляемых к переводчику законодательством не предусмотрено.

Это обстоятельство в свою очередь требует повышения статуса переводчика в гражданском судопроизводстве, а также соответствующей ответственности за нарушения, допущенные в этой сфере.

В этой связи мы поддерживаем предложения авторов¹ о необходимости внесения определенных изменений в нормы действующего законодательства.

Так, подлежит изменению редакция п. 3 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ и после слов «нарушение правил» необходимо добавить слова о том «в том числе, связанные с работой переводчика, которые повлекли нарушение прав лиц, участвующих в деле», и с учетом этого п. 3 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ следует изложить в следующей редакции **«нарушение правил о языке, на котором ведется судебное производство, в том числе, связанные с работой переводчика, которые повлекли нарушение прав лиц, участвующих в деле».**

Безусловно, государственный язык республик в составе РФ как язык судопроизводства может существовать только при наличии объективной возможности у судебного органа рассмотреть конкретное дело на государственном языке субъекта РФ, что предполагает наличие судей и работников аппарата суда, владеющих государственными языками субъектов РФ, включая знание специальной юридической терминологии. Отсутствие таких объективных возможностей должно компенсироваться прозрачной системой судебных переводов, так как в этом случае именно на переводчика возлагается основная процессуальная функция обеспечения «языковых гарантий» участников спорных правоотношений, реализации принципа о языке судопроизводства².

Список использованной литературы

Алексеевская Е.И. Целевые показатели устойчивого развития правосудия // Вестник гражданского процесса. – 2018. – Т. 9. – № 5.

Боннер А.Т. Основания к отмене судебных постановлений по гражданским и арбитражным делам должны быть приведены в соответствие с жизнью // Вестник гражданского процесса. – 2018. – Т. 9. – № 5. – С. 15.

Валеев Д.Х., Нуриев А.Г., Шакирьянов Р.В. Практические и доктринальные проблемы применения государственных языков субъектов Российской Фе-

¹ См: Валеев Д.Х., Нуриев А.Г., Шакирьянов Р.В. Указ. соч. С. 20.

² См., например, Валеев Д.Х., Нуриев А.Г., Шакирьянов Р.В. Процессуальный статус переводчика и доказательственное значение его переводов в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 1. С. 114–123.

дерации в процессуальных отраслях права на примере гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 3. – С. 16–23.

Валеев Д.Х., Нуриев А.Г., Шакирьянов Р.В. Процессуальный статус переводчика и доказательственное значение его переводов в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9. – № 1. – С. 114–123.

Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации /под редакцией Викут М.А. – М., 2012.

Кузнецов О.В. Международно- правовая практика обеспечения прав лиц, не владеющих языком судопроизводства страны, осуществляющей правосудие (по материалам Европейского суда по правам человека) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 3. – С. 15–20.

Кузнецов О.Ю. Понятие «язык судопроизводства» в системе российского процессуального законодательства // Современное право. – 2005. – № 4.

Треушников М.К. Гражданский процесс. – М., 2007.

Юдин Андрей Владимирович

доктор юридических наук, профессор, исполняющий обязанности
заведующего кафедрой гражданского процессуального
и предпринимательского права юридического факультета
Самарского национального исследовательского университета
имени академика С.П. Королева, профессор кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии

Yudin Andrey Vladimirovich

Doctor of Legal Sciences, Professor, Acting Head of the Department
of Civil Procedural and Business Law of the Law Faculty of the Samara National
Research University named after academician S.P. Koroleva, Professor
of the Department of Arbitration Procedure, Saratov State Law Academy

Судебное защитное предписание в гражданском судопроизводстве

Judicial protection order in civil proceedings

Аннотация: законопроектными работами последних лет оказался востребован институт судебного защитного предписания, которое может быть использовано в самых различных сферах охраны личных неимущественных прав («травля» в Интернете, профилактика семейно-бытового насилия и др.). Его применение требует осмысления ряда процессуальных и смежных проблем, а именно вопросов процедуры применения, оперативности мер, контроля исполнения, допустимой конкретизации предписаний, адресности, выражения превенции, репрессивности и др. Автор приходит к выводу, что судебное защитное предписание имеет значительный регулятивный индивидуальный потенциал в различных сферах правоотношений, и внедрение данной меры в законодательство и практику его применения позволит расширить границы возможной судебной защиты субъектов спорных правоотношений.

Ключевые слова: судебное защитное предписание, судебный запрет, процессуальные средства, семейно-бытовое насилие, административное судопроизводство, приказ суда, предписание суда, запрет приближения.

Abstract: the Institute of judicial protection orders, which can be used in various areas of protection of personal non-property rights («bullying» on the Internet, prevention of domestic violence, etc.), has been in demand in recent years. Its application requires understanding of a number of procedural and related issues, namely, the procedure for applying, efficiency of measures, control of execution, permissible

specification of orders, targeting, expression of prevention, repressiveness, etc. The author comes to the conclusion that the judicial protection order has a significant individual regulatory potential in various areas of legal relations, and the introduction of this substantive and procedural measure in the legislation and practice of its application will expand the boundaries of possible judicial protection of subjects of disputed legal relations.

Keywords: judicial protection order, injunction, procedural means, domestic violence, administrative proceedings, court order, court order, prohibition of approach.

Потенциал гражданско-процессуальных средств, которыми располагает суд в сфере гражданского судопроизводства, используется далеко не в полной мере. Это снижает эффективность судебной защиты нарушенных прав, и неслучайно судебная практика и область законопроектной работы находят все новые и новые сферы, в которых такой потенциал имел бы свое применение. Властные полномочия суда, направленные на обеспечение должного поведения субъектов спорных правоотношений, могут оказаться вполне эффективными и в других областях общественных отношений – иных, чем имущественные споры.

Так, например, недавно было анонсировано принятие законопроекта, направленного против травли в Интернете частных лиц («кибербуллинга»), против которого планируется использовать институт судебного запрета.

Также интересная законодательная инициатива, содержится в Проекте Федерального закона № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия», которым предусмотрено введение института судебного защитного предписания (статья 23), выносимого мировым судьей в порядке гражданского судопроизводства по заявлению пострадавшего от семейно-бытового насилия или иных субъектов (части 1–3 статьи 23); срок действия предписания составляет от одного месяца до года (часть 5 статьи 23) с возможностью его продления (часть 7), дополнения и прекращения (часть 8); предусмотрен сокращенный срок рассмотрения дела (часть 2 статьи 24); в числе мер, устанавливаемых судебным защитным предписанием, названы: запрет совершать семейно-бытовое насилие по отношению к пострадавшему или другим лицам; преследовать пострадавшего; приобретать и пользоваться любыми видами оружия; возложение обязанности пройти специализированную психологическую программу, а в качестве дополнительных мер обязанность нарушителя: покинуть место совместного проживания с пострадавшим на срок действия судебного защитного предписания, независимо от того, кто является собственником жилого помещения; передать пострадавшему его личное имущество, документы, если они удерживаются нарушителем; возместить имущественный и моральный вред, расходы

на оплату консультирования или пребывания в гостинице, кризисном центре либо в ином временном жилом помещении, расходы по найму пострадавшим жилого помещения в разумном размере, если совместное проживание пострадавшего и нарушителя невозможно (статья 25 законопроекта). Материально-правовые аспекты предлагаемой новеллизации уже обсуждаются на страницах юридической литературы¹.

Если не брать во внимание технические погрешности предлагаемого нововведения (в частности, расхождение в наименовании выносимого судебного акта (часть 6 статьи 24 законопроекта) с существующей в гражданском процессе номенклатурой (статья 13 ГПК РФ), при которой термин «постановление» употребляется только применительно к актам суда надзорной инстанции), то его главная непоследовательность заключается в определении вида судопроизводства, по правилам которого подлежат рассмотрению такие дела; если первоначально декларируется их рассмотрение по правилам гражданского судопроизводства, то направление судебного акта и его обжалование производятся по правилам судопроизводства административного (части 7,12 статьи 24 законопроекта). Несмотря на то, что данное положение можно объяснить ошибкой разработчиков закона², оно не снимает вопроса о процедуре, в рамках которой должно быть вынесено судебное защитное предписание.

Полагаем, что наиболее правильным было бы отнесение подобных дел к компетенции суда именно в порядке гражданского судопроизводства, поскольку судебное защитное предписание определяет и регулирует отношения, в первую очередь, между частными лицами – субъектом, пострадавшим от семейно-бытового насилия и нарушителем. Тот факт, что обязанность ответчика воздерживаться от нарушения судебного защитного предписания существует перед властным субъектом и обеспечена мерами государственного принуждения не колеблет данного вывода, поскольку отчет в исполнении любого судебного решения, предполагающего принудительное исполнение, должник обязан дать именно перед властным органом, и обеспеченность решения мерами государственного принуждения (исполнимость) составляет неотъемлемый компонент его законной силы. Показательным в этом отношении может быть сравнение с действиями мер административного надзора (глава 29 КАС РФ): здесь налагаемые на административного ответчика ограничения функционально схо-

¹ См.: Малеина М.Н. Запрет на приближение нарушителя к потерпевшему как гражданско-правовой способ защиты // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 11–14.

² Проект Федерального закона № 1183394-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О профилактике семейно-бытового насилия”» предусматривает дополнение КАС РФ главой 12.1 «Производство по административным делам о вынесении, продлении, дополнении и прекращении судебного защитного предписания».

жи с мерами судебного защитного предписания, однако их выраженная направленность на превентивную защиту правопорядка, а не только конкретной личности, которая может пострадать от действий поднадзорного, обуславливает рассмотрение данного вопроса в рамках административного, а не гражданского судопроизводства.

Можно также привести примеры уже известных действующему законодательству защитных судебных предписаний, если понимать это явление в функциональном смысле, то есть как некое обязательное профилаксирующее предписание суда, выносимое в порядке гражданского или арбитражного судопроизводства в качестве итогового судебного постановления. Так, на основании статьи 248.2 АПК РФ, «лицо, в отношении которого инициировано разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже, находящихся за пределами территории Российской Федерации, ... вправе обратиться в арбитражный суд субъекта Российской Федерации по месту своего нахождения или месту жительства с заявлением о запрете инициировать или продолжать такое разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже, находящихся за пределами территории Российской Федерации...». К судебным защитным предписаниям неитогового характера с функциональной точки зрения можно причислить меры по обеспечению иска, которыми ответчику запрещается совершать определенные действия (пункт 2 части 1 статьи 140 ГПК РФ, пункт 2 части 1 статьи 91 АПК РФ). Так, в силу части 6.1 статьи 152 ГПК РФ, «при рассмотрении споров о детях по требованию родителей в предварительном судебном заседании суд ... вправе определить место жительства детей и (или) порядок осуществления родительских прав на период до вступления в законную силу судебного решения».

Область судебных защитных предписаний может не ограничиваться сферой гражданского судопроизводства. Так, в пункте 11 части 1 статьи 3.2 КоАП названо такое административное наказание как «административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения». Обращение к составам административных деликтов, за которые предусмотрено назначение данного административного наказания (статья 20.31 КоАП и др.), убеждает в том, что данная мера имеет не столько «наказательный», сколько превентивный функционал, что роднит ее с рассмотренными нами судебными защитными предписаниями.

Приказы-запреты известны гражданскому процессу Англии¹. Возможность вынесения ограничительных или охранных приказов предусмотрена ста-

¹ Более подробно см.: Михайлов А. Судебные приказы-запреты в английском праве. <https://blog.pravo.ru/blog/5599.html>; Незнамов А.В. Судебный запрет как способ устранения множественности исков и судебных разбирательств // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 3. С. 46–52 и др.

тьей 53 Конвенции Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье» (CETS N 210)¹. В практике других стран инструментом защиты прав лиц выступает судебный охранный ордер². Судебные защитные предписания, выносимые иностранными судами, имеют более широкую сферу применения. Так, например, в сети Интернет под рубрикой «Десять кинозвезд, которым пришлось подавать в суд на поклонников» сообщается, что «некий печально знаменитый Роберт Дьюи Хоскинс успел получить судебные запреты сначала от Мадонны, а затем от Холли Берри»³; «в 2005 году Джанет Джексон добилась судебного запрета на контакт с ней для жителя Нью-Йорка Роберта Гарднера, который, как она заявила, преследовал ее в течение девяти лет»⁴ и пр.

Согласно существующей классификации исков по процессуальной цели, судебное защитное предписание может быть отнесено к искам о присуждении как положительного (обязанность должника совершить некие действия) так и отрицательного характера (обязанность должника воздержаться от совершения действий). Такого рода иски, как правило, применяются в сфере имущественных отношений, когда присуждение должника к определенному типу поведения сопряжено с исполнением им обязанности по передаче имущества, освобождению объекта и пр. Однако нормы Конституции РФ (часть 1 статьи 23) и гражданского законодательства (статья 150 ГК РФ) не исключают вынесение судом запрета (предписания), нацеленного на защиту нематериальных благ и в настоящий момент времени, однако отсутствие прямого регулирования может послужить препятствием для применения данных мер судом. В приведенных выше законодательных инициативах речь идет о присуждении должника к поведению в сфере личных отношений, что требует правовой оценки.

Принципиальным здесь представляется анализ следующих моментов.

1. Адекватность судебного защитного предписания характеру нарушения прав с позиций процедуры его применения. Судебное защитное предписание будет направлено на пресечение правонарушений (в сфере личных отношений, в сети «Интернет», в других сферах), в связи с чем, насколько правомерным является отнесение таких дел к области гражданского процесса (или административного судопроизводства); нецелесообразнее ли в этой связи воспользо-

¹ Заключена г. Стамбуле 11.05.2011. Доступна в ИПС «КонсультантПлюс».

² Малеина М.Н. Указ. соч.

³ <https://fishki.net/2615896-10-kinozvezd-kotorym-prishlosy-podavaty-v-sud-na-poklonnikov-11-foto.html>. Дата рецепции 13.10.2020.

⁴ <https://www.city-n.ru/view/83291.html>. Дата рецепции 13.10.2020. Более подробно о такого рода исках см.: Малеина М.Н. Запрет на приближение и (или) установление других контактов нарушителя с потерпевшим гражданином как способ защиты личных неимущественных прав // Законодательство. 2012. № 2.

ваться инструментарием административно-наказательного процесса (тем более, что предлагаемые изменения определяют семейно-бытовое дебоширство в качестве административного деликта) или процесса уголовного (если соответствующие действия расценивать в качестве уголовного проступка)?

Не умаляя важность репрессивного инструментария, заметим, что девиантные формы поведения, которые предлагается купировать с помощью судебного защитного предписания, характеризуются высокой латентностью и сложнодоказуемостью, при которой бывает невозможно провести грань между нормой поведения и патологией, и в этом смысле привлечение к ответственности будет менее эффективным, чем превентивное воздействие на потенциального нарушителя. Для решения последних задач гражданско-процессуальные средства или средства административного судопроизводства, как необязательно связанные с реализацией мер ответственности, оказываются более продуктивными.

2. Оценка оперативности применения судебного защитного предписания. Можно видеть, что за последние годы процессуальное законодательство пополнилось категориями дел, срок рассмотрения которых может составлять несколько дней (см. например, статья 277 КАС РФ), либо определяться как «немедленно» (см. например, статья 241 КАС РФ) или «в день поступления административного искового заявления в суд» (часть 1 статьи 285.3 КАС РФ). В этом отношении устранение правонарушения с помощью судебного защитного предписания может состояться достаточно оперативно.

3. Эффективность судебного защитного предписания с позиций контролируемости его практической реализации. Если большинство предписаний суда характеризуются предельной четкостью, формальной определенностью и их выполнение может быть легко проверено (уплата денежной суммы, передача конкретного имущества), то не все меры, подлежащие включению в судебное защитное предписание, могут быть признаны отвечающим этим критериям. Так, например, если предписание «не приобретать оружие» вполне конкретно, то предписание «прекратить преследование» достаточно абстрактно. Как отмечалось нами ранее, «суд не может приставить к должнику «надсмотрщика», который бы фиксировал отсутствие с его стороны действий, нарушающих судебное решение»¹. Сложнодоказуемость возможного неисполнения может явиться фактором, снижающим эффективность защитного предписания.

4. Изложенное в предыдущем пункте порождает вопрос о допустимой степени конкретизации мер, включаемых в судебное защитное предписание.

¹ Юдин А.В. Иск о присуждении к бездействию в личной (неимущественной) сфере и его нераскрытый потенциал в гражданском процессе // Юрист. 2011. № 23. С. 7–12.

Вполне предсказуемы сложности обнаружения баланса прав лиц, при котором, с одной стороны, сформулированные в самом общем виде меры позволят запретить значительное число форм нежелательного поведения, но позволят ответчику не исполнять их со ссылкой на то, что они не распространяются на избранную им форму поведения, а, с другой стороны, предельно конкретные предписания рискуют не охватить какую-либо из форм нежелательного поведения, то есть в этом смысле не являются гибкими.

5. *Степень авторитетности запрета, содержащегося в судебном защитном предписании*, превосходит по своей юридической силе иные возможные акты административных органов, поскольку решение с присущими ему свойствами общеобязательности и исполнимости подкреплено возможностями принудительного исполнения в отношении должника.

6. Обращаясь к правовой природе судебного защитного предписания, нельзя не отметить его *ярко выраженное превентивное действие*. Если основание обычного судебного решения по гражданскому или административному делу коренится в предшествующих отношениях сторон в том смысле, что судебное присуждение вытекает из фактов и правоотношений, имевших место в прошлом, то судебное защитное предписание, включаемое в судебный акт, основано на фактах будущего, а именно предположения повторяемости фактов негативного поведения, против которых и обращено рассматриваемое предписание¹. Имевшие место ранее факты правонарушений и девиаций составляют лишь *основание для предположения*, что они могут повториться в будущем, и позволяют суду выдать предписание.

Если обычное судебное решение призвано урегулировать (упорядочить) факты прошлого, то решение с защитным предписанием в этом отношении бесполезно, поскольку факты правонарушений или иных девиаций уже свершились и их запрет явно запоздал.

Как известно, в основание исковых требований может быть положено не только нарушение, но и угроза нарушения права (пункт 4 части 2 статьи 131 ГПК РФ). Судебное защитное предписание направлено на предотвращение будущего ненадлежащего поведения. Как писал В.М. Гордон «знаменательный момент в деле проведения в жизнь *предупредительной* защиты гражданского права представляет и институт *исков о воспреещении*, исков, направляемых на то, чтобы предупреждать в будущем действия, совершение которых было бы нарушением прав истца»². В науке гражданского процесса советского периода

¹ Однако имеются меры, включаемые в судебное защитное предписание, которые не выходят за рамки требований по обычным искам о присуждении: возместить вред, покинуть жилое помещение, возместить расходы и пр.

² Гордон В.М. Иски о воспреещении (литературное обозрение). Санкт-Петербург, 1913. С. 4.

была разработана конструкция превентивных исков, призванных предупредить правонарушение, отвести угрожающее притязание, снять напряженность¹. Н.К. Мясникова в последующем предлагали обозначать такие иски как «иски о предупреждении ответчика о недопустимости совершения (или повторения) противоправных действий»².

Весомость предположения о повторении ответчиком недозволенных действий, дающая суду основание применить судебное защитное предписание, может быть различной. В некоторых случаях основанием для вынесения предупреждения могут послужить действия ответчика, продолжаемые им во время производства по делу; в других ситуациях суд может счесть утверждения истца голословными и не найти оснований для применения защитного предписания. По мнению М.Н. Малеиной, «в гражданском законодательстве следует закрепить обязательную непрерывность угрозы нарушения неимущественного права» в качестве обязательного условия применения запрета³.

Также некоторые меры, рекомендуемые к включению в предписание, могут и не вытекать с необходимостью из предшествующего поведения ответчика (например, во избежание возможного причинения вреда покинуть жилое помещение, хотя бы ответчик и не допускал действий, сопряженных с ненадлежащим использованием жилого помещения). Последнее обстоятельство связано с тем, что с помощью судебного защитного предписания *суд воздействует на поведение ответчика не только через прямой запрет на совершение действий, но и через разрушение условий, способствующих совершению нарушений* (например, запрет приобретать оружие, необходимость сменить место жительства, пройти специализированную психологическую программу и др.).

7. Усиление предупредительного эффекта судебного защитного предписания обеспечивается за счет его *адресности, то есть личной обращенности к правонарушителю*. Судебное защитное предписание подходит к ответчику с позиций его презюмируемой склонности к девиантному поведению, то есть фактически как к лицу подозреваемому.

При несоблюдении мер, содержащихся в предписании, интенсивность последующей репрессивности значительно возрастет, поскольку ответчик персонально предупреждался о недопустимости соответствующего поведения; по степени воздействия такой индивидуальный запрет значительно убедительнее,

¹ См.: Мурадян Э.М., Тихиня В.Г. Предупредительный иск в гражданском процессе // Правоведение. 1987. № 4. С. 76; Мурадян Э.М. Превентивные иски // Государство и право. 2001. № 4.

² Мясникова Н.К. Виды исков в гражданском судопроизводстве: учеб. пособие. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2002. С. 84–85.

³ Малеина М.Н. Указ. соч.

чем если бы ответчик действовал в отсутствие предписанного судебным решением запрета.

8. Из предыдущего суждения относительно адресности запрета может быть выведен тезис о *нестабильности решений по такого рода делам*, которое не всегда может успеть за текущими отношениями и утратить актуальность для сторон. Это вытекает из динамичности обстоятельств, в зависимость от которых поставлено действие решения. Возможный переезд стороны или сторон, примирение, обмен жилых помещений, изменение иных обстоятельств способны сделать запрет неактуальным для изменившейся ситуации.

Таким образом, *судебное защитное предписание имеет значительный регулятивный индивидуальный потенциал в различных сферах правоотношений, и внедрение данной меры в законодательство и практику его применения, с учетом высказанных замечаний, позволит расширить границы возможной судебной защиты субъектов спорных правоотношений.*

Список использованной литературы

Гордон В.М. Иски о воспрещении (литературное обозрение). Санкт-Петербург, 1913.

Малеина М.Н. Запрет на приближение и (или) установление других контактов нарушителя с потерпевшим гражданином как способ защиты личных неимущественных прав // Законодательство. – 2012. – № 2. – С. 29–32.

Малеина М.Н. Запрет на приближение нарушителя к потерпевшему как гражданско-правовой способ защиты // Российская юстиция. – 2019. – № 6. – С. 11–14.

Михайлов А. Судебные приказы-запреты в английском праве. <https://blog.pravo.ru/blog/5599.html>.

Мурадян Э.М. Превентивные иски // Государство и право. – 2001. – № 4. – С. 23–27.

Мурадян Э.М., Тихиня В.Г. Предупредительный иск в гражданском процессе // Правоведение. – 1987. – № 4. – С. 75–79.

Мясникова Н.К. Виды исков в гражданском судопроизводстве: учеб. пособие. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2002.

Незнамов А.В. Судебный запрет как способ устранения множественности исков и судебных разбирательств // Арбитражный и гражданский процесс. – 2014. – № 3. – С. 46–52.

Юдин А.В. Иск о присуждении к бездействию в личной (неимущественной) сфере и его нераскрытый потенциал в гражданском процессе // Юрист. – 2011. – № 23. – С. 7–12.

Содержание

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	1
Афанасьев Сергей Федорович	
Зарубина Мария Николаевна	
О месте общеправовых принципов гражданского процесса при отправлении электронного правосудия	16
Борисова Виктория Федоровна	
Модернизация процесса доказывания в условиях цифровизации правосудия по гражданским делам	24
Валеев Дамир Хамитович	
Улучшение судебной защиты в условиях цифровой экономики: аналитический подход	32
Волкова Татьяна Владимировна	
Право на судебную защиту в сфере управления земельными ресурсами и механизм его реализации в цивилистическом судопроизводстве	38
Воронцова Ирина Викторовна	
Направление судебных поручений в свете развития цифровых технологий (международный и иностранный опыт).....	46
Дьяконова Мария Олеговна	
Доказывание по спорам, возникающим в сфере Интернет-торговли..	54
Загайнова Светлана Константиновна	
Иванова Екатерина Алексеевна	
Соломеина Елизавета Александровна	
Шереметова Галина Сергеевна	
Анализ проекта закона «Об урегулировании споров с участником посредника (медиации) в Российской Федерации», подготовленного Министерством юстиции Российской Федерации	58
Исаенкова Оксана Владимировна	
О некоторых препятствиях использования технологий удаленного доступа при отправлении правосудия по гражданским делам	64
Князькин Сергей Игоревич	
Проблемы руководства судебной практикой в проверочной судебной деятельности в цивилистическом процессе	70

Кузнецова Ольга Анатольевна	
Услуги pro bono в системе бесплатной юридической помощи.....	75
Курочкин Сергей Анатольевич	
Кодификация гражданского процессуального законодательства как средство повышения эффективности его действия.....	80
Липинский Дмитрий Анатольевич	
Межотраслевой институт процессуальной ответственности	90
Макарейко Николай Владимирович	
Пределы процессуальной ответственности.....	96
Маколкин Никита Николаевич	
Верификация и аутентификация – дополнительные триггеры формирования комфортной юрисдикции: постановка проблемы	101
Мохов Александр Анатольевич	
Стратегические генетические технологии для сферы здравоохранения: правовой аспект.....	107
Нахова Елена Александровна	
К вопросу о систематизации института доказывания и доказательств в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве	114
Новоселова Людмила Александровна	
Доказательства из сети «Интернет».....	120
Нуриев Анас Гаптрауфович	
Электронное делопроизводство как фактор максимизации уровня цифровой безопасности и ее влияние на развитие процессуальных отношений.....	128
Росенко Мария Ивановна	
К вопросу о систематизации административного права Российской Федерации.....	133
Самсонов Николай Владимирович	
Проблемы соотношения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и иных федеральных законов, содержащих процессуальные нормы.....	139
Терехова Лидия Александровна	
Дела из административных и иных публичных правоотношений в действующих процессуальных кодексах.....	144

Федосеев Александр Андреевич	
Влияние принципа информационного сотрудничества субъектов гражданского правоотношения на распределение бремени доказывания	150
Фомин Алексей Александрович	
Право на судебную защиту как конституционный принцип правосудия (на примере цивилистического процесса)	156
Хисамов Азат Хамзович	
Проблемы систематизации норм о процессуальной компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов в правоприменительной практике	162
Чекмарева Анастасия Валериевна	
Презумпция добросовестности и разумности: межотраслевые связи корпоративного права и арбитражно-процессуального права	177
Чуклова Елена Валериевна	
Межотраслевые связи процессуальной ответственности	184
Шакирьянов Рафаиль Валиевич	
Национальный язык субъектов Российской Федерации в цивилистическом судопроизводстве	188
Юдин Андрей Владимирович	
Судебное защитное предписание в гражданском судопроизводстве	196

В Е С Т Н И К
Г Р А Ж Д А Н С К О Г О
П Р О Ц Е С С А

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛОВ

Ознакомьтесь с подробными условиями публикации авторских материалов
и оформите подписку на журнал вы можете на сайте

www.civpro.org

Подписано в печать 28.10.2020. Объем 11,79 п. л.

Отпечатано: ООО «Студия рекламы СБА»
420006, г. Казань, ул. Рахимова, д. 31